

75

ПОБЕДА!
1945-2020

НА ВЫСОТЕ ГЕРОЕВ

КРЫМ: ВОЙНА, ПОБЕДА, ПАМЯТЬ

**КРЫМ:
ВОЙНА,
ПОБЕДА,
ПАМЯТЬ**

НА ВЫСОТЕ ГЕРОЕВ

Все испытав,
Мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая, займет наш враг,
Займет, сводя все те же счета,
Займет, засядет, нас разя...
Сердца! Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя.

Василий Федоров

Симферополь
2020

УДК 94(47) «1941/1945»
ББК 63.3(2Рос.Крм)62
М25

Маркелов Олег Владимирович, Мащенко Александр Петрович.

М25 На высоте героев / Маркелов Олег Владимирович, Мащенко Александр Петрович. — Симферополь: ООО «Фирма “САЛТА” ЛТД», 2020. — 284 с., илл.

ISBN 978-5-6044707-0-3

Книга об истории Великой Отечественной войны в Крыму, о сохранении исторической памяти и патриотическом воспитании, о неразрывной связи времен и поколений, семейных историй и судеб страны. Предназначена для широкого круга читателей.

Под патронатом Государственного Совета Республики Крым.

УДК 94(47) «1941/1945»
ББК 63.3(2Рос.Крм)62

ISBN 978-5-6044707-0-3

© Маркелов О.В., Мащенко А.П.

**КРЫМ:
ВОЙНА,
ПОБЕДА,
ПАМЯТЬ**

Оглавление

От авторов	4
Вступительное слово главы Республики Крым Сергея Аксёнова	10
Вступительное слово председателя Государственного Совета Республики Крым Владимира Константинова	14
Глава 1. Севастополь: здесь началась Великая Отечественная	20
Глава 2. На борту «непотопляемого авианосца»	28
Глава 3. Пиррова победа Манштейна	34
Глава 4. Берега смерти	46
Глава 5. «Об этом нельзя словами... Тут надо рычать! Рыдать!»	54
Глава 6. Ад и ангелы Аджимушкая	68
Глава 7. Красный — цвет крови	86
Глава 8. Непокоренный Крым	114
Глава 9. В крымском мешке	142
Глава 10. От Толстого до Толстова	150
Глава 11. В апреле 1944-го	164
Глава 12. Сделано в Ялте: восемь дней, которые мир никогда не забудет	178
Глава 13. Николай Головин: Красное знамя, Слава и Крест	194
Глава 14. Иван Юрьев с «Беспощадного»: без пощады к фашистам	202
Глава 15. Хана немцам от Амет-Хана Султана!	212
Глава 16. «Боевая подруга»: любовь, месть и вечность	222
Глава 17. Наследники Победы	230
Глава 18. Живая память	240
Глава 19. Миллионы фронтовиков все еще не вернулись с войны	254
Глава 20. «Отечество» Владимира Волынка	266
Глава 21. Бессмертная армия Победы	276

Сквер Победы в Симферополе

От авторов

Идею этой книги нам подсказал председатель Государственного Совета Республики Крым Владимир Андреевич Константинов.

Живая память о Великой Отечественной войне, о Великой Победе — одна из основ идентичности нашего народа. Это та внутренняя духовная крепость, которая помогла крымчанам выстоять и вернуться домой в Россию. Неприятие нацизма у нас заложено на генетическом уровне.

Символично, что формирование народного ополчения 23 февраля 2014 года началось у сквера Победы в Симферополе. Здесь на сравнительно небольшом пространстве находятся памятники, символизирующие неразрывность и преемственность отечественной истории. Это памятник-танк Т-34, который первым ворвался в Симферополь в апреле 1944 года. Это кафедральный собор в честь святого благоверного князя Александра Невского, восстановленный на месте взор-

ванного в 1930 году храма. Это Долгоруковский обелиск, напоминающий о победе русских войск под командованием князя Василия Долгорукова-Крымского в 1771 году, которая сыграла огромную роль в последующем присоединении Крыма к Российской Империи.

События последних десятилетий ясно показали, что сохранение исторической памяти и патриотическое воспитание являются ключевыми элементами национальной безопасности. Как писал выдающийся советский поэт Василий Федоров, стихотворение которого мы выбрали в качестве эпиграфа, сердца людей — это «высоты, которых отдавать нельзя». Прошлое растворено в настоящем, как важнейшая составная часть духовной атмосферы современности. И если эту часть изъять или заменить подделкой, то атмосфера станет непригодной для жизни нормальных людей. Зато нравственные уроды и чудовища будут плодиться в ней с огромной скоростью — как это и произошло на Украине.

Приступая к работе над книгой, мы ставили перед собой задачу показать, что история Великой Отечественной войны — это, по сути,

семейная история нашего народа. Что любые попытки переписать и перевернуть эту историю — уже не политика, а кровное оскорбление для каждого из нас, оскорбление семьи, рода, памяти предков. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

И не надо нам говорить, что речь якобы не о подвиге простого солдата, а о бездарности руководства, что это была война двух тоталитарных режимов, что победили вопреки плохому Сталину, что завалили трупами, и так далее. Не надо этого вранья. Мы сыты им по горло. И мы знаем, чем все заканчивается: осквернением памяти и могил наших предков и возведением на пьедесталы нацистов и предателей.

«Народ умирает, когда становится населением, — писал советский писатель, фронтовик Фёдор Абрамов. — А населением он становится тогда, когда забывает свою историю». То есть, чтобы уничтожить народ, надо лишить его исторической памяти. Это и есть одна из главных целей информационной войны, которую ведёт Запад против России.

Но, как сказал наш Президент, мы заткнем поганый рот тем, «кто пытается переиначить историю, подать ее в ложном свете и прини-

зить роль наших отцов и дедов, наших героев, которые погибали, защищая свою Родину и практически весь мир от коричневой чумы». Мы заткнем их поганый рот правдой. Это наше главное оружие.

В этой книге мы постарались простым и доступным языком рассказать об истории войны в Крыму, в том числе, через истории ее героев, ветеранов и наших современников. О том, как крымчане сохраняют и передают потомкам историческую память. Это особенно важно сегодня, когда один за другим уходят из жизни наши ветераны, наши герои.

Уже в последние дни работы над книгой, 17 марта 2020 года, фактически — в шестую годовщину воссоединения Крыма с Россией, ушел из жизни участник штурма Сапун-горы Иван Иванович Патук. В 2018 году не стало Ашота Апетовича Амадуни, последнего из проживавших в Крыму Героев Советского Союза, которые получили это высокое звание в годы войны. Еще раньше — в 2017-м — скончался Иван Павлович Клименко — полный кавалер Ордена Славы...

Эта книга — не исторический или научный труд, ее авторы не историки, а журналисты, и она не претендует на всеохватность. Хотя бы потому, что сама тема истории войны в Крыму неисчерпаема — несмотря на огромное количество написанных исследований, литературных и публицистических произведений, снятых фильмов — документальных и художественных. Достаточно сказать, что звания Героя Советского Союза в боях за Крым были удостоены 380 наших воинов, из которых 68 — уроженцы полуострова и призванные с его территории. История жизни и подвига каждого из них может стать основой для книги или фильма.

В заключение хотим выразить огромную благодарность всем, кто помогал нам в подготовке материалов для книги. Особая сердечная благодарность — митрополиту Симферопольскому и Крымскому Лазарю, который дал нам благословение на этот труд.

**Олег Маркелов,
Александр Мащенко**

« **ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ —
ЭТО СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ
НАШЕГО НАРОДА»**

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках памятное издание «На высоте героев», посвященное 75-летию Великой Победы.

С Крымом связаны многие славные и трагические страницы истории Великой Отечественной войны. Высокого звания «Город-герой» удостоены Севастополь и Керчь. Орденом Отечественной войны I степени награжден Город воинской славы Феодосия. Десятки населенных пунктов нашего полуострова, сотни улиц носят имена победителей.

Память о Победе — нравственный ориентир для всех нас, великий урок мужества и любви к Родине. В дни Крымской весны крымчане показали всему миру, что они усвоили этот урок.

Полностью согласен с тезисом авторов книги о том, что история Великой Отечественной войны — это семейная история нашего народа. В Дне Победы слились воедино великий духовный и государственный смысл и живая память миллионов семей. Именно это сочетание высоких государственных, нравственных, духовных смыслов и семейных историй должно быть одной из главных основ патриотического воспитания. Это дает людям, прежде всего, молодым, ощущение живой, кровной связи с историей и судьбой страны, чувство личной причастности к ее победам и достижениям.

В Крыму нет семьи, в которой война не оставила бы свой след. Моя семья — не исключение. В 1942 году моего деда, Николая Петровича Аксёнова, направили в Орджоникидзевское общевоинское командное училище. Но учеба была недолгой. Осенью 1942-го немецкие войска прорвались к Орджоникидзе и курсантов училища бросили на оборону города. После кровопролитных боев в живых из однокурсников деда осталось пять или шесть человек.

В начале 1943 года деда направили в Челябинск, где формировался Уральский танковый добровольческий корпус. В 1944 году корпус уже участвовал в боях подо Львовом в составе Четвертой танковой армии генерала Дмитрия Лелюшенко. Сначала дед был командиром взвода, затем — порученцем Лелюшенко.

Николай Петрович отличился при форсировании Вислы, в ходе Висло-Одерской наступательной операции наших войск. За это он получил свою первую медаль «За отвагу» и был назначен командиром роты танкового десанта. Его рота в составе Четвертой танковой армии входила в Берлин с юга. 6 мая армия Лелюшенко была переброшена в район Дрездена, а затем пришла на помощь Пражскому восстанию. 9 мая дед встретил в Праге. Но бои в городе и его окрестностях продолжались до 12 мая. Кстати, офицеры бригады, в которой служил Николай Петрович, задержали генерала Власова. Его пытались вывезти в зону, занятую американскими войсками.

Дед рассказывал, что жители Праги и других чешских городов встречали советских воинов с ликованием, как своих освободителей, буквально заваливали их букетами сирени.

Николай Петрович имеет ряд наград, среди которых — Орден Отечественной войны, две медали «За отвагу», медали за взятие Берлина и освобождение Праги.

Моя бабушка Мария Константиновна Аксёнова в 1942 году окончила школу младших авиационных специалистов. Ей тогда было 19 лет. Ее

направили служить в отдельный авиационно-корректировочный полк. Бабушка обслуживала авиационное вооружение. У нее несколько медалей, в том числе — «За боевые заслуги», «За победу над Германией», а также орден за освобождение Польши. Бабушка была знакома с дедом еще до войны — они жили в соседних селах Воронежской области. А после войны решили пожениться.

Мой второй дед — Семен Иванович Пелихатый — жил до войны в городе Бельцы, на территории нынешней Молдавии. На тот момент это была Бессарабия, которая входила в состав Румынии. В июне 1940 года в Бессарабию вошла Красная Армия, и эта область стала частью Молдавской ССР. А год спустя началась война, и дед оказался на оккупированной врагом территории. В марте 1944 года, буквально за неделю до освобождения, оккупанты стали забирать местных жителей в Румынию, в так называемые трудовые дивизии. Дед сбежал, вернулся в Бельцы и пошел в Красную Армию.

В 1945 году, в ходе Висло-Одерской операции Семен Иванович получил тяжелое ранение — ему оторвало ногу. Деда отправили в военный госпиталь в Уфу, там он встретил мою бабушку — Татьяну Сергеевну. Такая вот фронтовая история любви. Повоевать дед успел всего пару месяцев. Семен Иванович был награжден Орденом Отечественной войны.

Очень важно, что книга рассказывает о преступлениях фашистов на крымской земле, и о том, как крымчане — потомки победителей — хранят историческую память.

Сегодня мы видим, как в целом ряде государств под маской «свободы» и «национальной сознательности» возрождаются идеи нацизма. Эти идеи находят благоприятную почву в культуре национальных обид — реальных и мнимых, который насаждается и раздувается пропагандой. Причем носители нацистской по сути идеологии приходят к власти при поддержке государств, которые представляют себя образцами демократии.

На Украине нацизм фактически стал частью государственной идеологии. Киев активно переписывает историю, пытается обесценить подвиг нашего народа в Великой Отечественной войне, героизирует предателей и нацистских палачей. Все это происходит при полной поддержке и в соответствии со сценариями, написанными в США и Европе. Это то, чему сегодня противостоит Россия.

Наш святой долг — бережно сохранять правду о прошлом и передавать ее будущим поколениям. Это одно из ключевых условий существования нашей страны и нашего народа.

Потому что, как писал русский гений Михаил Ломоносов, народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего.

Глава Республики Крым Сергей Аксёнов

« ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ,
О ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ —
ВАЖНЕЙШАЯ ОСНОВА
ИДЕНТИЧНОСТИ
НАШЕГО НАРОДА,
ДУХОВНЫЙ ФУНДАМЕНТ
КРЫМСКОЙ ВЕСНЫ»

Дорогие друзья!

Рад представить вам памятное издание «На высоте героев», посвященное 75-й годовщине Великой Победы. Книга рассказывает о событиях Великой Отечественной войны в Крыму, она подготовлена и издана под патронатом Государственного Совета Республики Крым.

Среди главных достоинств книги я бы назвал простой и понятный язык, которым она написана, а также то, что авторам, на мой взгляд, удалось показать на конкретных примерах живую и неразрывную связь времен и поколений, истории и современности. Память о Великой Отечественной войне, о Великой Победе — важнейшая основа идентичности нашего народа, духовный фундамент Крымской весны.

Для меня, как и для сотен тысяч крымчан, как для миллионов людей в России и странах бывшего СССР, память о войне имеет глубоко личное измерение. Это не абстрактная история, а то, с чем есть живая, кровная, генетическая связь. Судьбу моей семьи, как и многих миллионов других семей, невозможно отделить от судьбы нашего Отечества. Мой отец Андрей Сергеевич Константинов был узником концлагеря Заксенхаузен в Германии, совершил побег в 1945-м, воевал, получил контузию и тяжелые ранения, которые давали о себе знать всю оставшуюся жизнь.

Отец попал в лагерь подростком. До войны его семья жила в селе Владимировка Тираспольского района Молдавской ССР, сегодня это

территория Приднестровья. Они переехали туда из Курской губернии во время Столыпинской реформы в начале XX века. В годы революции семью раскулачили, мои родные хлебнули много горя. Дед пропал, его судьба неизвестна, а бабушка умерла перед войной. Отец, оставшийся сиротой, жил с семьей брата, то есть, моего дяди. В начале войны брата призвали на фронт, он участвовал в обороне Одессы, был тяжело ранен, и какое-то время считался погибшим. И только позже мы узнали, что он выжил, оправился от ранений, работал на военном заводе в Челябинске. Но это уже другая история.

Оккупанты расстреляли часть жителей Владимировки, а другую часть угнали в Германию. В их числе был и мой отец. Гнали людей пешком, практически не кормили, и многие умерли по дороге от голода. Отец потом часто говорил нам – вы не знаете, что такое голод, что такое есть дохлятину, есть вареные копыта... И это практически все, что нам было известно о его концлагерном прошлом. Сам он никогда об этом не рассказывал. В советские годы это была неудобная тема, а отец был убежденным коммунистом. Кстати, поначалу он даже не считался участником войны, потому что тем, кого призвали в последний военный год, этот статус не присваивали. И только в «брежневские» времена ситуация изменилась.

Мы, дети, тоже никогда не спрашивали отца о концлагере. Мы знали только то, что хотели знать и то, что было удобно знать: что он

участвовал в Берлинской наступательной операции, был награжден медалью «За взятие Берлина». И лишь под конец жизни отца я вдруг осознал, что мне практически ничего неизвестно о нем. И постарался, насколько это было возможно, наверстать упущенное.

Некоторые моменты из его воспоминаний особенно врезались в память. Однажды после американской бомбежки заключенных вывели на расчистку улиц от завалов. А на поверке одного из узников не досчитались. Начальник лагеря — кстати, инвалид, потерявший руку на Восточном фронте — застрелил двоих соседей беглеца по нарам. Такой был порядок в лагере. А потом мнимый беглец нашелся — оказывается, он обессилел от голода и непосильной работы, упал, и пролежал где-то несколько часов, потому что не мог ходить, а не то, что сбежать. Начальник лагеря застрелил и его. «Ваш русский Бог любит Троицу», с издевкой сказал фашист узникам, которые были свидетелями этой расправы.

Во время одного из налетов бомба разрушила ограждение лагеря, и группе заключенных, в которой был и мой отец, удалось сбежать. В этой группе, кстати, были и итальянцы, с которыми отец, как выяснилось, какое-то время переписывался и после войны — об этом мы тоже ничего не знали. Ночами беглецы пробирались в сторону линии фронта, а днем прятались. Итальянцы помогали ориентироваться по надписям на немецких указателях. К счастью, узникам удалось добраться до своих. Отец рассказывал, что они своими глазами видели знаменитую «прожекторную атаку» наших войск в начале Берлинской наступательной операции, когда одновременно были включены сотни мощных зенитных прожекторов, ошеломившие немцев.

Сбежавшие узники получили оружие и влились в действующую армию. В боях за Берлин отец получил сильную контузию и тяжелые ранения — его легкие были пробиты осколками. Всю жизнь его мучил надрывный кашель. Спустя много лет врачи в ходе проведения МРТ обнаружили застрявший в легком осколок.

После войны отец еще шесть лет служил в танковых войсках в Берлине, дослужился до старшины, хотел стать офицером, но не получилось. После нашего переезда в Крым работал учителем в школе поселка Научное — он в пятидесятых годах прошлого века окончил физкультурный техникум в Ивано-Франковске, а потом заочно получил историческое образование. Отец был очень честный и чистый человек, очень идейный и патриотичный, хотя, как потомок раскулаченных, мог, наверное, затаить злобу на свою страну. Свой патриотизм отец передал нам, детям. Я уверен, что этот личностный момент в патриотическом воспитании очень важен. Плюс воспитание в школе, книги, фильмы, общая атмосфера. Все это позволило мне и моим сверстникам сформировать ясную картину мира — что есть добро, а что — зло. И когда в 2014 году пришло время сделать выбор, я понял, что есть ценности, через которые я переступить не могу. Что есть черта, которую нельзя перейти, а все остальное — деньги, власть, даже личная безопасность — не имеет значения. Вот это и должно быть главной целью патриотического воспитания, чтобы каждый человек знал, где эта черта, и никогда ни при каких обстоятельствах не мог ее переступить. Если мы воспитаем в России таких граждан, то нашему Отечеству не будут страшны никакие катастрофы, никакие внешние или внутренние угрозы.

Всегда будут люди, которые готовы, как наши фронтовики, умереть, но не сдаться, а значит, всегда будут силы остановить разрушение, предательство, поражение.

Надеюсь, что эта книга будет способствовать воспитанию таких людей. Уверен, она будет интересна самому широкому кругу читателей.

**Председатель Государственного Совета Республики Крым
Владимир Константинов**

75
ПОБЕДА!
1945-2020

Боевой корабль ставит дымовую завесу
в Севастопольской бухте у памятника
Затопленным кораблям. 1941 г.

**КРЫМ:
ВОЙНА,
ПОБЕДА,
ПАМЯТЬ**

Севастополь: здесь началась Великая Отечественная

Сотни юных девушек и парней встречали свое первое утро взрослой жизни на набережной Севастополя. В городе существовала традиция: выпускники школ пускали на волю волн бумажные кораблики с записанными на них желаниями. Увы, этим мечтам не суждено было сбыться...

Для Крыма война началась раньше, чем для любого другого региона Советского Союза. Фашисты нанесли первый удар по Севастополю 22 июня 1941 года в 3 часа 15 минут утра. Немецкие самолеты сбросили на Севастопольскую бухту секретные донные неконтактные магнитные мины, задача которых заключалась в том, чтобы заблокировать наши корабли во внутренней гавани.

За 12 минут до начала наступления гитлеровцев на западных рубежах Советского Союза в жилые дома на улице Подгорной уже попала одна из магнитных мин. В результате взрыва погибли более двадцати человек, еще полторы сотни были ранены. Первая кровь Великой Отечественной войны пролилась именно в Крыму, в городе Севастополе.

«Крепкий детский ночной сон прервал взрыв. Стекла веранды брызнули на наши постели. Я еще не проснулся, но почувствовал себя на руках отца, закутанным в одеяло, на улице, на лестничной площадке перед верандой. Первое, что я увидел, — оседающее серо-черное облако в полнеба, местами сохранившее еще энергию летящих сверху камней. Книзу к земле облако сужалось конусом, и в его центре гас ало-красный свет. Остальная половина неба была исполосована мечущимися лучами прожекторов и сетью летящих со всех сторон

светящихся огоньков трассирующих снарядов. Негодующий крик мамы: «Зачем только заставляли обклеивать окна, вот все разбилось!» — вспоминает в своей книге «Мемуары старого мальчика» севастопольец Георгий Константинович Задорожников. — В уши ворвалась артиллерийская канонада. Казалось, стреляет все и отовсюду. Испуганные жильцы дома и ближайших дворов высыпали на улицу — первые вопросы: «У вас все живы?». Мама побежала к стене над улицей Подгорной, откуда сверху был виден дом и двор моей бабушки. И те же кричащие вопросы. Отвечали: «У нас все живы. Снесло печную трубу и часть черепицы. Идите к нам». Пробежал матрос с повязкой на рукаве, созывая всех военных. Стали доходить слухи о том, что был второй взрыв на Приморском бульваре, что самолет подбит и ушел в сторону моря, что двухэтажный дом на Подгорной разрушен и есть убитые и раненые. Отец громко сказал матери: «Клава, это война. Собирай Жорку (меня), идем к своим на Подгорную».

Стало светать. Стрельба постепенно стихла. Над местом взрыва повисло серое пылевое облако, стали слышны далекие крики и стоны, призывы о помощи. На улицу Подгорную к родне мы спустились по крутой скальной тропинке со стороны противоположной взрыву, вдоль старой крепостной стены. Все уже были на ногах, прибежали родственники с улицы Щербака, там с высоты они все видели...

Был виден срез полуразвалившихся квартир верхних этажей: кровать с пружинной сеткой висела на одной ножке, поломанный стол, абажур на уцелевшем потолке. Белые оштукатуренные стены комнат, с картинами, фотографиями, часами-ходиками, как декорации в театре имени А.В. Луначарского, в котором я не раз уж побывал. В стороне стояли пожарная машина, скорая помощь, носилки. На развалинах трудились люди. Были слышны крики, стоны, надрывный плач».

22 июня 1996 года на месте гибели первых жертв Великой Отечественной войны открыли памятник — скромную стелу из серого

Строительство оборонительных рубежей
на подступах к Севастополю. 1941 г.

гранита. Каждый год в День памяти и скорби здесь собираются севастопольцы, чтобы зажечь свечи и помолиться за упокой невинно убиенных душ.

Вот они, первые жертвы Великой Отечественной войны.

Александра Перфильевна Белова, русская, пенсионерка, 61 год. Варвара Григорьевна Соколова, русская, 46 лет, старшая группы местной противовоздушной обороны. Лена Каретникова, 13 лет, русская, ученица школы №22. Абрам Иосифович Бабаев, 35 лет, караим, бухгалтер Военфлотторга. Августа Васильевна Бабаева, 42 года, бухгалтер Военфлотторга. Вадик Бабаев, 3 года. Борис Дмитриевич Годуадзе, 31 год, грузин, шофер Севморзавода. Анна Федоровна Годуадзе, 24 года, русская, мастер цеха №1 Севморзавода. Виталик Годуадзе, 9 месяцев. Федор Ефимович Демин, 55 лет, за-

ведующий Севгортторгом. Прасковья Алексеевна Коврига, 61 год. Мария Иосифовна Макух, 60 лет. Иосиф Исаакович Мангупли, 52 года, крымчак, продавец скупочного пункта. Сафра Анисимовна Мангупли, 47 лет, крымчачка, продавец. Ольга Васильевна Полянская, 21 год. М.П. Помазан — остались только инициалы. Стефан Георгиевич Панелоти, 47 лет, грек, парикмахер. Наталья Алексеевна Уханова-Попова, 33 года, пенсионерка-инвалид. Еще трое погибших так и не были опознаны.

Всего, по общим оценкам, в Великой Отечественной войне погибнет около 27 миллионов наших соотечественников. Русских, украинцев, белорусов, грузин, армян, татар, греков, крымчаков, караимов, представителей десятков других национальностей. Говорят, что смерть одного человека — это трагедия, а смерть миллионов — статистика. Как представить себе эти 27 миллионов, отдавших жизнь за то, чтобы мы могли сейчас писать эти строчки, а вы — их читать?

Может быть так — представьте себе, что вдруг полностью опустеют современные Швеция, Норвегия, Финляндия и Дания? Вот это и будет около 27 миллионов человек.

Почему немцы нанесли первый удар именно по Севастополю? Дело в том, что накануне Великой Отечественной войны Черноморский флот представлял собой мощнейшую боевую единицу, превосходящую румынский, болгарский и турецкий флоты вместе взятые. И немецкое командование, не имевшее на Черном море собственных кораблей, решило уничтожить столь грозную силу уже в первые часы войны.

**Боевые корабли Черноморского флота
на охране крымских берегов. 1941 г.**

Однако черноморцы сумели пробомбить фарватер и вырваться из магнитного плена, нанеся мощный удар по стратегическому румынскому порту Констанца. Фашисты были обескуражены. Они рассчитывали, что ни один советский корабль не выйдет из бухты до конца блицкрига.

На первых порах черноморцы боролись с немецкой магнитной ловушкой следующим образом: проходили на легких катерах над местами, где было отмечено падение мин, и сбрасывали глубинные бомбы, от взрыва которых вражеские мины детонировали. А чуть позже, 9 августа 1941 года в Севастополь прибыли знаменитые советские физики Анатолий Александров и Игорь Курчатов. Ученые предложили защищаться от мин путем размагничивания кораблей. Идея была проста, как все гениальное: корпус корабля

обматывался специальной проволокой, по которой пускался ток. Магнитное поле этих обмоток компенсировало магнитное поле самого корабля.

Хитроумное оружие Третьего рейха было нейтрализовано. Созданной Александровым и Курчатовым системой в течение Великой Отечественной войны оснастили сотни советских кораблей. Это обеспечило стопроцентную защиту от немецких магнитных мин.

Постановлением Совнаркома от 10 апреля 1942 года за создание эффективных методов размагничивания кораблей и практическое их осуществление Александрову, Курчатову и еще шести участникам работ была присуждена Сталинская премия первой степени. А командование Черноморского флота представило Курчатова к медали «За оборону Севастополя».

В 1976 году в честь подвига ученых и военных инженеров в севастопольской бухте Голландия был сооружен памятник — серая гранитная стела, на которой изображена подкова магнита с силуэтом корабля между ее полюсами.

75
ПОБЕДА!
1945-2020

Пулеметчики крейсера «Молотов» отряда легких сил эскадры Черноморского флота ведут огонь по вражескому самолету. 1942 г.

**КРЫМ:
ВОЙНА,
ПОБЕДА,
ПАМЯТЬ**

На борту «непотопляемого авианосца»

У нас был могучий враг.

«К началу войны немцы находились на шаг впереди всех в области военного искусства, — говорит крымский историк, генеральный директор Центрального музея Тавриды Андрей Мальгин. — И Красной армии пришлось в течение долгих месяцев учиться, чтобы научиться побеждать».

Что ж, нам не привыкать учиться у наших врагов. Так учились у татаро-монгольской орды русские князья, у шведов — Петр Первый, у Наполеона — Кутузов. За «уроки немецкого» мы заплатили высокую, кровавую цену. Но мы учились. Покидая родные деревни и отдавая врагу свои города, погибая в горящих самолетах и взрывающихся кораблях. Учились воевать.

С каждым днем фашистские части все ближе и ближе подходили к Крыму, который Гитлер считал непотопляемым авианосцем, контролирующим все Причерноморье. В своем приказе от 21 августа 1941 года фюрер заявил, что самую важную задачу, которую надлежит выполнить до наступления зимы, он видит не во взятии Москвы, а в овладении Крымом.

Взять полуостров Гитлер поручил своему лучшему полководцу — Эриху фон Манштейну. К исходу 12 сентября основные силы противника вышли на рубеж от Перекопа до Чонгарского полуострова. 24 сентября Манштейн бросил на Перекоп свои главные силы: три армейских корпуса, моторизованные дивизии СС «Адольф Гитлер»

и «Викинг» и 40 артиллерийских полков. Плечом к плечу с немцами на Крым двинулись части румынской третьей армии. С воздуха эту армаду поддерживал 4-й авиационный корпус, имевший в своем составе около двухсот бомбардировщиков «Юнкерс-87» и «Хейнкель-111» и полторы сотни истребителей «Мессершмит-109».

Советские войска пытались любой ценой остановить захватчиков у «входа» в Крым. Защитники полуострова костями ложились, чтобы не дать врагу перейти Перекоп, но силы были неравными. К вечеру 28 сентября обескровленные советские войска отошли на Ишуньские позиции. Потери были огромные, но наши части выполнили главную задачу: в самых неблагоприятных условиях они навязали немцам жестокий истребительный бой, заставили фашистское командование втянуть в сражение три новых дивизии и нанесли им столь существенные потери, что Манштейн побоялся сразу идти на Ишунь.

16 октября Иосиф Сталин приказал выводить войска из Одессы, которую с начала августа окружала румынская 4-я армия. Фактически, Верховный главнокомандующий пожертвовал этой «жемчужиной у моря», чтобы сохранить еще более драгоценный с точки зрения стратегии войны Крым.

Для переброски в Севастополь 80-тысячного воинского контингента использовались тридцать семь крупных транспортных кораблей и большое количество различного рода судов, при этом часть войск погрузилась и вышла в море ночью, даже не замеченная разведкой Люфтваффе. Сразу после прибытия в Севастополь усталые и слабо экипированные части Отдельной Приморской армии форсированным маршем отправились на передовую — на Ишуньский перешеек, где как раз начинали разворачиваться главные события.

18 октября Манштейн начал новое большое наступление. В грохочущем и пылающем аду рушились здания, взлетали к небу фонтаны грязи и комья земли, всюду клубился дым и чувствовался запах смер-

ти. С ревом и свистом мчались, оставляя за собой огненные хвосты, реактивные снаряды, обрушивая на защитников Ишуньского перевала водопад огня и стали.

Битва за Ишуньские позиции полыхала десять дней.

«Я видел, как падает боеспособность. Ведь дивизии, вынужденные вести это трудное наступление, понесли тяжелые потери еще раньше у Перекопа, — писал Манштейн в книге «Утерянные победы». — Наступал момент, когда возник вопрос: может ли это сражение за перевалы завершиться успехом, и, если удастся прорваться через перевалы, хватит ли сил, чтобы добиться в бою с усиливающимся противником решительной победы — занять Крым?»

25 октября казалось, что наступательный порыв фашистских войск совершенно иссяк. Командир одной из лучших немецких дивизий уже дважды докладывал Манштейну, что силы его полков на исходе. Это был час, когда решалась судьба всей операции. Час, который должен показать, кто победит: решимость наступающего отдать все свои силы ради достижения цели или воля обороняющегося к сопротивлению. Увы, чаша весов склонилась в пользу наступающих. 28 октября, после 10 дней ожесточеннейших боев, советская оборона рухнула.

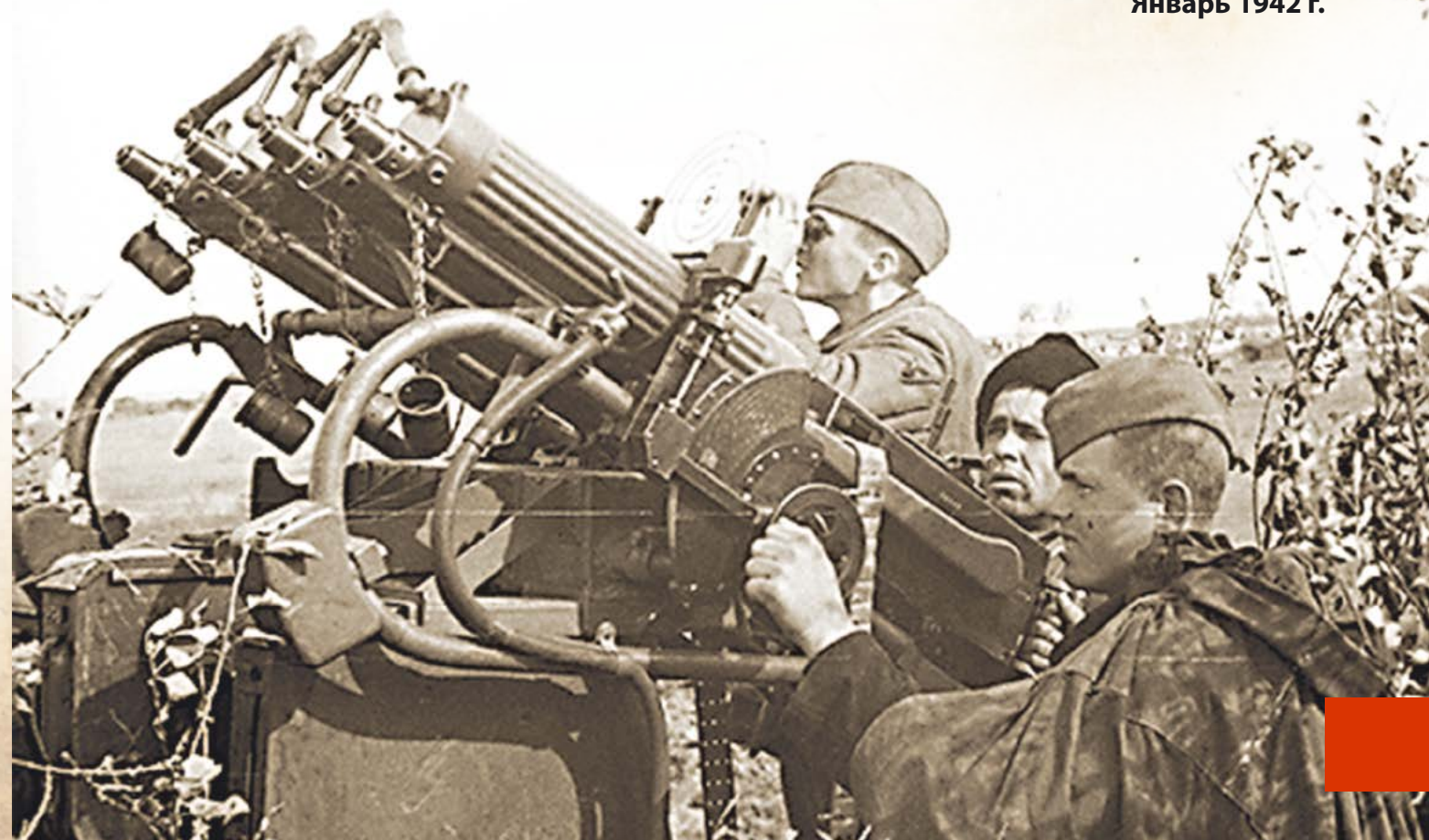
Немцам удалось прорваться в Крым. 31 октября они захватили Евпаторию и перерезали шоссе и железную дорогу на Симферополь. Создалась угроза разгрома советских войск в степной части полуострова. Приморская армия генерала Петрова откатывалась на юг в направлении столицы Крыма, а затем через Алушту и Ялту к Севастополю. Отдельная 51-я армия генерала Кузнецова отходила на восток, к Керчи.

1 ноября боевая группа полковника Циглера овладела Симферополем. 4 ноября пала Алушта, а еще через три дня, седьмого ноября — Ялта.

В восточной части Крыма немцы 3 ноября овладели Феодосией. 4 ноября отступающие советские войска заняли оборону на Акмонайских позициях, преграждая противнику путь на Керченский полуостров, однако смогли выстоять там всего два дня.

По распоряжению Ставки начался отвод войск на Таманский полуостров. Вместе с войсками эвакуировалось и гражданское население. 15 ноября Керчь пала, и весь Крым, за исключением Севастопольского укрепрайона, оказался в руках у фашистов. Однако это не умаляет подвига советских солдат, отчаянно сражавшихся с фашистами в эти страшные осенние месяцы 1941 года. Наша еще не закаленная в боях армия в течение месяца сдерживала одну из лучших армий вермахта. Немцы понесли большие потери, а главное — было выиграно время для эвакуации в Крым одесской группы войск, без чего вряд ли была бы возможна длительная оборона Севастополя.

**Пулеметный расчет младшего сержанта М.В. Алешина
8-й бригады морской пехоты Черноморского флота.
Январь 1942 г.**

**КРЫМ:
ВОЙНА,
ПОБЕДА,
ПАМЯТЬ**

«Бочка смерти» — высотный наблюдательный пост, который висит на скале над пропастью. Южный форт в Балаклаве, построенный в конце XIX века, стал местом ожесточенных боев во время Великой Отечественной войны

Пиррова победа Манштейна

Генерал-полковник Эрих фон Манштейн с немецкой педантичностью изучил историю первой героической обороны Севастополя, надеясь избежать ошибок, допущенных его предшественниками. После прорыва советских позиций на Перекопе он попытался взять город сходу, не дав отступающей Приморской армии занять оборону. Однако на защиту главной базы Черноморского флота поднялись моряки, курсанты и жители города, в жилах которых текла кровь их героических предков.

29 октября 1941 года город перешел на осадное положение. На передовые рубежи были направлены одиннадцать батальонов, два Черноморских полка морской пехоты и Местный стрелковый полк береговой обороны. Именно им, морякам и курсантам севастопольских военно-морских училищ, предстояло первыми встать на защиту Севастополя.

В историю вошел подвиг курсантского батальона Военно-морского училища береговой обороны имени ЛКСМУ, встретившего фашистов в четырех километрах юго-западнее Бахчисарая, у реки Качи. Пять дней и ночей мальчишки стояли насмерть, остановив наступление немецко-фашистских войск, стремившихся ворваться в Севастополь. В боях с

ними противник потерял около полка пехоты, 22 танка, пять артиллерийских орудий и семь минометных батарей, а также много другой техники и вооружения. Смелость и преданность Родине и своему народу оказались сильнее превосходящих сил противника. Пример тому — подвиг курсанта Александра Мальцева, взорвавшего себя вместе с фашистами.

Молниеносное взятие Севастополя провалилось, превратившись в затяжную осаду. Многие позиции по несколько раз переходили из рук в руки. Противники несли колоссальные, ни с чем не сравнимые потери. Если во время первой обороны Севастополя ключевой стратегической позицией был Малахов курган, то в 1941-1942 годах эту роль играли Мекензиевы горы и расположенная там 365-я зенитная батарея под командованием младшего лейтенанта Николая Воробьева (с 9 июня 1942 года — старшего лейтенанта Ивана Пьянзина), которой немцы дали громкое имя «Форт Сталин». Высота 60,0, где

Орудийный расчет младшего сержанта С.Ф. Данича 365-й зенитной батареи 114-го зенитного артдивизиона ПВО ГБ ЧФ. 1941-1942 гг.

ЗДЕСЬ НА ВЫСОТЕ «ВЕРХИ СЛАВЫ»
В НОЯБРЕ 1941 ГОДА В ЖЕСТОКОЙ ВОЙНЕ
СТОЯЛИ НА СМЕРТЬ ИРСЯНТЫ, КРАСНОФЛОТСКИЕ
СОЛДАТЫ И КОМАНДИРЫ
383 СТР. ПОЛКА, БАТАЛЬОНА ШКОЛ, КВБД,
80 И 800 РТЫ, МЛВБ И ЖИЗНЗАЩИТЫ
149 КВБД ПОЛКА
530 СТР. ПОЛКА
514 СТР. ПОЛКА
161 СТР. ПОЛКА
СВОБОДНОГО ПОЛКА КВБД
МЕСТНОГО СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА 80
ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ГЕРОЯМ-ЗАЩИТНИКАМ
СЕВАСТОПОЛЯ!

Следы артобстрелов на стенах
сооружений Южного форта Балаклавы
можно увидеть и сегодня

дислоцировалась батарея Воробьева, недаром получила после войны имя «Высота героев».

«Пик подвига этой батареи приходится на второй штурм города, который начался 17 декабря, — рассказывает известный севастопольский поисковик, командир одного из первых севастопольских поисковых отрядов «Память» Александр Павлович Запорожко. — Фашисты четырежды брали полустанок Мекензиевы горы, и четырежды наши отбивали его назад. За две недели декабрьских боев немцы потеряли у «форта Сталин» убитыми, ранеными и пропавшими без вести около двух тысяч человек в то время, как гарнизон батареи составлял всего-навсего около полусотни советских солдат и офицеров».

31 декабря, в канун новогоднего праздника, фашисты предприняли очередную отчаянную попытку взять форт. «Полковник Дитрих фон Хольтиц приказал атакующим группам снять шинели и сказал: «Оденетесь, когда возьмете «форт Сталин»! Однако это им не помогло, они легли в эту землю, за которой пришли», — говорит Запорожко.

Силы фашистов иссякли. К тому же после высадки советских десантов в Керчи и Феодосии гитлеровцы вынуждены были перебросить часть своих войск на восток. Второй штурм города провалился.

Последняя битва за Севастополь началась почти полгода спустя, в июне 1942-го — после краха Крымского фронта. Поняв, что победить защитников города в открытом бою им не удастся, гитлеровцы решили просто стереть их с лица земли. На протяжении двух недель в два этапа противник провел мощную артиллерийскую и авиационную подготовку к штурму. 7 июня фашистские войска перешли в наступление по всему фронту севастопольской обороны. Пилоты 8-го авиакорпуса генерала фон Рихтгофена совершили две тысячи боевых вылетов. Более 1300 артиллерийских орудий пять сутокряду безостановочно обстреливали город. Никогда во Второй мировой

войне, ни до ни после этого немцы не применяли тяжелую артиллерию так массированно.

«По немецким данным здесь, под Севастополем, было сосредоточено около семидесяти процентов всей тяжелой артиллерии Вермахта, — рассказывает историк Юрий Падалка. — Самая большая пушка, которая когда-либо была сделана руками человека, так называемое железнодорожное орудие «Дора», тоже была здесь. Ее ствол достигал тридцати метров в длину. Это орудие на 60 железнодорожных платформах в разобранном виде немцы перевезли из Франции, из-под линии Мажино сюда, под Севастополь, в Бахчисарай и установили на специальных железнодорожных путях для обстрела нашего города».

«За кульминацией одной из самых грандиозных битв в истории человечества генерал-полковник Манштейн следил со специально оборудованного в горах наблюдательного пункта. Он был расположен на

мысе Эль-Бурун, приблизительно в трех километрах к югу от пещерного города Эски-Кермен», — рассказывает историк Михаил Кизилов.

«На всем широком кольце крепостного фронта ночью видны были вспышки орудий, а днем облака из пыли и обломков скал, поднимаемые разрывами снарядов и бомб нашей авиации. Поистине фантастическое обрамление грандиозного спектакля!» — писал немецкий военачальник.

Манштейн чувствовал себя режиссером поистине великого действия. На штурм Севастополя он стянул силы пяти армейских корпусов и одного авиационного. Предвидя большие потери, он дополнительно затребовал три пехотных полка, которые и были использованы в последней стадии сражения.

«Форт Сталин» пал только в последние дни решающего третьего штурма Севастополя. Платя тысячами жизней за каждый метр се-

**Бойцы 79-й морской стрелковой бригады
Приморской армии в атаке.
Севастополь, январь 1942 г.**

вастопольской земли, гитлеровцы «утешали» себя тем, что берут не просто очередную безымянную высоту, не просто неприметное земляное укрепление, а «захватывают в плен» советских вождей.

«13 июня нашим храбрым солдатам удалось овладеть «фортом Сталин»... Дух нашей пехоты можно видеть на примере одного раненого.... Указывая на свою раздробленную руку и перевязанную голову, он говорит: «Это не так уж плохо — зато в наших руках «Сталин»!» — писал Манштейн.

В нескольких километрах от «Сталина», в поселке Любимовка, сражался с фашистами «Максим Горький I» — легендарная 30-я бронешашенная батарея майора Георгия Александрера.

К 17 июня батарея расстреляла весь боезапас вплоть до учебных болванок. Но «Тридцатка» не сдалась даже тогда, когда немцы уже вплотную подобралась к башням. 24 июня фашисты ворвались на ее территорию. Чтобы выкурить гарнизон, вражеские саперы применяли огнеметы, заливали в трещины бензин, использовали подрывные заряды.

С падением 30-й батареи Северная сторона Севастополя оказалась в руках гитлеровцев. Становой хребет советской обороны был сломлен. За два дня немцы овладели Михайловской и Константиновской береговыми батареями и к 20 июня вышли к берегу главной севастопольской бухты.

В ночь с 28 на 29 июня захватчики переправились через бухту на Южную сторону Севастополя и прорвали оборону в районе Сапун-горы. Приморская армия и жители города отступили из города на мыс Херсонес, к 35-й бронешашенной береговой батарее, которую немцы называли «Максим Горький-II». «Безумству храбрых поем мы славу!», — сказал однажды этот знаменитый русский писатель. И храбрости, и безумства, и славы хватало в эти страшные летние дни 1942 года.

«К этому месту, где находился последний командный пункт Севастопольского оборонительного района, было приковано внимание всех за-

щитников, — рассказывает директор музейного историко-мемориального комплекса «35-я береговая батарея» Валерий Иванович Володин. — Именно сюда пытались пробиться как к последнему месту спасения».

30 июня командующий Черноморским флотом и Севастопольским оборонительным районом вице-адмирал Филипп Октябрьский получил у Ставки разрешение на эвакуацию. Но его план предусматривал вывоз только высшего командного состава и партактива города. Спасение основной части военнослужащих, в том числе раненых и гражданского населения, не предполагалось.

Казалось бы, с эвакуацией командования оборона Севастополя должна была завершиться, но этого не произошло. Оставшиеся на мысе Херсонес от 50 до 80 тысяч защитников продолжали сопротивляться до последнего патрона. По официальной версии, вторая героическая оборона Севастополя продолжалась 250 дней, на самом деле это не так. Она продолжалась как минимум до 12 июля — на девять дней больше — девять проклятых дней, не учтенных ни Ставкой, ни Совинформбюро, ни газетой «Правда», никем...

**Взорванная береговая батарея
№35 — последний рубеж
боев за Севастополь в 1942 г.**

**Бронепоезд «Железняков»
Береговой обороны Главной базы
ЧФ выходит на боевую позицию.
Севастополь, 1941 – 1942 гг.**

**На переднем крае обороны.
Севастополь, 1942 г.**

**Дети выходят
из подземной школы.
Севастополь, 1942 г.**

**Жители осажденного Севастополя
в штольнях. Инкерман, 1942 г.**

«Севастополь пал, но с такою славой, что каждый русский, а в особенности моряк, должен гордиться падением, которое стоит блестящих побед», — писал о первой обороне Севастополя декабрист Николай Бестужев. Эти слова можно смело повторить, говоря и о второй обороне города.

В июле 1942 года над Севастополем был поднят флаг со свастикой. Но это была пиррова победа Гитлера. 11-я немецкая армия была фактически уничтожена, а вместо города фашистам достались руины.

Защищая Севастополь, солдаты Приморской армии, моряки Черноморского флота, жители города проявили стойкость и массовый героизм. Подвиги Николая Фильченкова, Василия Цибулько, Ивана Красносельского, Юрия Паршина, Даниила Одинцова, Людмилы Павличенко, Марии Байдды, Ивана Богатыря, Ивана Голубца, Нины Ониловой и многих других навсегда останутся в нашей памяти. 37 участников обороны Севастополя были удостоены звания Героя Советского Союза. 22 декабря 1942 года была учреждена медаль «За оборону Севастополя», которой было награждено свыше 50 тысяч человек.

Геббельсовская пропагандистская машина широко разрекламировала взятие Севастополя. На руинах города прошел парад фашистских войск. Главный «завоеватель» Эрих фон Манштейн получил фельдмаршальский жезл, а уцелевшие солдаты — «Крымские щиты» — специальные знаки отличия, утвержденные лично Адольфом Гитлером.

Пройдет всего два года и в мае 1944-го история бумерангом ударит по захватчикам — там же, на мысе Херсонес, будут разбиты и пленены последние немецкие и румынские солдаты, безуспешно пытающиеся спастись от заслуженного возмездия.

Берега смерти

До Нового 1942 года оставались считанные дни. Немцы запасались трофейным крымским шампанским и готовили друг другу подарки. Генерал-полковнику Эриху фон Манштейну не нужно было долго ломать голову над презентом для Гитлера. Лучшим новогодним подарком фюреру станет алмаз русской воинской славы — легендарный Севастополь. Казалось, еще чуть-чуть, еще немного — и город будет взят. Однако 26 декабря на немецкий штаб, словно супермощная бомба, свалилась новость: советские войска неожиданно высадились в Керчи.

Ставка Верховного главнокомандования поставила перед Закавказским фронтом задачу отбить у фашистов Керченский полуостров. План десантной операции состоял в том, чтобы, высадившись в районе Керчи и Феодосии, окружить и уничтожить керченскую группировку противника. В дальнейшем предполагалось развить наступление вглубь полуострова, деблокировать Севастополь и полностью освободить Крым.

«В ночь с 25 на 26 декабря 1941 года нас подняли по тревоге и погрузили на торпедные катера и рыбацкие сейнеры», — рассказывал одному из авторов этой книги, увы, ушедший от нас летом 2019 года ветеран Керченско-Феодосийской десантной операции Александр Григорьевич Лубенцов. «От Тамани до Керчи — 22 километра, — вспоминал Лубенцов. — Штормило. Из-за этого многие корабли вынуждены были вернуться назад, однако нам удалось зацепиться за крымский берег и двинуться к Керчи».

Мечты Манштейна о новогоднем подарке для фюрера рассыпались в прах. Расстановка сил резко поменялась. Фашистам пришлось срочно оставить Керчь, бросив даже праздничные припасы. «В немецком штабе мы хорошо запаслись ямайским ромом, колбасой и

Знамя над Митридатом.
Освобожденная Керчь, 1941 г.

другими продуктами», — улыбался Александр Григорьевич.

29 декабря советские войска высадились в Феодосии. Выгрузка осложнялась тяжелыми погодными условиями, был сильный ветер и снег. С берега корабли почти в упор расстреливала немецкая артиллерия. А с рассветом появилась и авиация. Однако, несмотря на мощное сопротивление фашистов, наши штурмовые отряды быстро захватили порт и создали благоприятные условия для высадки войск второго эшелона. Большую роль в этом сыграла неожиданность десанта. Некоторые немцы драпали в одних подштанниках, вспоминал участник тех событий феодосиец Георгий Иванович Десюк, в честь которого в 2016 году в городе была установлена мемориальная доска.

Под угрозой окружения командовавший немецкими частями генерал граф фон Шпонек принял решение отступить и вопреки строжайшим приказам Манштейна вывел войска с Керченского полуострова. Впервые с момента начала Восточной кампании гитлеровский командир такого высокого ранга не подчинился приказу начальника. Военный трибунал приговорил графа к смертной казни. А командование группой армий «Юг» объявило отступившую с Керченского полуострова 46-ю пехотную дивизию «лишенной солдатской чести».

Ко 2 января 1942 года наши полностью заняли Керченский полуостров, а еще через три дня нанесли новый удар по гитлеровцам на противоположной стороне полуострова, в Евпатории.

Высадка на евпаторийский берег проходила в очень сложных условиях, побережье было освещено прожекторами, противник обнаружил десантные корабли сразу же после швартовки и открыл по ним ураганный огонь.

«Центральная пассажирская пристань оказалась разрушенной, но моряки в полной амуниции прыгали в ледяную воду, устремляясь к берегу, — рассказывает сотрудни-

Лев Этингф —
боцман тральщика «Взрыватель»,
участник Евпаторийского десанта в 1942 г.

ца Евпаторийского краеведческого музея Татьяна Анохина. — Им удалось найти куски железа, доски, и они соорудили настил, чтобы по нему смогли сойти на берег танкетки. Но легко сказать соорудили, ведь часть свай была сожжена. Моряки стояли в воде и подпирали настил собственными плечами».

Фашисты подтянули к городу крупные силы, и положение десантников осложнилось. Вся надежда была на подкрепление. Однако вечером разыгрался шторм, и корабли второго эшелона вынуждены были вернуться в Севастополь. Оставшись без поддержки с большой земли, Евпаторийский десант был почти полностью уничтожен.

Памятник участникам
Евпаторийского десанта

Феодосия. Памятник участникам Керченско-Феодосийской десантной операции 1941 — 1942 гг.

«Трагически сложилась судьба головного корабля десанта тральщика «Взрыватель», — говорит Анохина. — Он должен был прикрывать огнем своих орудий оставшихся на берегу десантников. Однако против тральщика сосредоточили свой огонь 18 немецких самолетов. В итоге, получив серьезные повреждения, «Взрыватель» был выброшен на мель в шести километрах от Евпатории».

Экипаж корабля отстреливался до конца. Немцы подтянули к самой воде восемь полевых орудий и начали расстреливать беспомощный тральщик в упор. Затем подошли вражеские танки. Моряки попытались прорваться и уйти берегом, но из-за интенсивного обстрела не смогли вырваться из окружения.

Неудачей завершился и другой советский десант, высадившийся в те дни на юго-восточном побережье Крыма. Десантники захватили Новый

Свет, Кучук, Малый и Большой Таракташ. Однако главная задача — содействие наступлению советских войск в районе Феодосии — потеряла смысл, так как 15 января части 11-й немецкой армии перешли в наступление, и 18 января отбили Феодосию у наших войск. Манштейн бросил против судакского десанта все войска, освободившиеся под Феодосией. Силы были неравными, и 27 января десантники оставили Судак.

28 января 1942 года для освобождения полуострова от фашистов был образован Крымский фронт. Его передовая линия проходила по Акмонайскому перешейку северо-восточнее Феодосии. Правое крыло фронта упиралось в побережье Азовского, а левое — в Черное море.

Весной 1942 года войска Крымского фронта трижды переходили в наступление, но все эти попытки были неудачны. А в ночь с 7 на 8 мая немцы перешли в контрнаступление. Манштейн опередил наше командование, начав «охоту на дроф» — так называлась задуманная гитлеровским полководцем операция. К 11 мая часть советских дивизий оказалась в окружении, а другие отступили к Керчи.

14 мая штаб Крымского фронта получил приказ Ставки: «Керчь не сдавать, а организовать оборону по типу Севастополя», однако несмотря на беспримерный героизм простых солдат превратить Керчь во второй Севастополь не удалось.

За 12 дней мы потеряли более 176 000 человек, 37 танков, около 3,5 тысячи орудий и минометов, 400 самолетов. Переправа через Керченский пролив отходящих войск Крымского фронта стала одной из самых трагических страниц истории Великой Отечественной войны. Люди пускались вплавь, идя почти на верную смерть, на любой риск, лишь бы покинуть этот страшный берег смерти...

ОКНО ТАСС
И ТАСС
И ТАСС

**СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ
ОККУПАНТАМ!**

МСТИТЬ, БЕЗПОЩАДО МСТИТЬ, БЕЗПОЩАДО МСТИТЬ!

СЕМЬ ТЫСЯЧ

**СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ
ОККУПАНТАМ!**

ОКНО ТАСС

НАД ТРУДОМ МЕНЯ.

**Потом Бессарабия
Земля и вода
Мать и дети.**

**МАТЬ И ДЕТЬ,
ВОЗВРАЩАЮЩИЕСЯ.**

НАД ТРУДОМ МЕНЯ.

**И Д. СЕРГЕЕВ
НАД ТРУДОМ МЕНЯ.**

**И В. СЕРГЕЕВ
НАД ТРУДОМ МЕНЯ.**

**И В. СЕРГЕЕВ
НАД ТРУДОМ МЕНЯ.**

**И В. СЕРГЕЕВ
НАД ТРУДОМ МЕНЯ.**

**Расстрелянный
— МЛАДЕНЦ.**

**Расстрелянный русский
Ф. МАНСОН.**

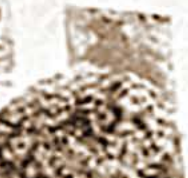
**В. СЕРГЕЕВ
НАД ТРУДОМ МЕНЯ.**

**И В. СЕРГЕЕВ
НАД ТРУДОМ МЕНЯ.**

**И В. СЕРГЕЕВ
НАД ТРУДОМ МЕНЯ.**

**И В. СЕРГЕЕВ
НАД ТРУДОМ МЕНЯ.**

**И В. СЕРГЕЕВ
НАД ТРУДОМ МЕНЯ.**

**И В. СЕРГЕЕВ
НАД ТРУДОМ МЕНЯ.**

**ФАШИСТСКИЕ МЕРЗАВЦЫ
ДОЛЖНЫ БЫТЬ ИСТРЕБЛЕНЫ—
ТАНОВА ВОЛЯ НАРОДА
ТАНОВ ГРЪЗЪВ ЛЮБИМОГО СТАЛИНА**

Окно ТАСС. Керчь, 1942 г.

«Об этом нельзя словами... Тут надо рычать! Рыдать!»

В название этой главы вынесены строки из стихотворения поэта Ильи Сельвинского, который в январе 1942 года в качестве военного корреспондента побывал в Керчи, только что освобожденной советскими войсками в ходе Керченско-Феодосийской операции.

Сельвинский встречался со свидетелями зверств, которые творили фашисты в дни первой оккупации города. Он видел противотанковый ров за окраиной, заполненный трупами мирных людей — детей, женщин, стариков. Тот самый Багеровский ров, название которого вскоре стало известно во всем мире.

Под впечатлением увиденного поэт написал потрясающее по силе стихотворение «Я это видел».

Однако обо всем по порядку.

Еще до нападения на СССР Гитлер и его подручные вынашивали грандиозные и одновременно зловещие планы о будущем Крыма. Полуостров должен был стать, с одной стороны, своеобразным «немецким Гибралтаром», с которого можно было бы контролировать все Черное море, а с другой — роскошным курортом для избранных.

«Была придумана целая теория, обосновывающая немецкие претензии на Крым. Она исходила из того, что в III веке на полуострове действительно оказалось какое-то количество германоговорящих готов. И вот, основываясь на этом историческом факте, Гитлер построил теорию: Крым должен был быть переименован в Готенланд — Землю готов», — говорит генеральный директор Центрального музея Тавриды Андрей Мальгин.

В первые дни войны, 16 июля 1941 года, Гитлер на совещании военно-политического руководства Третьего рейха специально выделил Крым из ряда других советских территорий и сказал, что полуостров «необходимо очистить от всех чужаков и заселить германцами». Симферополь планировалось переименовать в Готенбург, а Севастополь — в Теодорихсхафен — в честь готского короля Теодориха, который завоевал пол Европы. Продолжением этих планов Гитлера явилась археологическая разведка, организованная генеральным комиссаром округа «Крым — Таврия» Альфредом Фрауэнфельдом в июле 1942 года. Экспедиция должна была подтвердить версию о том, что бывшая столица княжества Феодоро — Мангуп, а также еще целый ряд городов на южном берегу Крыма, были основаны готами. «Изысканиями» нацистских археологов заинтересовался рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер.

«Гиммлер действительно приезжал в Крым в октябре 1942 года, однако к тому моменту здесь настолько активизировалось партизанское движение, что рейхсфюреру просто запретили посещение Феодоро», — рассказывает историк Михаил Кизилев.

Захватив Крым, фашисты хотели построить здесь утопическое германское государство, в котором будут жить только этнические немцы. Превращение оккупированного Крыма в Готенланд нацисты начали с уничтожения тех, кого они объявили «недочеловеками».

«Уже в декабре 1941 года, практически сразу после захвата Крыма, нацисты начали свою бесчеловечную программу по «решению еврейского вопроса», — продолжает Кизилев. — В их понимании оно состояло в безжалостном уничтожении всех евреев на территории

Крымского полуострова. Одним из самых страшных напоминаний об этой ужасной программе является 10-й километр Феодосийского шоссе, где нацисты уничтожили несколько тысяч симферопольских евреев и крымчаков».

На улицах были развешаны объявления комендатуры, приказывающие всем гражданским лицам зарегистрироваться в городской управе. Каждый крымчанин, отправляясь на биржу труда, сообщал о себе все паспортные данные. Регистрация была поводом для выявления коммунистов, комсомольцев, лиц еврейской национальности, работников государственного партийного аппарата. Всех выявленных евреев, крымчаков и коммунистов регистрировали, отбирали ценные вещи, часы, кольца, украшения, а потом отправляли в городскую тюрьму.

С 1 декабря 1941 года гитлеровцы начали массово расстреливать заключенных.

На десятом километре Феодосийского шоссе было расстреляно, по разным оценкам, от 18 до 30 тысяч человек. Сегодня здесь стоит памятник, а в ближайшие годы вырастет целый мемориальный комплекс, напоминающий крымчанам и гостям полуострова о преступлениях против человечества и человечности, совершенных гитлеровскими палачами.

Крымчаков иногда называют «расстрелянным народом». Перед началом Великой Отечественной войны на полуострове проживало примерно восемь тысяч представителей этого древнего народа. Фашисты уничтожили около шести тысяч из них.

Остались в живых лишь те, кто уцелел на фронте или успел эвакуироваться. Пожалуй, никакой другой народ Советского Союза не пострадал в процентном отношении столь серьезно. Те трагические события фактически поставили общину на грань вымирания.

Освобожденная Керчь, 1944 г.

Памятник евреям и крымчакам, расстрелянным в 1941 г.

Гитлеровцы считали крымчаков евреями. После оккупации полуострова лидеры национальной общины попытались доказать фашистам, что, несмотря на иудаизм, являются отдельным народом, но те не вняли их аргументам.

Председатель национально-культурной автономии крымчаков «Кърымчахлар» Дора Пиркова открывает двери в единственный в мире историко-этнографический музей этого народа, созданный в Симферополе в 2004 году усилиями энтузиастов. В длинном списке расстрелянных фашистами крымчаков, который является частью музейной экспозиции, Дора Товьевна показывает фамилии своих родных — дедушки и бабушки, Абрама и Девире Бакши. Здесь же хранятся бескозырка и медали её отца, Товья Бакши, который служил в годы Великой Отечественной войны на Северном флоте.

«Когда отец вернулся в 1944 году в Симферополь, то вместо дома он увидел воронку, родители были расстреляны, — рассказывает Пиркова с трудом сдерживая слезы. — Расстреляны были все крымчаки, все его друзья, родные и близкие. И он остался один на всем белом свете. Ему некуда было податься».

Просто представьте себе, вдумайтесь: народа практически совершенно не осталось. Пик расстрелов на 10-м километре Феодосийского шоссе пришелся на 11 декабря. Начиная с 1945 года крымчаки ежегодно отмечают 11 декабря Тъкун — день памяти расстрелянных немцами крымчаков, самую страшную дату в жизни этого народа. Сегодня 11 декабря в Крыму — это официальный День памяти крымчаков и евреев — жертв фашизма.

Расстрелы евреев и крымчаков шли не только в Симферополе, но и по всему полуострову.

Жительницу Керчи Раису Белоцерковскую арестовали в конце декабря 1941 года и отвезли в тюрьму вместе с двумя маленькими детьми. Точнее, с тремя, потому что еще одного малыша она носила в себе и была на последних сроках беременности.

В тюрьме у Раисы начались преждевременные роды. Фашисты выбросили новорожденного младенца в выгребную яму туалета. В их глазах этот еврейский ребенок не имел права на жизнь, так же, как его мать, его братья, сестры и все, в ком текла еврейская кровь.

Раису вместе с детьми, 15-летним братом и другими жертвами повезли в грузовике к месту казни — противотанковому рву недалеко от города, который уже совсем скоро станет известен всему миру как Багеровский ров — один из символов Холокоста, пламя которого опалило Крым. Впрочем, тогда этого слова еще никто не произнес. Никто не мог заглянуть в будущее и не знал ни о Нюрнбергском процессе, ни о том, что в числе доказательств на этом процессе будут представлены материалы о чудовищных преступлениях фашистов на крымской земле.

По дороге брату Раисы Белоцерковской удалось сбежать, а ее расстреляли вместе с детьми... Но она выжила. Очнулась среди мертвецов. Поцеловала своих мертвых крошек и поползла вверх. Возможно, если бы ров, глубина которого составляла порядка двух метров, не был завален трупами, ей бы не удалось оттуда выбраться...

История Раисы облетела всю страну и весь мир, эта женщина стала одним из немногих выживших свидетелей массовой расправы.

Число казненных в Багеровском рву оценивается в 7 тысяч человек.

«В Керчи был совершен акт геноцида. Те страшные события мировой истории, которые позже назовут Холокостом, проявились здесь во всем своем ужасе, — говорит старший научный сотрудник Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника Владимир Санжаровец. — Фашисты захватили Керчь 16 ноября 1941 года, а уже 29 ноября был издан приказ, в соответствии с которым еврейское на-

селение города должно было собраться на самой большой площади, которую называли Сенной. До войны здесь по воскресным дням соби-рался базар, где можно было купить, в том числе, сено для лошадей. Людям объявили, что их будут переселять, но пока все вещи брать с собой не надо, только самые ценные. Тех, кто явился на площадь, по-местили в тюрьму, а уже оттуда с 1 по 3 декабря вывозили партиями по 20 и более человек к Багеровскому рву — он располагался в районе села, которое незадолго до войны получило название Октябрьского, там был колхоз имени Сталина. На протяжении трех дней фашисты уничтожили более 2,5 тысячи человек — это был «конвейер смерти»

Для перевозки жертв к месту казни немцы использовали оставши-еся в городе грузовики и местных водителей. Тех, кто не пришел на площадь и попытался укрыться, отлавливали в течение всего дека-бря. В их числе была и Раиса Белоцерковская со своими детьми...

«Во второй половине января 1942 года, когда мы освободили Керчь в ходе Керченско-Феодосийской десантной операции, я побывал в Баге-рово, — рассказывал одному из авторов этой книги крымский десант-ник и партизан Александр Лубенцов. — Багеровский ров — два кило-метра в длину, восемь метров в ширину — уже был расчищен от снега. Сверху лежали трупы детей, детишки маленькие, четвертый-пятый класс. Это было жуткое зрелище. Прямо там, у Багеровского рва, мы, моряки, дали клятву мстить за наших людей до последнего фашиста».

Примерно в те же дни в Керчи побывал знаменитый фронтовой фотокорреспондент Евгений Халдей. Свои впечатления он описал в дневнике, впервые опубликованном в книге «Дороги войны Евгения Халдея», которая издана Восточно-Крымским историко-культурным музеем-заповедником в 2019 году.

«Утром пришли к месту кровавой расправы немцев над 7 тысячами женщин, детей и стариков, — пишет Халдей. — Зрелище не забудем никогда. Ров длиной два километра. Люди роют снег, привязывают

веревки к ногам и тащат наверх, потом опознают. В стороне на коле-нях стоит мужчина лет сорока. Около него трупы жены, детей: сына и дочери. Все расстреляны разрывными пулями. Из ямы вытаскива-ют детей грудных, завернутых в пеленки. Мы заканчиваем съемку и молча доходим до города. По городу ведут пленных немцев, итальян-цев, румын. Население с ненавистью рассматривает пойманных».

Да, здесь были и румыны, и итальянцы, союзники Гитлера по «объ-единенной Европе» образца сороковых годов...

Дальше Евгений Халдей рассказывает историю, услышанную от соседей. «Во дворе, где мы находились, жила девушка 20 лет, по национальности еврейка. Она, говорят, была природной красавицей. За ней ухаживал немецкий офицер. Узнав, что она еврейка, он прекратил с ней встречаться. Через несколь-ко дней ее вызвали в числе 7 тысяч. Когда она стояла перед солдатами, которые расстреливали ее партию, она увидела офицера, того самого. Она бросилась ему в ноги, умоляя пощадить её. Истерически рыдая, она умоляла и проси-ла. Офицер подошел, обнял ее и выстрелил в упор».

Еще одним свидетелем зверств фашистов в Керчи стал — повторимся — поэт Илья Сельвинский, автор стихотворения «Я это видел». Вряд ли можно лучше пере-дать словами то, перед чем любые слова бессильны...

**Нет! Об этом нельзя словами...
Тут надо рычать! Рыдать!
Семь тысяч расстрелянных в мерзлой яме,
Заржавленной, как руда.
Кто эти люди? Бойцы? Нисколько.
Может быть, партизаны? Нет.
Вот лежит лопухий Колька -
Ему одиннадцать лет.**

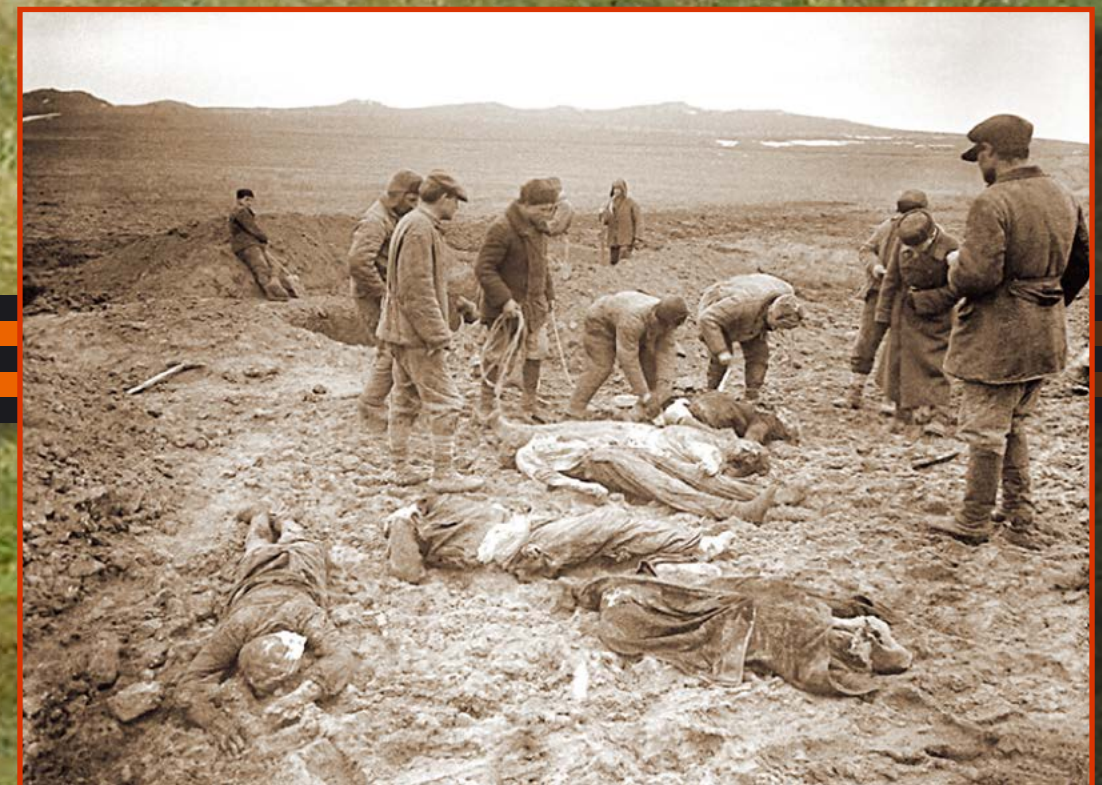
«Багеровский зайчик» с пятнами крови

Тут вся родня его. Хутор «Веселый».
Весь «Самострой» — сто двадцать дворов.
Ближние станции, ближние села -
Все, как заложники, брошены в ров.

Лежат, сидят, вползают на бруствер.
У каждого жест. Удивительно свой!
Зима в мертвецке заморозила чувство,
С которым смерть принимал живой,
И трупы бредят, грозят, ненавидят...
Как митинг, шумит эта мертвая тишь.
В каком бы их ни свалило виде -
Глазами, оскалом, шеей, плечами
Они пререкаются с палачами,
Они восклицают: «Не победишь!»

«Впервые это стихотворение было опубликовано 23 января 1942 года в краснодарской краевой газете «Большевик», — рассказывает жительница Керчи, историк, краевед, член Союза журналистов России Оксана Шеремет. — Спустя месяц его напечатала главная армейская газета «Красная звезда». Тогда и прозвучало на весь мир, который еще не знал ни Освенцима, ни Хатыни, название небольшого рабочего поселка в Керчи — Камышбурунского самостроя. Накануне в поселке разведгруппой Керченско-Феодосийского десанта был убит немецкий офицер. В ответ немцы расстреляли в Багеровском противотанковом рву 350 местных жителей — практически все мужское население «Самостроя», включая подростков. В их числе были и бойцы 51-й отдельной армии, не успевшие при отступлении переправиться на кубанский берег. А уже на следующий день в город вошли советские десантники».

Багеровский ров

«Зрелище не забудем никогда», —
писал фронтовой фотокорреспондент
Евгений Халдей

Оксана Шеремет встречалась со свидетелями расправы. В ее личном архиве хранится письмо Виктора Ефимовича Постола, одного из немногих выживших в аду Багеровского рва. Он тогда был мальчишкой, и его казнили вместе с отцом и другими жителями рабочего поселка. К сожалению, сегодня Виктора Ефимовича, как и большинства свидетелей, уже нет в живых. «Мы начали прощаться друг с другом, обниматься. Отец шел впереди меня, повернулся и произнес: «Прощай, сынок», — вспоминал Постол. — Обнял меня и поцеловал. «Может тебя оставят, а меня пусть расстреливают», — говорит. Я показал конвоем документы, что еще малолетка, за что меня ударили прикладом и приказали идти дальше. Нас поставили лицом к солдатам, которые расстреливали. Кто-то из нашей группы сказал: «Товарищи, поворачивайтесь к ним спиной, так не страшно будет умирать». Я посмотрел на отца: он повернулся. Я тоже повернулся. В это время раздалась команда «фойер», солдаты выстрелили залпом. Я, почувствовав удар в левый бок, прыгнул в ров на трупы, как мне говорил отец. Притаился как убитый, кровь налилась в резиновый сапог. Лежал пока был расстрел, а он был целый день. При падении я отлетел в сторону, а отец упал у края рва, и его завалило трупами. Кто подавал признаки жизни, того достреливали. Потом все стихло. Я встал, поискал отца, но не нашел. Выбрался наверх. Потом увидел нескольких человек, которые уходили ото рва, пошел за ними».

Другой житель Керчи — Александр Дмитриевич Зражевский — был в то время совсем маленький, и его отпустили вместе с женщинами. Мужчин, в числе которых были его отец, дед и дядя, построили в колонну и погнали под конвоем немцев и местных полицаев в городскую тюрьму, из которой на следующее утро повезли на расправу.

Как вспоминал Александр Дмитриевич, после освобождения Керчи, когда стали разбирать и опознавать трупы, его мать не поехала ко рву, потому что была беременна и должна была вскоре рожать. Вместо нее поехала старшая сестра Мария. Увидев среди мертвецов

тела своих знакомых, соседей, одноклассников, она в прямом смысле потеряла дар речи и не могла говорить на протяжении трех месяцев. Потом речь восстановилось, но заикание осталось на всю жизнь.

Александр Зражевский и сегодня приходит на братскую могилу, за которой, кстати, ухаживают учащиеся местной школы №28. Он приносит цветы, рассказывает молодежи о трагедии Багеровского рва.

...И снова строки Ильи Сельвинского, которые надо видеть, читать, вбивать, впечатывать в умы и сердца наших современников. Потому что никакие архивы, никакие труды историков, никакие статьи журналистов не в состоянии передать того, что есть в этих кровавых, огненных стихах.

**Но есть у нас и такая речь,
Которая всяких слов горячее:
Врагов осыпает проклятьем картечь.
Глаголом пророков гремят батареи.
Вы слышите трубы на рубежах?
Смятение... Крики... Бледнеют громилы.
Бегут! Но некуда им убежать
От вашей кровавой могилы.
Ослабьте же мышцы. Прикройте веки.
Травой взойдите у этих высот.
Кто вас увидел, отныне навеки
Все ваши раны в душе унесет.
Ров... Поэмой ли скажешь о нем?
Семь тысяч трупов.
Семиты... Славяне...
Да! Об этом нельзя словами.
Огнем! Только огнем!**

75

ПОБЕДА!
1945-2020

КРЫМ:
ВОЙНА,
ПОБЕДА,
ПАМЯТЬ

Ад и ангелы Аджимушкая

**Кто всхлипывает тут? Слеза мужская
Здесь может прозвучать кощунством.
Встать!
Страна велит нам почести воздать.
Великим мертвецам Аджимушкая.**

Это первые строки другого стихотворения Ильи Сельвинского — «Аджимушкой». Их тысячи, этих великих мертвецов — военных и гражданских, мужчин и женщин, взрослых и детей, встретивших смерть в вечном мраке старых каменоломен на окраине города-героя Керчь, на окраине Крыма, и ушедших оттуда в вечный свет.

Они погибли от взрывов мощных бомб, которыми фашисты пытались обрушить на головы защитников своды подземелий. От отравляющих газов, которые гитлеровцы применяли в нарушение всех международных конвенций. От ран, голода, жажды, болезней. От невыносимых, нечеловеческих страданий. Некоторые оказались в плену...

Один из авторов этой книги несколько лет назад брал интервью у Михаила Петровича Радченко — последнего из крымчан, которые были живыми свидетелями трагедии Аджимушкая. Подростком Радченко провел в каменоломнях более 5 месяцев, и его иногда называли «аджимушкойским гаврошем». К сожалению, Михаил Петрович ушел из жизни в 2017 году.

Врезался в память его рассказ о том, что защитники каменоломен в буквальном смысле ходили по деньгам: там базировалась финансовая часть Крымского фронта. Под землей остались огромные суммы денег, поэтому бойцы гарнизона в одночасье стали «подпольными» или, точнее, «подземными миллионерами»... Наглядная иллюстрация того, что

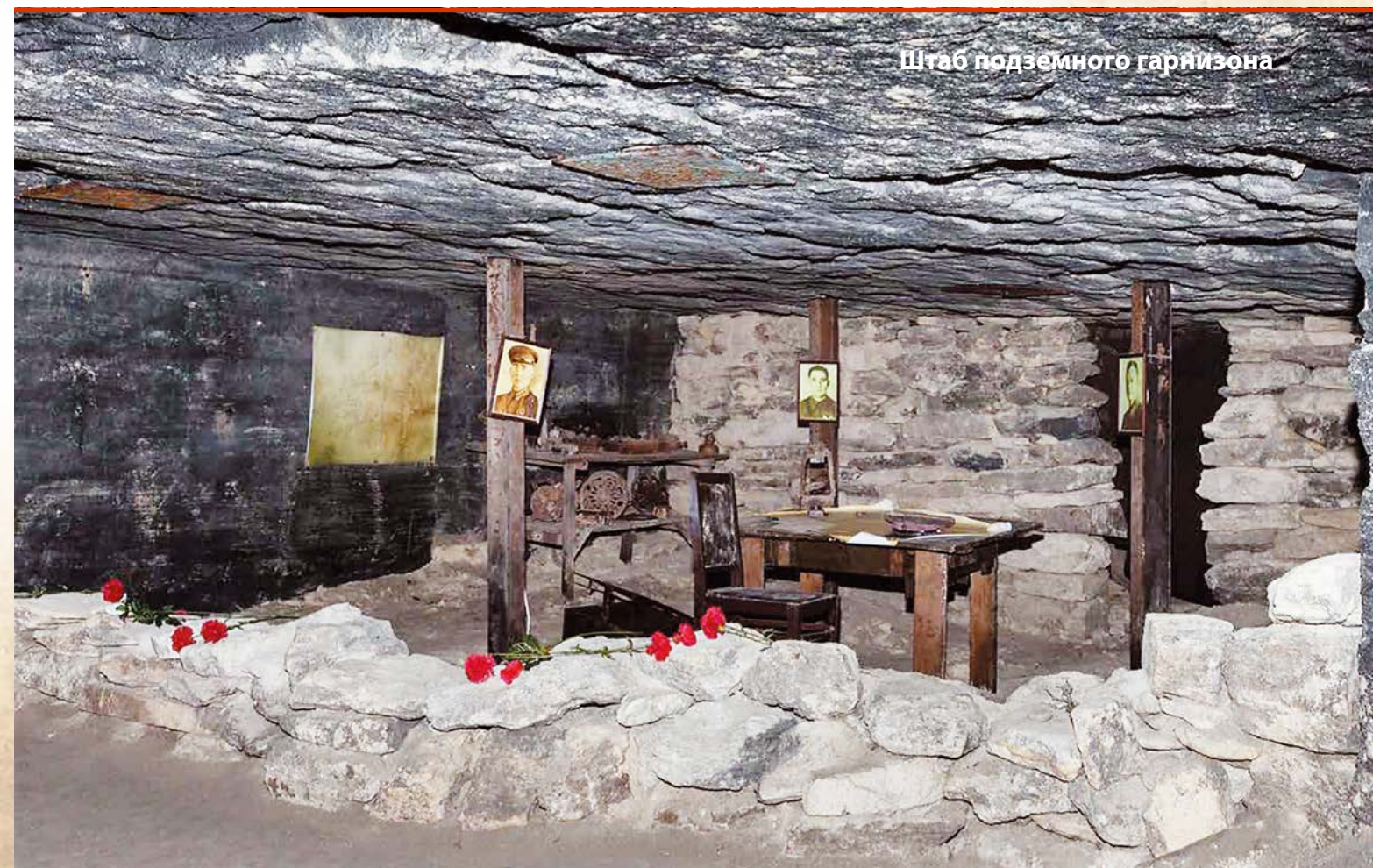
самые важные вещи в жизни нельзя купить ни за какие деньги — ни Родину, ни судьбу, ни счастье, ни здоровье, ни, в конечном счете, саму жизнь. Все по-настоящему ценное не имеет цены — такой вот парадокс.

И еще одна цитата из воспоминаний Михаила Радченко, опубликованная в книге «В катакомбах Аджимушкая», выдержавшей четыре переиздания: «Бывают в судьбе человеческой события, пережив которые, начинаешь все, каждый шаг измерять меркой пережитого, которые до конца дней останутся в тебе как шкала твоих духовных сил и возможностей».

Подвиг защитников Аджимушкая — это нравственная «шкала» для всех нас.

К воспоминаниям Михаила Петровича мы еще вернемся, а пока — еще раз о событиях страшного крымского мая 1942 года.

Разгром Крымского фронта стал одним из самых тяжелых поражений советских войск в годы Великой Отечественной войны. По сви-

Штаб подземного гарнизона

детельствам очевидцев, волны Керченского пролива в те дни были красными от крови.

19 мая 1942 года решением Ставки Верховного Главнокомандования Крымский фронт был расформирован, однако тысячи его бойцов не сложили оружия, а продолжили борьбу с фашистами, спустившись под землю. Они стали ангелами Аджимушкай. Ангелами, отправившими в преисподнюю многие сотни гитлеровских оккупантов.

Во время обороны Керчи в каменоломнях находился резерв Крымского фронта. Именно он и стал костяком Аджимушкайского гарнизона. В это подземное войско затем вошли представители буквально всех воинских частей, отступавших к проливу. Сюда же, в каменоломни, спасаясь от бомб и снарядов, переселились в те дни тысячи мирных жителей.

«Нас обстановка заставила туда спуститься, — вспоминал Михаил Радченко. — Здесь было большое количество войск, немцы бомбили как аэродром, так и поселок. Поэтому многие родственники военных и другие гражданские укрылись под землей. Мой отец погиб на фронте, а мы с матерью ушли в каменоломни».

Общая численность подземного гарнизона в первые дни (с 18 по 24 мая — день, когда была проведена первая газовая атака, унесшая много жизней) составляла, по оценкам историков, от 10 до 15 тысяч военных. Почти все они погибли. По словам сотрудников Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника, на сегодняшний день установлены имена около 2,5 тысяч защитников. Также известны имена около 260 «аджимушкайцев», оставшихся в живых. Почти все из них прошли через плен.

«Немцы наступали очень быстро, поэтому огромное количество войск не успело переправиться на советский берег, на Тамань, — говорит директор Центрального музея Тавриды Андрей Мальгин. — Для тех, кто не сложил оружие, не сдался в плен, единственным выходом оказалось спуститься в каменоломни. Это была одна из немногих возможностей продолжать борьбу. Бойцы подземного гарнизона надеялись на то, что сил Красной Армии будет достаточно для того, чтобы организовать мощный контрудар. До осени 1942 года те, кто находился внизу, свято верили, что советские войска вот-вот снова переправятся на территорию Крыма и окончательно освободят полуостров».

Командиром Аджимушкайского гарнизона стал полковник Павел Ягунов. До войны он был осужден на 10 лет лишения свободы

Всего установлено около 2,5 тысячи имен погибших защитников подземного гарнизона, среди которых были и дети

по ложному обвинению. Однако в 1939 году его реабилитировали. Но Павел Максимович не озлобился, не затаил обиду на Родину, а до самого конца сражался за свободу родной страны. Он погиб летом 1942 года от случайного взрыва трофейной немецкой гранаты.

Заметим, что многие предатели от начала времен и до наших дней оправдывают свое предательство именно несправедливой, по их мнению, обидой, нанесенной властью преданной ими страны — мол, мы за народ, но против власти, за Родину, но против государства. Лукавые и позорные отговорки...

Во многом именно усилиями Ягунова разношерстную толпу отступавших красноармейцев удалось за короткое время превратить в боеспособную воинскую часть, в скованное железной дисциплиной воинское подразделение, наводившее ужас на хорошо обученного, вооруженного до зубов врага.

Несмотря на адские условия, в которых оказались под землей защитники Аджимушкая, они не просто выживали, а наносили врагу весьма чувствительные удары. Об этом свидетельствуют и сами фашисты.

«Очистка Керчи продолжалась очень длительное время, так как значительные подразделения русских, превратившись в горняков, ушли под землю и превратили подземные лабиринты в гнезда сопротивления, откуда непрерывно и неожиданно контратаковали», — писал в своей книге «Загубленная пехота» немецкий генерал Максимилиан Фреттер-Пико.

А вот цитата из донесения, которое приводит в книге «Аджимушкай» известный военный историк Всеволод Абрамов: «Румынские солдаты сообщают, что они в районе Аджимушкайских каменоломен ведут ожесточенные бои и несут большие потери».

По мнению Абрамова, организаторы обороны полковник Павел Ягунов, комиссар подземного гарнизона Иван Парахин, подполков-

**Павел Ягунов с дочерью
Кларой**

ник Григорий Бурмин «явно были кандидатами на присвоение звания Героя Советского Союза». Абрамов сообщает, что сам несколько раз подписывал коллективные обращения общественности к руководству СССР по этому поводу, однако партийные и военные чиновники отвечали отписками.

От голода защитников подземной крепости какое-то время — очень недолгое — спасали склады Керченского военторга, также находившиеся в каменоломнях. Назначенный Ягуновым суточный паек составлял 200 граммов хлеба, 15 граммов концентратов, 10 граммов жира и 100 граммов сахара, которого было особенно много среди доставшихся гарнизону запасов. К середине осени, под конец обороны, сахар остался фактически единствен-

**Иван Парахин — комиссар
подземного гарнизона**

**Григорий Бурмин возглавлял
подземный гарнизон после
смерти полковника Ягунова**

ным продуктом питания. Подземная жизнь оказалась приторно «сладкой» — черный юмор судьбы.

«Я часто охотился на крыс, — вспоминал Михаил Радченко. — Варили из них суп. Правда, медики говорили, что лапки и голову надо убирать, потому что они по трупам лазят, и там может быть трупный яд. Я был до крайности истощенный, так что, бывало, порежешь палец, и уже кровь не течет, а сочится понемногу какая-то розовая жидкость. Это пугало».

Но самой большой ценностью была вода. Жажда вернее, чем пули и взрывчатка, убивала обитателей штолен. Каждая вылазка наверх за водой стоила огромных жертв, за один раз могли погибнуть десятки человек: за ведро воды — ведро крови. А внутри каменоломен влагу можно было собирать только по каплям — с потолка.

«Хватаешь за сруб такой на потолке и высасываешь воду, — рассказывал Михаил Петрович. — Поэтому у меня уже не было зубов. А потом стали сверлить: просверлишь дырочку поглубже, тряпочкой забьешь, потянешь, капнешь — и так за полдня полкружки насасывали».

Радченко был не единственным ребенком в каменоломнях. Сегодня посетителям музея показывают подземное детское кладбище — что может быть страшнее?

«Старшему из нашей компании — Коле Дросову — было пятнадцать, — рассказывал Радченко в своих воспоминаниях. — Когда ворвались в город враги, окончилось наше детство. Без чьего-либо совета мы дали клятву драться с фашистами. Это была чисто детская клятва. В знак верности слову каждый из нас съел светлячка. Но не игрой «в войну» обернулась для ребят любовь к своей земле. При взрыве порохового погреба, откуда решено было достать взрывчатку и детонаторы, погибли Володя Рыков, Коля Дросов, Володя Чучко. Хочу, чтобы сегодняшние мальчишки знали и помнили их имена».

Водокап

По словам Михаила Петровича, ему дали задание выйти наверх и пробраться к партизанам. Снарядили в дорогу, дали даже одежду — какой-то желтый костюм — взамен тех лохмотьев, в которых он ходил...

«Только намного позже я понял, что это задание мне поручили ради моего спасения, — уверен он. — Зная, что я просто так не уйду из подземелья, комиссар дядя Ваня Парахин придумал убедительный предлог, чтобы дать мне шанс уцелеть». Сам комиссар впоследствии попал в плен и был расстрелян.

Еще одним испытанием для обитателей каменоломен стала темнота — сводящий с ума мрак, без единого солнечного луча, в котором невозможно было отличить день от ночи. Выдающийся советский писатель Константин Симонов описывал Аджимушкайские подземелья

Таким был «аджимушкайский гаврош»
Михаил Петрович Радченко

так: «А скалы были такие: потуши свет — ты погиб, хоть родись там, в этой скале, но только потуши на минуту свет — и ты погиб... В осаде установился свой, необычный, пещерный быт. Его определял прежде всего мрак, абсолютный мрак, не позволявший судить ни о времени, ни о пространстве за пределами полуметра, освещенного лампой».

Но этот мрак был не только врагом, но и помощником, и защитником. Фашисты не раз пытались войти в каменоломни через широкие входы, но спустившись под землю, они становились хорошими мишенями для бойцов подземных лабиринтов.

Понеся большие потери, гитлеровцы решили задушить защитников Аджимушка с помощью отравляющих газов. Для этого в Керчь прибыла из Берлина специальная команда СС.

Первая газовая атака была осуществлена — повторимся — днем 24 мая. Она подробно описана в дневнике младшего лейтенанта Александра Ивановича Трофименко, который был обнаружен в начале 1944 года. Кстати, до войны Трофименко был школьным учителем. Всеволод Абрамов в своей книге приводит эти жуткие строки.

«...Грудь мою что-то так сжало, что дышать совсем нечем. Слышу крик, шум, быстро схватился, но было уже поздно... Полны катакомбы отравляющим дымом. Бедные детишки кричали, звали на помощь своих матерей. Но, увы, они лежали мертвыми на земле, с разорванными на грудях рубашками, кровь лилась изо рта... Чувствую, что я задыхаюсь, теряю сознание, падаю на землю, кто-то поднял и потащил к выходу. Пришел в себя. Мне дали противогаз. Теперь быстро к делу, спасти раненых, что были в госпитале... Вопли, раздирающие стоны, кто может — идет, кто может — ползет, кто упал с кровати и только стонет: «Помогите, милые друзья! Умираю, спасите!»... Много трупов валялось, по которым еще полуживые метались то в одну, то в другую сторону...»

«...Грудь мою что-то так сжало, что дышать совсем нечем. Слышу крик, шум, быстро схватился, но было уже поздно... Полны катакомбы отравляющим дымом. Бедные детишки кричали, звали на помощь своих матерей. Но, увы, они лежали мертвыми на земле, с разорванными на грудях рубашками, кровь лилась изо рта... Чувствую, что я задыхаюсь, теряю сознание, падаю на землю, кто-то поднял и потащил к выходу. Пришел в себя. Мне дали противогаз. Теперь быстро к делу, спасти раненых, что были в госпитале... Вопли, раздирающие стоны, кто может — идет, кто может — ползет, кто упал с кровати и только стонет: «Помогите, милые друзья! Умираю, спасите!»... Много трупов валялось, по которым еще полуживые метались то в одну, то в другую сторону...»

На деревянном столике в экспозиции Аджимушкайских каменоломен можно увидеть части радиостанции «Ока-5». Может быть, именно по этой радиостанции и была передана радиограмма полковника Ягунова о начале газовых атак: «Всем народам Советского Союза!

На деревянном столике в экспозиции Аджимушкайских каменоломен можно увидеть части радиостанции «Ока-5». Может быть, именно по этой радиостанции и была передана радиограмма полковника Ягунова о начале газовых атак: «Всем народам Советского Союза!

Мы, защитники обороны города Керчи, задыхаемся от газа, умираем, но в плен не сдаемся!»

Последствия первой газовой атаки были катастрофическими. Точное количество жертв неизвестно, но в том же дневнике Трофименко сказано, что только на территории одного батальона потери составили 824 человека.

«С этого времени немцы вкачивали газ с помощью машины, — вспоминал Михаил Радченко. — Начинали с 10 часов утра и до 2 часов дня. Но мы приспособились. Как только начинает мотор работать, уже слышно, потому что под землей очень сильный резонанс. Мы идем на сквозняки и таким образом спасаемся... Под действием сквозняков газ уходил из каменоломен, он оставлял после себя такую желтую пелену».

Командование подземного гарнизона организовало строительство газоубежищ. Для этого защитники использовали камень-ракушечник, из которого сооружали стены. Зазоры между камнями затыкали тряпками, бумагой, замазывали грязью. Во время газовых атак оставшиеся в живых жители каменоломен прятались в этих отсеках, которые защищали людей от удушья.

Раненых в боях, больных и надыхавшихся газами защитников Аджимушкая доставляли в подземный госпиталь.

В тяжелейших условиях подземной обороны медики умудрялись проводить достаточно сложные операции, применяя в качестве анестезии коньяк из запасов Керченского военторга, самогон, который гнали из сахара, и... махорку.

От одного вида операционной и инструментов, которые можно увидеть в экспозиции музея, бросает в дрожь. Операции проводились практически «наживо», без наркоза и обезболивания. Единствен-

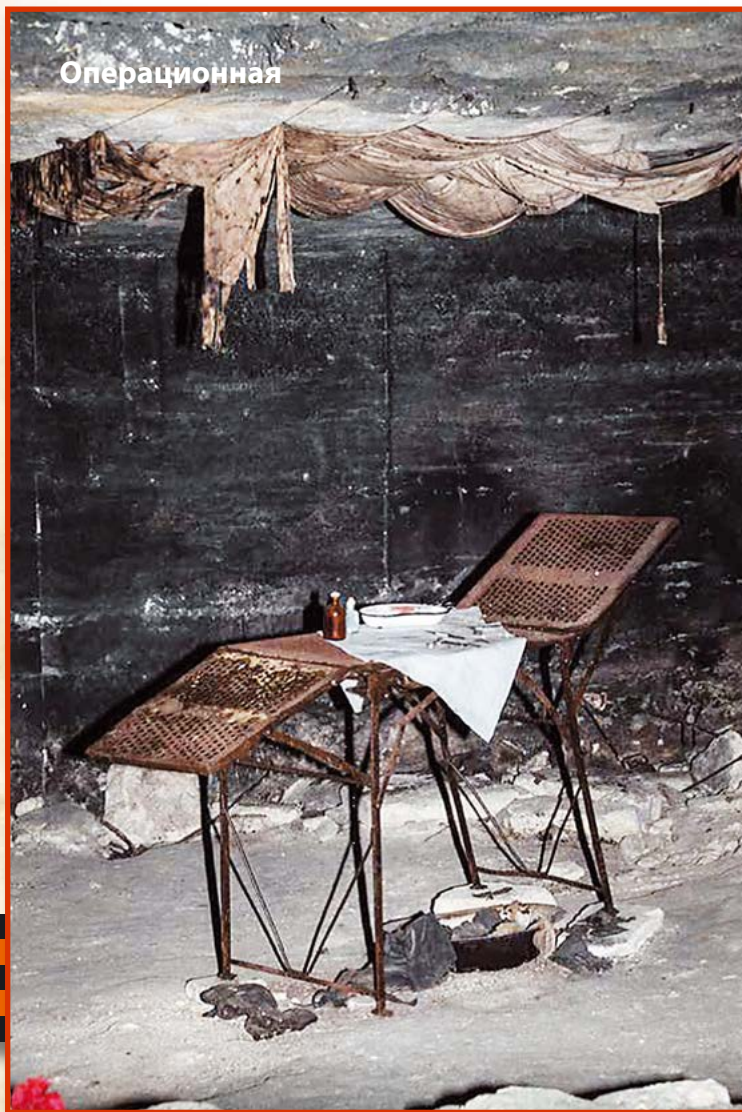
ное, чем могли немного хотя бы уменьшить боль раненому бойцу, это давали выкурить несколько самокруток. А поскольку люди были обессилены, они впадали в полузабытье, и в этот момент им делали операции. Медики делились с ранеными последним кусочком хлеба, последним глотком воды.

Одним из этих героев был военфельдшер госпиталя Центральных Аджимушкайских каменоломен Эристау Чихавиев, уроженец Северной Осетии.

«В подземных лабиринтах сражались представители 15 национальностей, — говорит старший научный сотрудник отдела истории Великой Отечественной войны Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника Валентина Климчук. — Сегодня нам известно, что Эристау Чихавиеву было 20 лет, он с отличием окончил 7 классов школы села Дигоры, затем поступил в Ленинградское военно-медицинское училище имени Щорса. Участвовал в боевых операциях подземного гарнизона и работал в госпитале. В августе-сентябре 1942 года Чихавиев получил смертельное ранение».

Долгое время он значился пропавшим без вести. И только в 1974 году семья Чихавиевых получила письмо от Всеволода Абрамова, который сообщил, что в журнале регистрации подземного госпиталя была обнаружена фамилия Чихавиева. Абрамов помог членам семьи связаться с оставшимися в живых участниками обороны каменоломен, один из которых рассказал подробности о судьбе военфельдшера.

«В августе 2019 года наш музей посетил Георгий Корнаев, старший научный сотрудник историко-мемориального музея имени Г. А. Цаголова, который находится в городе Дигора, — продолжает свой рассказ Валентина Климчук. — Музей собрал богатый материал о своем земляке Эристау Чихавиеве. Теперь его родные всегда могут приехать в Керчь, чтобы почтить его память».

Операционная

Эристау Чихавиев

Для самой Валентины Александровны история войны — это тоже семейная история. «Это воспоминания о моем без вести пропавшем на фронте дедушке, рассказы о войне моего дяди, капитана в отставке, участника боевых действий, — говорит она. — Это горькие воспоминания моей матери, которой в сорок первом было всего девять лет. Она вместе с семьей два года прожила в оккупации. Мой отец был призван в армию в сорок четвертом, ему было семнадцать. На фронт он не попал, потому что война закончилась. Но их все равно направили в Германию, где он прослужил 8 лет и был награжден медалью «За Победу над Германией». Я храню память о своих близких и родных и никогда ее не предаю».

Семейная история другого научного сотрудника музея — Натальи Непомнящей, также неразрывно связана с памятью о войне. Кстати, Наталья Николаевна занимается темой медицинского обеспечения боевых действий на Керченском полуострове и архивно-поисковой работой по установлению судеб военных медиков.

«Моя бабушка по материнской линии Нина Федулова вместе с родителями, сестрами и новорожденной дочкой пережила и первую, и вторую оккупацию Керчи, — рассказывает Наталья. — Когда в мае 1942 года город подвергался массированным бомбардировкам, они укрылись в каменоломнях, около которых держал оборону сводный отряд полковника Ягунова. Но там было так холодно, сыро и страшно, что семья решила вернуться домой и лучше погибнуть в родных стенах. Первый муж бабушки Нины пропал без вести в боях под Керчью. Он служил наводчиком орудия в одном из стрелковых полков 51-й армии, оборонявшей Крым осенью 1941-го. Мой дед, второй муж Нины, Иван Дмитриевич Ряписов, тоже был фронтовиком».

Бабушка и дедушка Натальи Непомнящей (со стороны отца) Феодора и Василий Маленковы приехали в Керчь из Белоруссии незадолго до войны. 24 июня 1941 года Василия призвали на фронт. «Он был ря-

Подземный госпиталь

довым. Осенью сорок первого участвовал в обороне Крыма на Ишуньских позициях, — говорит Наталья. — Попал в плен под Керчью 16 мая. Содержался в одном из концлагерей на территории Польши, бежал, но был пойман. В 1945 году после освобождения вернулся к семье в Керчь. Здоровье его было подорвано тяжелой работой и побоями в лагере, и в 46 лет он умер, оставив жену с четырьмя детьми. Феодора тоже пережила две оккупации Керчи. После смерти мужа она заболела туберкулезом и умерла в 1958 году. Оставшиеся круглыми сиротами дети воспитывались в интернате. Моего папу Николая приютила семья его тети».

Вот такие истории, в которых судьбы людей и семей неотделимы от судеб страны.

Но вернемся в 1942 год.

Гитлеровцы всеми силами старались похоронить аджимушкайцев под землей. В шурфы, вырытые сверху, они закладывали сразу по несколько десятков авиабомб и взрывали их, обрушая своды подземелий. Грохот и дрожь земли от этой канонады ощущали даже наблюдатели 47-й армии, державшей оборону на Таманском полуострове.

3 июля 1942 года в подземелье пришла горестная весть о том, что наши войска оставили Севастополь. Бойцы подземного гарнизона поняли, что они остались совершенно одни в глубоком тылу у немцев и никакой надежды на новую десантную, спасательную операцию больше нет. Но даже в тот момент аджимушкайцы не поддались отчаянию. Голодные, оборванные, уставшие они провели крупную боевую операцию в ночь с 8 на 9 июля. В вылазке принимали участие все, кто мог держать в руках оружие, в том числе, легко раненные бойцы.

«Воины подземелий» даже смогли вытеснить фашистов из поселка Аджимушкай примерно на 11 километров и удерживали его в своих руках в течение суток. Но, конечно, силы были неравными. К немцам подошла подмога, и бойцы подземного гарнизона вынуждены были снова спуститься под землю, унося с собой трофеи.

В сентябре гитлеровское командование решило покончить с защитниками каменоломен мощным линейным взрывом. Но и после этого немногие выжившие продолжали оборонять самые дальние, глухие участки штолен.

Последние группы защитников подземелий были уничтожены только в конце октября. В плен попали считанные единицы.

Воины подземного гарнизона Аджимушкайских каменоломен боролись с врагом 170 дней и ночей. Почти полгода гитлеровцы держали вокруг каменоломен свои войска численностью до дивизии. Почти полгода они не могли спать спокойно. А самое главное — почти полгода каждый житель города знал: надежда есть. Керчь оккупирована врагом, но не побеждена.

Однако радоваться фашистам пришлось недолго. Прошло чуть больше года, и советские войска навсегда выбили их сначала из Керчи, а потом и со всей территории Крыма.

Сегодня музей в Аджимушкайских каменоломнях посещают люди из всех регионов России, из разных стран. Они едут сюда, в маленький поселок на краю полуострова, чтобы склонить голову перед мужеством подземного гарнизона, перед мощью духа этих людей. А каменные гиганты у входа в подземные лабиринты застыли в вечном бою. Как будто великие мертвецы хранят наш мир от вторжения чужих и черных смыслов. Как там у Высоцкого? «Наши мертвые нас не оставят в беде, наши павшие — как часовые». Главное — нам помнить о них.

Вечная память и вечная слава!

**МЕМОРИАЛ
ЖЕРТВАМ
ФАШИСТСКОЙ
ОККУПАЦИИ
КРЫМА -
КОНЦЛАГЕРЬ
"КРАСНЫЙ"**

Помните!
Через века,
через года, —
помните!
О тех
кто уже не придёт
никогда, —
помните!

Не плачьте!
В горле
сдержите стоны,
горькие стоны.
Памяти
павших
будьте
достоинь!

Вечно
достоинь!
Хлебом и песней,
Мечтой и стихами,
жизнью
просторной,
каждой секундой,
каждым дыханьем
будьте
достоинь!

Люди!
Покуда сердца
стучатся, —
помните!
Какою
ценой
завоевано счастье, —
пожалуйста,
помните!

Песню свою
отправляя в полёт, —
помните!

О тех
кто уже никогда
не сплёт, —
помните!
Детям своим
расскажите о них,
чтоб
запомнили!
Детям
детей
расскажите о них,
чтобы тоже
запомнили!
Во все времена
бессмертной
Земли

помните!
К мерцающим звёздам
ведя корабли, —
о погибших
помните!
Встречайте
трепетную весну,
люди Земли.
Убейте
войну,
прокляните
войну,
люди Земли!
Мечту пронесите
через года
и жизнью
наполните!..
Но о тех,
кто уже не придёт
никогда, —
заклинаю, —
помните!

Роберт Рождественский
«Реквием»

Красный — цвет крови

Из сухого колодца, глубина которого достигала более 24 метров, извлекли 76 трупов. Тела мужчин, женщин, детей лежали в самых невероятных, неестественных положениях: вниз головой, со сломанными позвоночниками, вывернутыми суставами, переплетенные между собой. Большинство жертв были сброшены сюда еще живыми...

Страшный смрад разлагающейся человеческой плоти разносился по округе на километры. Вблизи колодца он был настолько силен, что не спасали даже противогазы. Ситуацию усугубляла теплая погода. Поэтому подъем тел решили прекратить, а колодец — засыпать землей «из санитарных соображений». Сколько людей нашли там свою смерть — точно не знает никто. По оценкам экспертов, количество жертв исчисляется сотнями.

«Колодец смерти» находился на территории концлагеря, который нацисты создали в ноябре 1941 года в окрестностях Симферополя — на месте бывшего передового совхоза «Красный», славившегося до войны своей продукцией птицеводства. Поначалу фашисты приспособили под лагерные бараки помещения, в которых держали птицу — есть в этом какая-то дикая, сатанинская насмешка...

Колодец, превращенный в братскую могилу и другие места массовых расстрелов узников концлагеря были вскрыты в апреле 1944 года, вскоре после освобождения столицы Крыма. И тогда название совхоза обрело совсем другой смысл: красный — цвет крови невинных жертв.

«При вскрытии и изъятии из колодца трупов лишь у 8 мужчин в верхних слоях и 2 женщин на глубине были обнаружены при медицинском освидетельствовании пулевые ходы; у остальных трупов, из которых 51 женщина, 7 детей от 1,5 до 15 лет и 2 мужчин медицинской экспертизой установлено, что они были сброшены в колодец живыми, причем у четырех женщин обнаружены туго перевязанные платком шеи». Это цитата из акта Крымской республиканской чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.

Местные жители свидетельствовали, что слышали жуткие крики и стоны умирающих людей, которые доносились из лагеря на протяжении многих часов и даже дней. А уцелевшие узники рассказывали, что пособники фашистов, из числа которых набиралась охрана лагеря, развлекались, устраивая смертельные «пробежки» заключенных. Ничего не подозревающих людей гнали по специально расчищенным дорожкам к замаскированному камышом и сухой травой колодцу, перед которым устанавливали деревянный помост...

Повторимся: на территории и в окрестностях лагеря были найдены и другие места массовых захоронений узников, в том числе, более двух десятков ям в урочище Дубки. Из них извлекли еще несколько сотен тел. Много погибших было и в так называемом «картофельном городке» неподалеку от железнодорожного вокзала Симферополя. До войны там располагалась овощная база, а в годы оккупации — пересыльный пункт для пленных красноармейцев....

По оценкам историков, с ноября 1941 года по апрель 1944-го в концлагере на территории бывшего совхоза «Красный» были расстреляны, замучены, забиты насмерть, отравлены газом более 15 тысяч человек.

Мемориальный комплекс жертвам фашизма «Концлагерь «Красный», открытый в 2015 году, накануне 70-й годовщины Великой Победы, сегодня известен далеко за пределами полуострова. В год он принимает более 30 тысяч посетителей, большинство из которых — молодежь. Сотрудники говорят, что даже пятиклассники, посещающие мемориал в составе экскурсий, ведут себя здесь не по-детски тихо. Не пытаются бегать, кричать, баловаться, внимательно слушают экскурсоводов.

Мемориал стал одним из центров сохранения исторической памяти российского Крыма, настоящим «генератором» патриотических энергий. Ежегодно здесь проходят десятки различных мероприятий, в том числе, международных, в которых принимают участие политики, ученые, представители власти, общественных организаций, СМИ. Одно из таких мероприятий — Международный научный форум «Нюрнбергский процесс: история и современность», организатором которого является Университет Прокуратуры Российской Федерации.

Одно из самых знаковых мест мемориала — стена скорби с именами погибших узников концлагеря. Сегодня здесь увековечено более тысячи имен, остальные пока остаются неизвестными. Однако каждый год накануне Дня Победы список пополняется новыми именами. Это результат огромной работы сотрудников мемориала, архивистов, поисковиков, просто неравнодушных людей. Работы, конечная цель которой — вернуть нашей памяти имена всех узников, всех жертв.

На стене много одинаковых фамилий, но это не однофамильцы. Фашисты и их пособники уничтожали целые семьи, не щадя ни женщин, ни маленьких детей, ни стариков. Для них жители оккупированных территорий СССР — вне зависимости от их национальности — были только расходным человеческим материалом, биомассой, от которой следовало освободить территорию будущего «тысячелетнего рейха».

Вот четырнадцать Кособородовых (Кособродовых). Известно, что часть из них — семья лесника, которая помогала партизанам. Фашисты уничтожили всех.

Вот пять Жуковых. Четверо Бокунов: глава этой семьи Семен Филиппович Бокун, который работал сапожником, организовал в своей симферопольской мастерской явочную квартиру. Сюда часто приходили партизаны и подпольщики. Бокун снабжал их добытой информацией. Выдал его предатель. Немцы арестовали всю семью: самого сапожника, его жену Марию, 12-летнюю дочь Шуру и 17-летнего сына Ваню. Все они погибли в «Красном».

А вот еще надписи: Смагина с грудным ребенком; Верещагина с дочерью Люсей. Гончарова Надя и ее трехлетняя дочь. Шура и ее нерожденный ребенок...

В экспозиции музейного зала комплекса хранятся предметы, найденные на местах массовых расправ над узниками концлагеря. Среди них — детская брошка в виде маленькой птички. Вставные челюсти стариков. Рядом — самодельные наручники, сплетенные из алюминиевой проволоки, которыми палачи скручивали руки своим жертвам.

А вот школьная тетрадка по русскому языку и литературе, страницы которой исписаны аккуратным детским почерком. Хронологическая канва жизни и творчества Ивана Сергеевича Тургенева... Название темы — «Деепричастие»... Эта тетрадь принадлежала 14-летнему симферопольскому школьнику Семену Мирошникову. Он и его друг Виктор Сенькин перерезали провода связи в немецкой военной части, что позволило партизанам уйти от преследования фашистов... Детей арестовали и после страшных пыток убили.

По словам сотрудников мемориала, тетрадь Семена Мирошникова принес в музей его племянник, который живет в Москве. Вообще, многие экспонаты появились здесь благодаря выжившим узникам концлагеря и их родным.

Чуть позже мы вернемся к рассказу о судьбах людей, чьи имена, увековечены на стене скорби.

«У меня здесь всегда особые эмоции, — признается председатель Государственного Совета Крыма Владимир Константинов, инициатор создания мемориала «Концлагерь «Красный». — За каждой фамилией стоит судьба конкретного человека, которая трагически оборвалась в стенах лагеря смерти. Ты смотришь на эти фамилии и понимаешь, что здесь закончилась история целых семей, целых родов, каждый из которых имел свою родословную, уходящую в древность, и мог продолжаться и в будущем. Мы не имеем права забывать о том колоссальном зле, которое причинил нацизм нашей стране, нашему народу и всему миру. Память оберегает нас и наших детей от повторения трагедий прошлого, она будет оберегать наших внуков, правнуков и более отдаленных потомков. Это не просто красивые слова, это реальность, которую надо осознавать всем. Мы видим, какими бедами обернулась утрата исторической памяти на Украине. Зло, к сожалению, имеет свойство возвращаться, когда о нем забывают».

Личное измерение истории есть и у сотрудника музея Александра Звездина, который проводит экскурсии по мемориалу.

«Мой двоюродный прадед Леонид Иванович Силин был танкистом, — рассказывает Александр. — Его танк подбили, он получил ранение и попал в плен. Деда отправили в концлагерь Дахау. Он чудом выжил, и после освобождения лагеря американцами вернулся домой. Жил на Украине, в Николаеве. Из рассказов родных я знаю, что не все у него сложилось просто, потому что отношение к тем, кто

побывал в плену, было, мягко говоря, неоднозначным. К сожалению, я не помню деда, потому что он умер, когда я был совсем маленьким. По словам мамы, он очень обрадовался, когда у нее родился сын и даже дал мне своеобразное жизненное напутствие в письме: «Пусть Шурик (так он меня называл) будет моральным, хорошим человеком». Это письмо хранится в нашем семейном архиве...»

Лагерь под Симферополем, — так же, как Освенцим, Бухенвальд, Дахау, Майданек, Треблинка, Маутхаузен, Заксенхаузен, — был частью огромной людоедской системы уничтожения «расово неполноценных» народов и «расчистки» жизненного пространства для сытой и безбедной жизни «истинных арийцев».

Общее количество концентрационных лагерей, тюрем, гетто в оккупированных странах и в самой Германии приближалось к 15 тысячам. За годы существования Третьего Рейха на этих фабриках смерти были убиты, расстреляны, замучены сожжены в печах крематориев, отравлены газами 11 миллионов человек.

«Первоначально система концентрационных лагерей задумывалась нацистами как инструмент борьбы с политическими противниками, — рассказывает крымский историк Олег Романько. — Однако после начала Второй мировой войны концлагеря превратились в инструмент национальной политики Рейха, в средство массового истребления людей. Именно таким и был лагерь в бывшем совхозе «Красный».

Генеральный план «Ост», разработанный под руководством Гимmlера, предусматривал, что на территории нашей страны должно остаться около 15 миллионов человек.

«Это будет одна из главных задач немецкой государственной деятельности на все время — предупредить всеми имеющимися в

нашем распоряжении средствами дальнейшее увеличение славянской расы, — заявлял Гитлер. — Естественные инстинкты повелевают всем живым существам не только завоевывать своих врагов, но и уничтожать их».

Интересно, что цифру 15 миллионов назвала много лет спустя — в 1991 году — премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер: как отметила тогда «железная леди», по оценкам мирового сообщества, на территории России экономически целесообразно проживание только 15 миллионов человек. Такое вот символичное совпадение. Разница лишь в обоснованиях: в первом случае сократить население России требовали интересы «высшей расы» и «естественные инстинкты», во втором — «экономическая целесообразность». С которой, к слову, у немцев было все в порядке. Педантичные палачи ни на секунду не забывали о прибыли.

Каждый узник, пока был жив и мог работать, в среднем приносил рейху 1500 марок дохода. Еще 200 марок давало «рациональное использование трупа и личных вещей» — именно такой оборот речи применялся в бухгалтерской отчетности гитлеровцев. Была даже создана специальная машина, которая перемалывала на удобрения человеческие кости. Производительность машины составляла три кубических метра жженой костной крошки в час. Итого за вычетом двух марок на отравление и сожжение рейх получал в среднем с одной жертвы 1698 марок дохода, включая стоимость волос, зубов, костей и пепла.

Костную крошку, полученную из человеческих трупов, «истинные арийцы» продавали немецким сельскохозяйственным фирмам для производства суперфосфата. То, что оставалось, смешивали с навозом и использовали для удобрения лагерных огородов.

Такой вот апофеоз «экономической рентабельности». В кривом зеркале нацистской идеологии уродливо преломились, такие, каза-

лось бы, сугубо позитивные и похвальные качества немецкого народа, как любовь к порядку, дисциплина, рачительность, аккуратность.

Третий рейх, стал, пожалуй, одной из крупнейших в истории человечества рабовладельческих империй. За годы оккупации германские власти отправили на принудительные работы, то есть, в рабство, около пяти миллионов граждан СССР.

Немецкие предприятия, в том числе, всемирно известные марки, с удовольствием использовали сверхприбыльный рабский труд. Среди них — автоконцерн «Даймлер-Бенц», БМВ, «Кодак», «Сименс». Крупные немецкие фармакологические концерны, такие как «Ай Джи Фарбен», в который входили, в том числе, BASF и «Баер», испытывали на узниках новые медицинские препараты. А также производили газ «Циклон Б», использовавшийся в газовых камерах.

«Мне делали уколы, и у меня отнимались ноги, — рассказывала несколько лет назад одному из авторов этих строк крымчанка, узница лагеря Равенсбрюк Антонина Чарнецкая-Бойченко. — Я после этого двое суток кричала. Потом оказалось, что они мне делали уколы, чтобы я не могла рожать. Так и осталась после войны бездетной...»

В оккупированном Крыму нацисты создали около 100 «мест принудительного содержания» — так они называли свои застенки. Лагерь смерти в «Красном» был самым крупным на полуострове. Первыми его узниками стали 15 тысяч пленных красноармейцев, защитников Севастополя, которых пригнали сюда пешком через Бахчисарай и Симферополь. Многие из них погибли от голода, холода и болезней.

«Первое время местные жители пытались поддерживать узников продуктами питания, но после убийства в лагере немецкого офицера им это запретили», — рассказывает экскурсовод Александр Звездин. День в лагере начинался в 5 часов утра. Завтрак состоял из кружки теплой воды и небольшого куса «хлеба», приготовленного из смеси проса, кукурузы, отрубей и травы. На работу выгоняли всех заклю-

ченных, включая детей и стариков. Они работали до глубокой ночи с коротким перерывом на обед, состоявший из тарелки пустой баланды. Вручную таскали огромные камни, землю... Людей подгоняли плетками, изготовленными из проволоки и бычьих жил. За малейшую провинность избивали до полусмерти.

Спали узники на нарах в такой тесноте, что если кто-то переворачивался на другой бок, то приходилось переворачиваться и всем его соседям. Людей заедали вши, они умирали от голода, холода и болезней.

Живых свидетелей зверств, творившихся в «Красном», с каждым годом остается все меньше. Самым молодым из них сегодня далеко за 80, а в то время они были детьми... Но их свидетельства хранятся в фондах мемориала «Концлагерь «Красный», в музеях и архивах. Никто не забыт и ничто не забыто: эта строка из стихотворения Ольги Берггольц, посвященного жертвам блокады Ленинграда, звучит в этих стенах с особенной силой.

Вот только несколько свидетельств.

Тамара Трофименко: «Заклученные, в том числе и дети, подвергались издевательствам. Совершенно раздетых, разутых, зимой на морозе нас заставляли выполнять черновые работы, а когда некоторые отмораживали себе руки, ноги и не могли работать, надзиратели их избивали палками; после таких побоев арестованные умирали...»

Зинаида Михайловна Черных: «Если человек провинился, если даже просто не так поздоровался, исхлестают так, что он просто на карачках приползет. А если, не дай Бог попытался сбежать, и его схватили, то привяжут к столбу на площади, до смерти забьют и еще табличку повесят: «Я вернулся сюда, потому что мне здесь очень нравиться».

Ирина Александровна Зимзе: «Рядом в бараке была женщина с грудным ребенком, завернутым в одеяло. И ребенок все время плакал, а немцы этого не переносили. И вот когда ребенок в очередной раз заплакал, и никто не мог его успокоить, фашисты взяли этот комочек и стали играть им в футбол. Бабушка говорила, что я не плакала, может, чувствовала, что нельзя, потому что хотелось жить».

Вера Григорьевна Ильина: «Находясь в концлагере, мы все были смертниками и каждое мгновение ждали смерти, так как если в плен попадал партизан, — а у нас в семье их было двое, то полностью расстреливали всю семью. Остались в живых благодаря Господу. А нашего дядю Федю расстреляли... Костер из человеческих тел горел день и ночь. Специфический запах распространялся по всей территории концлагеря. Я до сих пор его ощущаю, и все эти кошмары у меня перед глазами, как в страшном сне».

Один из пиков массовых расправ с узниками пришелся на осень 1943 года, когда советские войска подошли к Перекопу. Из Берлина поступило распоряжение Гимmlера уничтожить следы злодеяний во всех крымских концлагерях. Всего за три дня было убито более полутора тысяч заключенных, в том числе, детей в возрасте от пяти-шести месяцев до 12 лет.

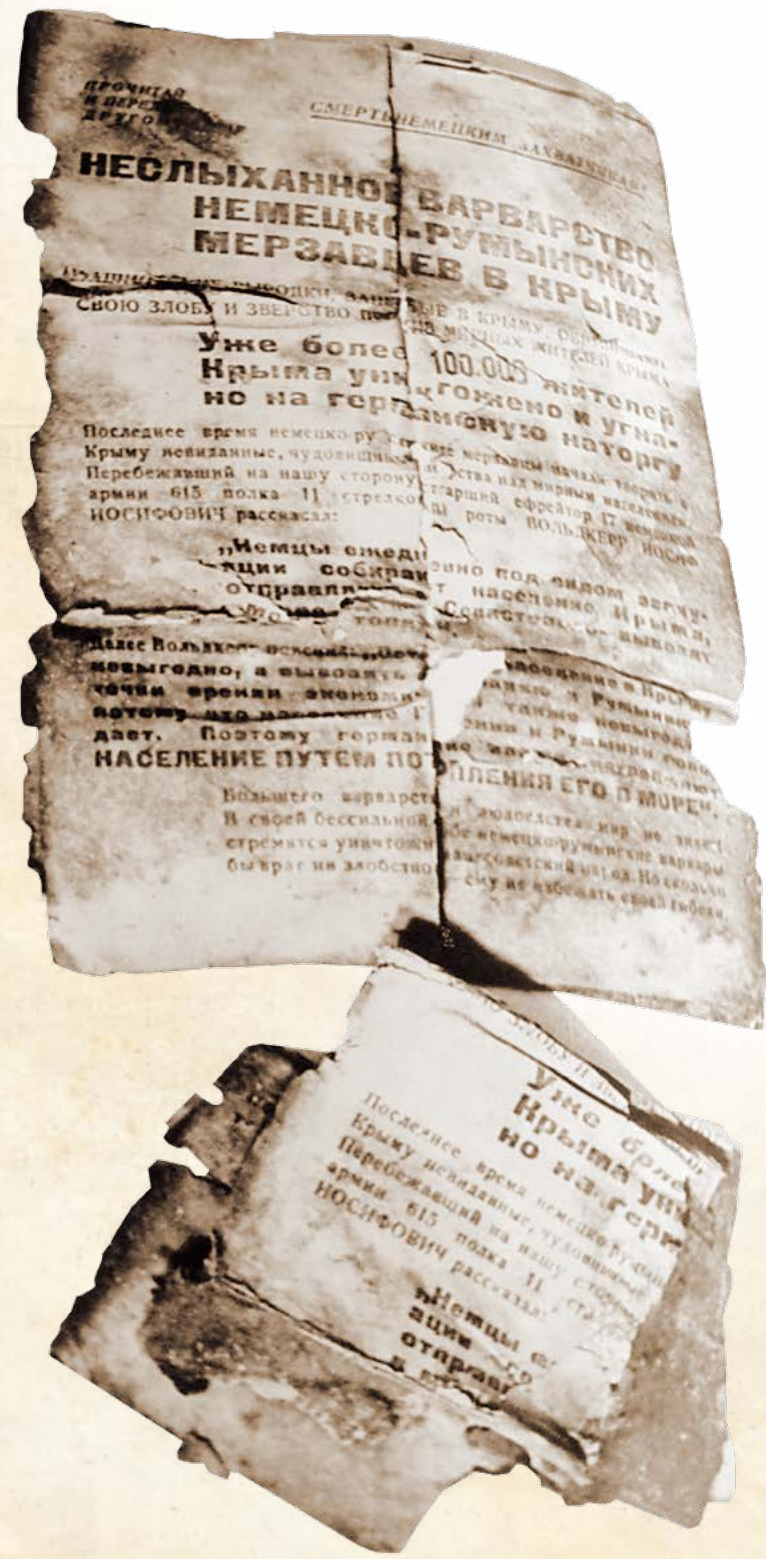
Из показаний бывшей узницы концлагеря Чабановой: «Женщин выстроили на плацу, отбирали группами по 30-40 человек, заводили в гараж. Там им скручивали проволокой руки и запихивали в крытые брезентом грузовые машины. Потом эти машины уезжали в Дубки, откуда целыми днями доносились выстрелы. Над лагерем стоял плач обезумевших от ужаса женщин. Эти три ужасных дня запомнились мне на всю жизнь. Уже после бегства из лагеря я всегда во сне бредила этими событиями...»

Ирина Александровна Зимзе: «Каждое утро приходила зондеркоманда в черных шинелях и в первую очередь к нам, потому что нас

надо было уничтожить. И бабушка выставляла икону Божьей Матери и просто про себя молилась и держала эту икону. И этот офицер — мы все время потом вспоминали этот случай, — как замороженный, смотрел на икону и командовал проходить дальше. Это было каждое утро. И сестра говорила: да лучше бы меня уже убили, чем каждое утро ждать такой страх».

2 ноября 1943 года нацисты и их пособники убили порядка 1200 человек. Узников выводили небольшими группами на площадку неподалеку от лагеря, убивали выстрелом в висок или затылок. Трупы складывали штабелями на железнодорожные рельсы, обливали горючими веществами и сжигали. Местные жители рассказывали, что в

окрестностях стоял жуткий запах, так, что невозможно было дышать...

В 1943 году гестапо провело в городах Крыма и в Симферополе серию операций по аресту действовавших на полуострове подпольных групп. В их числе была группа Абдуллы Дагджи — крымского татарина, партийного работника Ялты, который партизанил в Ялтинском отряде, а в конце 1942 года был отправлен в Симферополь для организации подпольной деятельности. Сопутники называли Абдуллу «дядей Володей».

«Ему удалось за короткий промежуток времени создать обширную сеть, состоящую в основном из крымских татар, — рассказывает генеральный директор Центрального музея Тавриды Андрей Мальгин. — К сожалению, с точки зрения конспирации эта сеть была подготовлена не-

достаточно. Летом 1943 года она была практически полностью уничтожена немцами. Большинство членов группы попали в концлагерь, где и погибли».

Среди имен на стене скорби мемориала «Красный» — имя легендарной разведчицы, кавалера ордена Красного знамени, Героя России Алиме Абденановой. Ее тело не было найдено, и точное место гибели остается неизвестным. По одним данным, она была расстреляна нацистами после страшных пыток в симферопольской тюрьме, по другим — погибла в «Красном».

Еще одно имя, хорошо известное крымчанам — Виктор Ефремов, руководивший подпольной организацией на железнодорожном вокзале Симферополя, которая нанесла гитлеровцам большой урон. В группу был внедрен фашистский агент, который и сдал всех гестапо. Подпольщики пришли рано утром на работу и были арестованы. Один из них — Андрей Брайер — погиб при аресте, бросившись под поезд, остальные были убиты в лагере.

На стене скорби есть имена Николая Барышева и Александры Перегонец — членов подпольной группы «Сокол», которая действовала в Крымском государственном драматическом театре имени Горького — подробнее мы расскажем о них в следующей главе. В начале апреля 1944 года, буквально за считанные дни до освобождения Симферополя фашисты и их пособники учинили новую массовую расправу, расстреляв за несколько дней в урочище Дубки свыше двух тысяч человек. Среди жертв обнаружили обезображенные тела «соколов»...

13 апреля в Симферополь вошли советские войска. Освобожденные горожане в поисках пропавших родных, близких, друзей бросились в «Красный» и в Дубки.

«Я сразу же поехал в совхоз «Красный», где немцы устроили концлагерь и застенки, — писал в своей книге один из руководителей крымского подполья Иван Козлов. — Я видел маленькую комнату: с

потолка свешиваются крючья, пол металлический, под полом — топка. Неподалеку четыре колодца, куда сбрасывали тела. Теперь на месте колодцев поставлены памятники замученным в гестапо.

Мы нашли тела Васи-сапожника, Зои Рухадзе, художника Барышева, Виктора Кирилловича Ефремова и многих других. Люде тело мужа не показали. Она думала, что Виктор не подвергался пыткам, а он был так изуродован, что только по одежде можно было его узнать.

Мы с почестями похоронили наших героев-патриотов. Пусть никогда не исчезнет память о них в сердцах советских людей!»

«Одним из немногих узников, которым удалось освободиться и бежать, был Федор Кустов, — рассказывает Александр Звездин. — Его вместе с другими заключенными повезли на расстрел. Охранник, сидевший с ними в машине, начал клевать носом. Один из заключенных — матрос — ударил фашиста и завладел его оружием. Началась перестрелка, в ходе которой нескольким узникам удалось бежать. Известна судьба только одного беглеца — Федора Кустова».

Он ушел к партизанам, воевал в составе партизанского отряда, а после освобождения полуострова вступил в ряды Красной армии. После войны вернулся в Симферополь. В семидесятых годах прошлого века Кустов участвовал в качестве свидетеля в судебном процессе над бывшими охранниками лагеря. Он очень помог следствию, потому что знал своих мучителей в лицо.

На скамье подсудимых тогда оказались каратели из печально известного 152-го добровольческого батальона вспомогательной полиции порядка «Шума». Пособники фашистов охраняли лагерь, и узники боялись их больше, чем немцев: как это часто бывает, слуги переплюнули своих хозяев в жестокости.

«Охранники от барачников таскали заключенных мимо угла гаража к колодцу и там их расстреливали, приглушали прикладами еще в

пути и сбрасывали в колодец как расстрелянных, так и живых. Я, как и другие мои сослуживцы, хватал заключенных... и вел их к углу гаража... Один за другим поступали жертвы от барачников к колодцу как по конвейеру». Это фрагмент показаний Семена Парасотченко, карателя из того самого 152 добровольческого батальона.

Судебный процесс начался в Симферополе 29 мая 1972 года. Возмездие предателям Родины неотвратимо, оно может наступить в любой момент — и сразу, по «горячим следам» совершенных преступлений, и через много лет, потому что такие преступления не имеют срока давности.

Парасотченко задержали в Петропавловске-Камчатском. Другого фигуранта дела — Кулика — взяли на станции плодоводства недалеко от Симферополя. Двоих карателей — Ходжаметова и Салаватова — органы безопасности нашли в Узбекистане. Еще двоих — Куртвелиева и Абжелилова — в исправительно-трудовых колониях, где фашистские прихвостни отбывали наказание за растление малолетних.

Большинство карателей были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу.

Союз с нацистами, любое соучастие в их преступлениях, как сделка с дьяволом, не могут быть оправданы ничем. Никакими национальными или историческими обидами, никакими идейными установками. Это касается и крымских карателей, и власовцев, и украинских националистов, и всех остальных коллаборантов, гнилые трупы которых сегодня в целом ряде стран извлекают из гробов и пытаются наряжать в одежды «борцов за свободу». Те, кто это делает, сами становятся соучастниками преступлений нацизма. И не надо иллюзий: сделки с дьяволом всегда заканчиваются плохо для тех, кто их заключает.

Материалы о зверствах фашистов в Крыму были представлены на Нюрнбергском процессе. Показания о преступлениях, совершенных в «Красном», давал группенфюрер СС Отто Олендорф, руководивший в 1941-42 годах специальной айнзатцгруппой «Д», задача которой заключалась в уничтожении на Крымском полуострове евреев, цыган и коммунистов.

10 апреля 1948 года Олендорф был приговорен американским трибуналом к смертной казни через повешение. Приговор приведен в исполнение в 1951 году.

А вот цитата из приговора бывшему командующему 17-й армией и войсками вермахта в Крыму и на Кавказе генерал-полковнику Эрвину Йенеке: «С особой жестокостью учинялись расправы над советскими людьми в лагере, расположенном в совхозе «Красный» Симферопольского района. Здесь за короткое время было расстреляно, сожжено, удушено и брошено живыми в колодцы свыше шести с половиной тысяч, среди них значительное количество женщин и детей...»

В ноябре 1947 года Йенеке был осужден военным трибуналом Черноморского флота и приговорен к 25 годам заключения в лагерях. В 1955-м военного преступника передали властям ФРГ, где он был благополучно освобожден. Умер крымский палач своей смертью — в Кельне 3 июля 1960 года.

Ушел от возмездия в земной жизни и фельдмаршал Эрих фон Манштейн, который в 1950 году был признан главным организатором массовых казней в Крыму. Британский трибунал приговорил его к 18 годам тюрьмы «за недостаточное внимание к защите жизней гражданского населения». Но уже в 1953 году Манштейна освободили. Он стал советником правительства Западной Германии и принял самое активное участие в формировании вооруженных сил ФРГ. Умер этот военный преступник в 1973 году.

Долгие годы нам казалось, что фашизм побежден и повержен навсегда, окончательно и бесповоротно. А слова о том, что мы не должны допустить его возрождения представлялись просто ритуальной формулой, произносимой в связи со значимыми военными датами. Но рухнула великая страна, и на Украине, получившей независимость, началась сначала подспудная, ползучая, а потом и открытая, откровенная реабилитация нацистской идеологии.

Апофеозом стал вооруженный государственный переворот в Киеве в феврале 2014 года.

Всё это не могло закончиться иначе — слишком много людей там, за Перекопом, сделали своими героями Бандеру и Шухевича, а вместе с ними, вольно или невольно, Гитлера, Геббельса, Гимmlера. Слишком много парасотченков и куртвелиевых выросло на Украине в смутные, беспмятные годы после распада Советского Союза.

Но именно в эти беспросветные годы в Крыму родилась идея о создании мемориала жертвам фашизма на месте концлагеря «Красный» — как символ сопротивления крымчан, как знак борьбы за историческую память, за правду, которая на самом деле только одна, и в которой Бог.

«Создание мемориала шло непросто, — вспоминает Владимир Константинов — Украинскую власть это не интересовало, никакой поддержки, никакого финансирования не было. Деньги приходилось собирать в буквальном смысле с миру по нитке. Люди собрали пожертвования, они хранились на счетах «Приватбанка», которым владел украинский олигарх Коломойский. А в 2014 году «Приватбанк», как и другие украинские банки, сбежал из Крыма, украв деньги крымчан. Коломойский не постеснялся даже того, что среди узников, уничтоженных фашистами в «Красном», было немало его соотечественников-евреев. И только после воссоединения Крыма с Россией мемориал был построен. На сегодняшний день он один из крупнейших в стране. Мы благодарны жителям и руководству всех российских регионов, участвовавших в его создании».

«Это Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Башкортостан, Татарстан, Чечня, Краснодарский, Ставропольский, Пермский, Хабаровский края, Астраханская, Воронежская, Иркутская, Костромская, Курская, Оренбургская, Ростовская, Самарская области», — перечисляет директор мемориала Сергей Жученко. Кстати, у него тоже глубоко личное отношение к отечественной истории. «Мой дед по линии матери Иван Карпович Лобунько прошел войну, был ранен, имел боевые награды, — рассказывает Жученко. — Дед по линии отца Сергей Иосифович Жученко, погиб на фронте. Меня назвали в его честь».

Работа по сохранению исторической памяти объединила архитекторов, скульпторов, художников из городов России и Украины.

Автор проекта мемориала — симферопольский скульптор Максим Пивоварчик. Авторы главного монумента — заслуженный художник России, москвич Сергей Мильченко и харьковчане Александр Демченко и Василий Семенюк. Создатель скульптуры девочки — памятника погибшим детям — симферополец Сергей Никитин. Композицию «Каменный хаос», среди которого стоит эта скульптура, создали Евгений Яблонский из Симферополя и Дмитрий Добровольский из Харькова.

В ближайшие годы будет построена третья очередь мемориала, которая расскажет о военной истории Крыма с древних времен до наших дней, а также о судьбоносных событиях Крымской весны. Это наглядная иллюстрация тезиса о неразрывности и преемственности отечественной истории.

....Звук поминального колокола звучит под пасмурным январским небом Крыма. Это звук как будто соединяет прошлое и настоящее, связывает время узлом вечности. Ведь небо сегодня такое же, как в сорок первом и сорок четвертом: последний пейзаж, отраженный в глазах узника, которого вели на казнь...

В росписях православного храма, построенного на территории мемориала, преобладает красный цвет. Поименован этот храм в честь всех Святых, в земле Крымской просиявших. И в этом названии, и в колокольном звоне, ясно слышен голос вечности: у Бога нет мертвых. У Него все живы. Все.

75

ПОБЕДА!
1945-2020

КРЫМ:
ВОЙНА,
ПОБЕДА,
ПАМЯТЬ

Непокоренный Крым

923 дня длилась оккупация Крыма. Но ни одной минуты фашисты не контролировали весь полуостров. Даже в самые тяжелые дни войны, когда линия фронта находилась у берегов Волги, в Крыму продолжали сражаться с врагом партизаны. Среди них были как закаленные еще в Гражданскую бойцы, так и совсем молодые ребята.

В Крыму в 1941 году было создано 27 отрядов общей численностью 3,5 тысячи человек (из них около тысячи — красноармейцы, отставшие от своих отступающих частей). Возглавил движение легендарный командир времен Гражданской войны Алексей Мокроусов. Его бойцы начали вести подрывную деятельность, едва армия Манштейна прорвала ишуньские укрепления и вторглась в Крым.

Несмотря на дефицит оружия и отсутствие опыта уже в первые два месяца боев партизаны уничтожили свыше 600 солдат и офицеров противника.

«Опасность, исходившая в Крыму от партизан-коммунистов, оставалась для оккупационных сил в Крыму постоянной угрозой. Это связывало в действиях достаточно сильный немецкий, румынский, словацкий и местный военный контингент», — свидетельствует немецкий историк Норберт Кунц в книге «Крым под немецкой властью» (1941-1944).

Первый бой фашистам крымские партизаны дали 3 ноября 1941 года. Ичкинский партизанский отряд прикрывал в районе урочища Нижний Кок-Асан отход батальона 294-го пограничного полка, под защитой которого находился госпиталь. Партизаны вступили в сражение с численно превосходящим противником. В ходе боя, который продолжался несколько часов, наши бойцы уничтожили 123 гитлеровца.

Первый успех укрепил веру партизан в свои силы, в победу над врагом. Последовали новые удачные операции. Ичкинцы устраивали засады, смело атаковали превосходящие силы противника, уничтожали технику и живую силу фашистов.

Сводки Совинформбюро сообщали об «умелых действиях отряда товарища Ч.». И только считанные единицы людей за пределами отряда знали что «товарищ Ч.» — это Михаил Ильич Чуб, работавший до войны директором Окречненского сельхозтехникума. Сейчас это учебное заведение в райцентре Советском носит его имя. Рядом установлен памятник партизану.

Будущий легендарный командир родился в 1904 году в Поволжье, в многодетной сельской семье. Успел вместе с отцом повоевать на фронтах Гражданской войны, был кавалеристом. Окончил объединённую Военную школу имени Ленина в Ташкенте, получил звание «политрук эскадрона». Но в итоге выбрал не военную карьеру, а мирную специальность зоотехника.

«Родные вспоминают, что Михаил Ильич очень любил лошадей, и вообще животных, умел с ними обращаться, — рассказывает правнучка партизана, жительница Симферополя Дарья Аман (Чуб). — И животные его слушались. Говорят, однажды прадедушка в прямом смысле остановил коня на скаку, спасая детишек, которые в это время переходили через дорогу. И еще один характерный штрих: он любил ходить на охоту, брал с собой ружье, но никогда не убивал животных, потому что ему было их жалко».

После окончания в 1934 году Саратовского зооветинститута Михаил Чуб работал директором совхоза, затем начальником главка Наркомсовхозов, а в 1940 году был направлен в Крым.

После начала войны Михаил Ильич просил отправить его на фронт, написал несколько заявлений. Но наверху приняли другое решение — оставить Чуба в тылу врага и поручить ему организацию партизанского отряда. Как выяснилось, это был абсолютно правильный ход. Чуб стал грозой фашистов, а Ичкинский отряд — одним из самых эффективных партизанских соединений Крыма. Говорят, что немцы предупреждали своих об опасности истошными воплями: «Ахтунг, Чуб!».

Вместе с Михаилом Ильичем в отряд ушла его жена Анастасия Васильевна, которая перед войной окончила курсы медсестер.

«Родные рассказывали, что он не хотел подвергать супругу опасности и был категорически против ее присутствия в отряде, — рассказывает Дарья Аман (Чуб). — Михаил Ильич вообще очень бережно относился к женщинам. Может быть, в какой-то мере это связано и с тем, что его первая жена умерла еще до войны, и он очень тяжело переживал ее смерть. Когда он узнал о намерении супруги уйти с ним в партизаны, дело дошло до серьезного конфликта. Но Анастасия Васильевна все-таки настояла на своем. Она говорила, что хотела быть рядом с мужем в любой ситуации, помогать ему в трудные минуты, защищать его, хотя, конечно, он сам был очень сильным, мужественным и смелым человеком. Бойцы очень уважали Анастасию за скромность, трудолюбие, готовность всегда прийти на помощь. Однажды она действительно спасла отряд, услышав ночью приближение немецкой облавы».

Анастасия Чуб согласилась оставить мужа и эвакуироваться на «большую землю» буквально за три месяца до родов...

Бойцы Ичкинского отряда совершали успешные боевые операции и диверсии, информировали население о ходе войны, выпуская газеты и листовки, освобождали военнопленных и захваченных для угона в Германию крымчан.

Партизаны Анастасия и Михаил Чуб

В числе наиболее дерзких и успешных операций отряда — разгром вражеского гарнизона в селении Ени-Сала (Красноселовка) и колонны немецких войск у горы Подковка.

Все, кто знал Чуба, отмечали, что успехи партизан были во многом связаны с его качествами как командира, организатора, с его личным мужеством и умением мгновенно принимать правильные решения в самых сложных ситуациях.

«Тов. Чуб М.И. — организатор партизанского движения в Советском районе, боевой командир в период борьбы с немецкими захватчиками, — писал командир партизанского движения в Крыму Алексей Мокроусов. — За короткое время он привел в боевое состояние отряды и развернул активные боевые действия. Отличительные

черты его — исключительная честность, скромность, отвага, большая выдержка и глубокая преданность Родине».

По словам бывшего комиссара Ичкинского отряда Ивана Степановича Бедина, «отряд Чуба был непобедим, потому что он был сам герой, никогда не трусил, а в бою показывал свой героизм».

А вот цитата из книги Николая Колпакова «Всегда в разведке»: «Чуб — непревзойдённый организатор и воспитатель, хорошо знал всех партизан отряда. Во всех боях, будь то нападение или оборона, быстро анализировал складывающуюся обстановку и находил самые оптимальные решения, как с наименьшими потерями партизан нанести наибольший урон противнику».

В музее боевой славы Ичкинского отряда, расположенном в школе села Заветное Советского района, хранится письмо генера-

ла Лобова, возглавлявшего штаб второго партизанского района. «Товарищ Чуб — беспредельно преданный Родине, народу партизанский вожак, — пишет Лобов. — Ставя задачу отряду Чуба, мы, командование, всегда были уверены в блестящем выполнении задачи».

В марте 1942 года Ичкинский отряд объединили с Колайским. Командиром объединенного Ичкино-Калайского отряда был назначен капитан Иван Иванович Юрьев, кадровый военный. Чуб стал начальником первого партизанского района.

В качестве отдельной боевой единицы отряд существовал до середины октября 1942 года. Затем он был расформирован, ичкинцы влились в состав других партизанских соединений.

Итоги боевой деятельности отряда впечатляют: за неполный год было проведено около 50 боевых операций. В результате уничтожено более 1150 немецких и румынских оккупантов и их пособников, 4 автомашины, 61 подвода с боеприпасами и имуществом, 2 моста, организовано крушение поезда с воинскими грузами противника.

В конце 1942 года Михаила Ильича вызвали в штаб Северо-Кавказского фронта. Самолет, в котором он летел, попал под огонь вражеских зениток и совершил вынужденную посадку в немецком тылу. Чуб в течение пятнадцати дней пробирался к линии фронта, помогая двум раненым товарищам. Всем троим удалось благополучно дойти до своих.

Потом было лечение в госпитале и поездка к жене, которая уже была в эвакуации. Тогда Михаил Ильич впервые увидел дочь...

В Крым он вернулся еще до окончания войны. Вернулся, чтобы восстанавливать разоренный родной край.

Михаил Чуб руководил совхозами, был заместителем председателя Крымского облисполкома, депутатом областного совета. Его заслуги отмечены высокими боевыми и трудовыми наградами, среди которых — ордена Ленина, Красной звезды, Трудового Красного Зна-

мени, два ордена «Знак почета», медали «Партизану Отечественной войны» первой степени, «За оборону Севастополя», «За победу над Германией» и другие.

Легендарный партизан ушел из жизни в 1982 году после тяжелой и продолжительной болезни.

«Мне был всего год, когда прадедушка умер, — говорит Дарья Аман (Чуб). — Так что подержать меня на руках он успел. Михаил Ильич очень любил детей и позволял им делать буквально все, что они пожелают, хотя и не мог уделять им очень много внимания в силу хронической занятости. Знаю от родных, что каждая прогулка с ним становилась для внуков и детей праздником, потому что можно было есть без ограничения мороженое, кататься на аттракционах и так далее. Но при этом и дети, и внуки стали достойными людьми. Например, двое сыновей Михаила Ильича выбрали профессию военного. Помню, в детстве и юности, если я делала что-то не так, родители мне говорили: «Не забывай, чья ты правнучка». И это сразу приводило меня в чувство».

Партизанское движение в Крыму — героическая и одновременно трагическая страница нашей истории. Мощным ударом по партизанскому движению стала потеря заранее подготовленных баз. Почти все склады боеприпасов и продовольствия были выданы предателями фашистам и разграблены. Как результат, в партизанских отрядах начался голод.

Вначале люди пробавлялись охотой на диких животных, но очень скоро они были выбиты, тогда в ход пошли корешки, древесная кора, мох, шкуры, кожаные ремни и портупей. Согласно отчету о боевых действиях за 11 месяцев 42-го года, на двух убитых партизан приходился один умерший от голода.

В селе Заветном Советского района, в том самом музее Ичкинского партизанского отряда, хранится блокнот, записи в котором вел заместитель командира отряда, Иван Матяхин.

«С 7 по 10 января 43 года совершенно ничего не ел. Чувствую, моей жизни остались считанные часы. Если Кузнецов ничего не принесет, значит, блин... 9 — умер с голоду боец Томаченко. 10 — умер Ермолов, похоронен у подножия горы Черной». Записи на этом заканчиваются. У Матяхина просто не было сил продолжать их вести.

«В этой связи вспоминается рассказ одного из наших прославленных партизанских командиров Николая Ивановича Дементьева, отряд которого в числе первых, если не первым (на этот счет существуют разные мнения) вошел в Симферополь в апреле 1944 года, — говорит Андрей Мальгин. — Дементьев был в партизанском движении Крыма фактически с самого начала, я знал Николая Ивановича лично. Так вот, он рассказывал, как однажды во время сильного голода их группу отправили на поиски продовольствия. Они наткнулись на лошадей, за которыми присматривали пастухи, и решили этих лошадей увести. Пастухи попросили их связать, чтобы создать впечатление, что они сопротивлялись. Партизаны так и сделали, увели лошадей, но в какой-то момент поняли, что не смогут добраться до расположения отряда, настолько все были ослаблены. Они забили лошадь, но у них даже не было сил развести костер и как-то приготовить мясо. Поэтому они стали пить кровь животного. И таким образом подкрепили свои силы, чтобы дойти до цели».

Спасительную роль для крымских партизан сыграла авиация. Если бы не советские летчики, лесное сопротивление прекратило бы свое существование уже в апреле 1942 года. За все время партизанской эпопеи пилоты совершили более 700 вылетов в Крым. 65 авиаторов были награждены за это различными правительственными наградами.

Подготовка самолета с боеприпасами и продовольствием к полету к крымским партизанам. 1943 г.

ми, а один — лейтенант Черноморского флота Филипп Герасимов — удостоен звания Героя Советского Союза.

Создателем и бессменным руководителем музея Ичкинского партизанского отряда был его боец Николай Иванович Олейников. Открытие музея состоялось 11 июня 1967 года. Этому предшествовала двухлетняя поисковая работа учащихся и учителей Заветненской школы. В результате был собран большой документальный материал, реликвии войны, личные документы и вещи партизан, предметы партизанского быта, остатки оружия, воспоминания. Сегодня в музее и его фондах более двух тысяч экспонатов. Диорама «Первый партизанский бой в Крыму в урочище Нижний Кокасан» воскрешает детали одного из героических эпизодов истории Великой Отечественной на полуострове.

Николай Олейников партизанил в крымских лесах с осени 1943 года, был ранен, эвакуирован на Большую землю, а потом, после выздоровления, освобождал от фашистов Европу, получил еще два ранения, был награжден медалью «За боевые заслуги». После Победы Николай Иванович работал в Заветненской школе — учителем географии, а потом и директором, создавал уникальный музей, получивший в итоге звание народного, водил в походы по партизанским местам своих учеников — подправлять и подкрашивать могилы и памятные знаки народным мстителям. Увы, время безжалостно. В 2018 году Николая Ивановича Олейникова не стало, но музей перешел в надежные руки его дочери Нины Николаевны Мыскиной.

Самые тяжелые времена наступили для крымских партизан после падения Севастополя. Фашисты бросили на борьбу с ними все силы. В июле 1942 года во время так называемого большого прочеса против партизан были задействованы около 20 тысяч военнослужащих немецких частей. Но даже оставшись в абсолютном меньшинстве, запертая в лесу, горстка народных мстителей продолжала сопротивле-

ние. А затем, осенью 1943 года, произошел перелом, главная заслуга в котором принадлежит Красной армии, разгромившей фашистов сначала под Сталинградом, а потом на Курской дуге. Вскоре после этого, в ноябре 1943 года наши войска захватили ряд плацдармов на Керченском полуострове и на Сиваше. Стало ясно, что освобождение полуострова — не за горами.

Боевая активность партизан резко возросла. Одним из настоящих героев этих дней был уже упоминавшийся в этой книге командир диверсионной группы пятого отряда третьей партизанской бригады Восточного соединения Александр Лубенцов, пустивший под откос несколько фашистских поездов.

Рост партизанских отрядов, а также расширение их влияния на местное население, заставили немцев прибегнуть к новой тактике. В конце ноября 1943 года они издали приказ «о добровольной эвакуации населения из прилесной зоны», а в декабре приступили уже к принудительному переселению. Эта операция получила название «Огонь и меч».

Накануне наступления советских войск в 1943-44 годах перед партизанами ставилась задача стать третьим фронтом — наряду с фронтами на Сиваше и на Керченском полуострове. И партизаны блестяще выполнили эту задачу, оказав неоценимую помощь войскам Четвертого Украинского фронта и Отдельной Приморской армии в освобождении Крыма от фашистов.

По данным историка Евгения Мельничука, за 923 дня партизанского движения были уничтожены около 30 тысяч оккупантов, что соответствует целому армейскому корпусу. Проведены 1632 диверсии на коммуникациях и военных объектах противника, в результате чего уничтожены 79 воинских эшелонов, два бронепоезда, две с половиной тысячи единиц различной техники, взорвано 52 шоссейных и три железнодорожных моста.

Партизаны за разработкой
плана боевой операции. 1943 г.

Дорогой ценой заплатили крымские партизаны за освобождение полуострова. Из 12 тысяч бойцов погибло три с половиной тысячи, 30 процентов из которых умерли от голода. Еще две с половиной тысячи были тяжело ранены. То есть, общие потери в крымском партизанском движении составили почти 50 процентов — такого не было больше нигде, ни в одном другом регионе нашей страны.

«Крымский обком ВКП (б), который в период войны действовал как штаб партизанского и подпольного движения, выдвинул на присвоение звания Героя Советского Союза кандидатуры 8 заслуженных командиров, — рассказывает Андрей Мальгин. — Это два руководителя подполья — Иван Козлов и Анатолий Косухин, которые представляли соответственно подпольные обкомы партии и комсомола и шесть партизанских командиров Южного, Восточного и Северного соединений. Это Михаил Македонский, Георгий Грузинов (погибший уже после освобождения Симферополя — машина, в которой он ехал, подорва-

лась на фугасе), Николай Дементьев, Владимир Кузнецов, Алексей Вахтин, Федор Федоренко. Однако одобрения Верховного Главнокомандования эта инициатива не получила. Точные причины отказа неизвестны, никаких документальных свидетельств по этому поводу нет. Есть, правда, легенда, согласно которой Сталин якобы сказал, что крымские партизаны воевали не столько с немцами, сколько с коллаборационистами, а за это давать им Героев не стоит».

Партизаны били фашистов в крымских горах и лесах, а в городах против оккупантов действовали герои-подпольщики.

...Шел июль 1942 года. Фашисты полностью захватили Крым. Линия фронта проходила где-то там — далеко на севере и на востоке, а на полуострове продолжал, истекая кровью, сражаться невидимый, необозначенный на картах фронт. Его бойцами — разведчиками, диверсантами, связными, распространителями листовок — стали тысячи мирных крымчан.

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!

РАСПОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА

№ 1 "6 ДЕКАБРЯ 1943 г."

БОЕВОЙ ЛИСТОК

Врси Бучет розбит!

2 ОТРЯД

Маршал Советского Союза тов. Сталин приказал нам: "Поднимать советских людей на вооруженную борьбу против немцев..."

Мы сражались тем, что партизаны Крыма приняли нас в свои ряды и дали нам возможность с оружием в руках вести беспощадную борьбу против немцев...

Шестик имеет на одного воеводу что бы не было в руке ни одного подполка...

ТРУС ЭТО НЕ ПАРТИЗАН

Угрозой партизанам является не столько вражеский отряд...

Кана их на каторгу в Германию беспощадно уничтожить немцев...

Смерть немецким оккупантам. Словаки.

Но эти ему не угляди все же группа превратилась и выпалила свою задачу.

НЕСЕНИЕ КАРПУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ-БОЕВАЯ ЗАДАЧА

Отдельные партизаны не понимают этого, несерьезно относятся к несению караульной службы...

ХАРЧЕНКО

БРАТЬ ПРИМЕР С ЛУЧШИХ. Памятные дела наши поставлены на очередь...

ОТВЕТ НА БЛАГОДАРНОСТЬ

5 декабря Е.С. был зачитан приказ... благодарности.

ЗА БОЕВУЮ ГОТОВНОСТЬ

В январа дисциплина стоит не на должной высоте...

С. Иванова. Тов. Чин заметки не пропущены...

РЕДАКТОР Диденко. Тов. Партизаны пишите заметки в боевой листок.

Разведывательные операции подпольщиков снабжали партизан и Большую землю бесценными сведениями о расположении и передвижениях вражеских войск.

Крымские подпольщики работали в очень сложных условиях. Гитлеровцы рассматривали полуостров как плацдарм для продвижения на Кавказ...

Среди подпольщиков были коммунисты и беспартийные, рабочие и интеллигенты, пенсионеры и... школьники. Одну из самых известных, самых грозных подпольных групп создали ученики первой симферопольской гимназии...

«Организация партизанского движения на полуострове в этот период была такова, что туда подбирали только взрослых людей, проверенных и специально отобранных. Поэтому мальчишкам, школьникам попасть туда было просто нереально. И тогда Василий Бабий, организатор этой группы, предложил своим же одноклассникам, ребятам, знакомым по соседним улицам, создать группу...

Явочной квартирой для «Особой диверсионной» стал дом одного из членов группы — Бориса Еригова на улице Речной. В полуразрушенных сараях юные подпольщики хранили боезапас, продумывали план действий, давали клятву, прикрывая это игрой в домино.

Возвращение партизан
с боевого задания. 1943 г.

На вокзале в то время курсировали паровозы, для которых требовалась вода, и первой диверсией стал взрыв водонапорной башни на вокзале. Затем подпольный комитет доверил ребятам взорвать резервуары с горючим на вокзальном складе. Дальше, узнав, что формируется воинский эшелон на Керчь, они отправились на станцию Кара-Кият — нынешняя Битумная.

«Пошли я, Скляр, Еригов и Бабий. Зашагали по степи на железнодорожный перегон. Время тянулось медленно. Мы промерзли, дрожали. Как только состав поравнялся с нами, Вася крикнул: «По фашистам — огонь!» Раздались залп, другой. Мы дружно обстреливали вагоны», — вспоминал Владимир Енджияк.

Для того, чтобы ходить на операции ночью, юным диверсантам нужны были немецкая форма и пароли. И тогда один из ребят — Василий Алтухов — поступил на службу в полицию.

25 января 1944 года ребята совершили налет на госпиталь и освободили восемь советских офицеров и солдат. Подпольщица Антонина

Иванова, участвовавшая в подготовке операции, потом рассказывала: «По правде говоря, я почему-то думала, что на такое дело должны быть посланы здоровые, сильные люди, косая сажень в плечах, с кулачищами, как гири, и орлиными глазищами. Передо мной же стоял худенький, зеленоглазый юноша. Я сначала прямо перепугалась. Что могут сделать дети?»

Дети не подвели. Ночью, переодевшись в немецкую форму, они подошли к госпиталю, сняли часовых и освободили военнопленных. Во время другой крупной операции юные диверсанты взорвали склад снарядов и авиабомб, находившийся в совхозе «Красный». «Мины мы заложили замедленного действия, — писал в своих воспоминаниях Енджияк. — Сработали они на следующий вечер. Грохот поднялся страшный. Снаряды и мины рвались так, что осколки летели вокруг на сотни метров. Симферопольцы думали, что в этом районе высадился десант».

На протяжении многих месяцев «Особая диверсионная» взрывала немецкие нефтебазы и поезда, уничтожала вражеские машины и орудия. Всего ребята осуществили 23 диверсии, уничтожив в перестрелках 80 гитлеровцев. После провала в марте 1944 года 22 члена группы во главе с Василием Бабием ушли в лес к партизанам. За свою подпольную деятельность Бабий был награжден орденом Ленина, а все остальные диверсанты получили медали «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Чтобы быть подпольщиком, мало одной смелости, одной ненависти к врагу, одного умения хорошо стрелять или закладывать мины. Нужны проникательность, хитрость, выдержка и... актерское мастерство. Нужно скрывать свои мысли, притворяться, демонстрировать лояльность к оккупантам. Настоящими профессиональными актерами были подпольщики из Русского драматического театра имени Горького Александра Перегонец, Дмитрий Добросмыслов, Зоя Яковлева. Вместе с ними в театральной подпольной группе работали костюмеры Илья Озеров и Елизавета Кучеренко, машинист сцены Павел Чечеткин, уборщица

Прасковья Ефимова. А руководил группой театральный художник, заслуженный деятель искусств Крымской АССР Николай Барышев по кличке «Сокол». «Артисты оккупированных восточных областей, поставившие себя в распоряжение немецких оккупационных властей, потому необходимы, что обширные пространства, удаленность и зимние затруднения в оккупированных районах еще более ограничивают возможность обслуживания войск нашими спортивно-туристическими организациями. Поэтому фюрер хочет, чтобы артистам оказывали особое внимание и, прежде всего, обеспечивали их материально», — говорилось в одном из приказов Штаба пропаганды «Крым».

Однако купить актеров такой «заботой» гитлеровцам не удалось. Симферопольские «соколы» собирали теплые вещи и медикаменты для партизан, распространяли антифашистские листовки. Прима театра Александра Перегонец открыла учебную студию, чтобы спасти симферопольцев от угона в Германию.

Руководитель группы Николай Барышев вместе со своим учеником Олегом Савватеевым создал карту Симферополя с указанием всех расположенных в городе военных объектов.

В марте 1944 года гестапо напало на след группы. 18 числа, сразу после спектакля, подпольщиков арестовали.

В фильме «Аэлита» Якова Протазанова Александра Перегонец сыграла свою единственную роль в кино — служанку марсианской принцессы Ихощку. Героиня Алексея Толстого в финале погибает от рук врагов. Поразительно, но через двадцать лет сюжет фильма повторился в жизни. 10 апреля 1944 года, за три дня до освобождения Симферополя советскими войсками, Александра Перегонец и другие члены группы были расстреляны в урочище «Дубки», на территории совхоза «Красный».

Прощание с ними проходило уже после освобождения в нынешнем симферопольском сквере Победы, где сейчас стоит памятник-танк и

Оккупированный Симферополь, 1942 г.

восстановлен кафедральный собор в честь святого князя Александра Невского. Как рассказывали очевидцы, проститься с героями пришло огромное количество людей.

Когда начались бои за освобождение Крыма, симферопольские подпольщики приступили к открытым боевым действиям. Члены молодежной организации под руководством Косухина и Бабия ударили в тыл фашистским войскам, а когда передовые части Красной Армии вошли в Симферополь, вместе с ними очищали город от захватчиков. 13 апреля советские войска освободили столицу Крыма и двинулись к последнему оплоту гитлеровцев на полуострове — Севастополю.

Там, в городе русской славы, боролась с врагом подпольная группа под руководством Василия Ревякина.

Гвардии старшина Ревякин до последних дней обороны города сражался с захватчиками на мысе Херсонес. 6 июля 1942 года попал в

плен в районе 35-й береговой батареи, но вечером в тот же день ему удалось бежать. Местные жители, семья Лопачуков, укрыла бежавшего у себя в доме.

Еще один человек, без которого Василий наверняка не выжил бы, — это 17-летняя выпускница одной из севастопольских школ Лида Нефедова, с которой он познакомился еще во время обороны города. Девушка сначала выходила Ревякина от желтухи и брюшного тифа, а затем вышла за него замуж.

Ревякин отправился на биржу труда, чтобы получить регистрацию и направление на работу. Представился Александром Дмитриевичем Ревякиным, учителем биологии и химии, больным туберкулезом и ревматизмом, поэтому никогда не служившим в армии. Его показания подтвердили два человека — Анастасия Павловна Лопачук, благодаря которой он поселился в этом доме, и его жена Лида. Получив официальные подтверждения свидетелей, оккупационные власти выдали ему регистрацию и направление на работу учителем химии в школу №1.

Севастополь лежал в руинах. Куда ни глянь — везде одна и та же жуткая картина: искалеченные коробки домов без крыш с зияющими пробоинами вместо окон. Из развалин несет тяжелым трупным запахом.

«Полностью уничтожены школы, техникумы, библиотеки, клубы, театры. Разрушены Дом Военно-Морского Флота, музей. Владимирский собор — место погребения адмиралов Лазарева, Корнилова, Нахимова, Истомина — полуразрушен и загажен. С особой, звериной жестокостью фашистские варвары уничтожают севастопольцев. Они тысячами истребляют наших людей в лагере военнопленных. 12 июля они согнали на стадион «Динамо» несколько тысяч мирных жителей и потом расстреляли их вместе с детьми в четырех километрах от города... Город окутан мраком фашистского террора...», — записывает Ревякин в своем дневнике.

Василий не мог просто смотреть на это. Ему хотелось действовать. И он решил выпустить «воззвание к трудящимся города Севастополя». Писал всю ночь:

«Севастопольцы! Мы полны ненависти к нашим палачам, но мы здесь, в городе, пока не можем выступать против них открыто с оружием в руках. Тем не менее мы можем сделать врагу немало неприятностей. Помните указания Сталина, всеми мерами срывайте работу на вражескую армию. Не давайте угонять себя на фашистскую каторгу. Наше дело правое, и мы победим!»

Весь следующий день Лида от руки, печатными буквами, переписывала текст воззвания — в итоге получилось 25 экземпляров. Ночью Василий, Лида и их друзья распространили листовки по городу. Воззвание Ревякина упало на благодатную почву. Из разных мест до него стали доходить сведения о людях, ищущих возможности связаться с бросившей вызов фашистам КПОВТН — Коммунистической подпольной организацией в тылу немцев — так Василий подписал воззвание. И мало кто тогда знал, что вызов фашистам бросил не хорошо организованный законспирированный диверсионный центр, а герой-одиночка — 24-летний Василий Ревякин, вокруг которого и стали объединяться севастопольцы. Уже к началу 1943 года в КПОВТН входило 17 патриотических групп общей численностью более ста человек.

Подпольная организация имела свою программу и свой устав. Одной из важных задач было проведение широкой агитационной работы среди населения, военнопленных, а по возможности и среди солдат и офицеров гитлеровской армии. Выпускались письменные и печатные листовки. Выпускалась газета «За Родину», количеством 300-400, иногда 500-600 экземпляров, всего вышло 25 номеров этой газеты.

Героическим партизанам Крыма
отстоявшим жизнь в борьбе с фашистскими
жандармами в великую отечественную войну
1941-1945 гг.

НАРОДНЫМ МСТИТЕЛЯМ-ПАРТИЗАНАМ КРЫМА
отстоявшим жизнь в борьбе с фашистскими
жандармами в великую отечественную войну
1941-1945 гг.

Ай-Петри. Братская могила партизан, погибших в бою с фашистами 13 декабря 1941 г.

Небольшую типографию оборудовали прямо в доме Ревякиных, под полом кухни. Там же находился и радиоприемник, по которому подпольщики слушали сводки Совинформбюро. Люк и узкий трехметровый подземный проход вели в маленькую комнату (полтора метра в длину, ширину и высоту), обшитую досками. Люк закрывался крышкой немного ниже уровня поверхности двора и маскировался землей и собачьей будкой, сделанной из старых досок.

Несмотря на крошечный тираж, газета «За Родину» пользовалась у севастопольцев куда больше популярностью, чем печатавшийся гитлеровцами десятками тысяч экземпляров профашистский «Голос Крыма», который крымчане презрительно называли «Вопли Гейбеля». Это к вопросу об эффективности инструментов информационной войны.

Еще одной задачей было проведение диверсионных операций. Они проводились организованно и не только в морском порту, но и на железной дороге, и даже в немецких воинских частях. В Южной бухте подпольщики сожгли вражеское судно «Орион», у судоподъемных мастерских — склад и две казармы, взорвали и пустили под откос несколько немецких эшелонов. Кроме того, Ревякин и его товарищи помогли бежать из фашистского лагеря десяткам военнопленных и передали за линию фронта огромное количество бесценных разведывательных сведений.

В дневнике Ревякина сохранились записи о буднях подпольщиков.

30 октября 1943 года: «Всю ночь работали. В шести местах обстреляли патрули и машины. Захватили трофеи — восемь автоматов и три пистолета. Из наших один убит, двое ранены. Укрыли в больнице. На сердце много радости и горя».

31 октября 1943 года: «Все видят, как фашистские заправилы продолжают удирать из Крыма. Эвакуируются карательные отряды, сбежал городской голова Супрягин. Хотел удрать и начальник полиции

Корабельного района, но наши ребята помешали. Успокоили его навеки и укрыли в надежном месте — в земле».

Активная деятельность подпольщиков бесила оккупационные власти. На ноги был поставлен весь сыскной аппарат. СД, полевая жандармерия, тайная румынская полиция, полиция городской управы — все устремились на розыски подпольщиков.

В марте 1944 года подпольная организация была провалена в результате предательства. Спустя несколько дней ее члены были расстреляны на выезде из Севастополя за пятым километром Балаклавского шоссе, в одной из многочисленных балок Севастополя, в Юхариной балке.

Сохранилось несколько предсмертных записок, написанных подпольщиками. И среди них — предсмертная записка Нелли Велиевой — единственной крымской татарки в севастопольском подполье.

Маленькие, ветхие клочки бумаги, поля немецкой газеты «Голос Крыма», эти бумажки испещрены ее почерком, мелким убористым почерком написаны карандашом слова любви, желание жить. «Мама, прости мне все, — писала она своей матери, — береги Рефата. Придет время, вспомните меня, целую пылко, ваша Неля».

Нелю Велиеву фашисты расстреляли 1 апреля 1944 года. Ревякина, его жену Лиду и еще нескольких их товарищей — немного позже — четырнадцатого — к тому времени советские войска уже освободили Симферополь и Бахчисарай и рвались к Севастополю. Лида Ревякина была на последнем месяце беременности...

За период оккупации фашисты уничтожили на территории Крыма 91 тысячу человек. Еще около 80 тысяч вывезли на работы в Германию. С учетом всех потерь к моменту освобождения полуострова его население уменьшилось в три раза.

75
ПОБЕДА!
1945-2020

На переправе через Сиваш.
Ноябрь 1943 г.

**КРЫМ:
ВОЙНА,
ПОБЕДА,
ПАМЯТЬ**

ГЛАВА 9

В крымском мешке

24 октября 1943 года, прорвав оборону фашистов севернее Мелитополя, советские войска устремились к Крыму. Понимая, что его вот-вот отрежут от основных частей, расположенных на Украине, командующий 17-й немецкой армией генерал-полковник Эрвин Йенеке разработал операцию, в соответствии с которой его войска должны были через Перекоп уйти на материк. Уже были отданы соответствующие приказания, но за несколько часов до начала операции Гитлер запретил ее проведение. В результате, крымская группировка немцев, насчитывавшая почти полмиллиона солдат и офицеров, оказалась запертой на полуострове. Советские войска завязали «крымский мешок».

Теперь предстояло уничтожить оказавшегося в ловушке противника. Однако сделать это было не так-то просто. На вооружении армии Йенеке было 2800 орудий и минометов, 300 самолетов и более 100 танков. Немцы собирались удерживать Крым до последнего патрона.

С ходу проскочить «игольное ушко» у входа на полуостров советским войскам не удалось. В ходе ожесточенных боев главная стратегическая позиция на севере Крыма — Перекопский вал — несколько раз переходила из рук в руки. В конце концов, Красной армии удалось удержать клочок земли южнее вала шириной три с половиной и глубиной до четырех километров.

«2 ноября 1943 года в моем родном перекопском селе Воинка, основательно забитом тогда оккупационными войсками немцев и румын, возник необычайный переполох, — вспоминает знаменитый крымский краевед Лев Петрович Кружко, которого в этих местах иногда называют Львом Перекоповичем. — Офицеры и солдаты в растерянности метались по селу. На железной дороге, напротив нашей улицы, появился

бронепоезд и стал вести непрерывный огонь в северо-восточном направлении. Вскоре в том же направлении прошли лавиной фашистские бомбардировщики. Где-то к полудню стали доноситься звуки приближающегося сильного боя. Среди жителей села стал распространяться слух, что советские войска перешли через Сиваш в двадцати пяти километрах от Воинки, в месте, где их меньше всего ожидали немцы. Люди радовались скорому освобождению. Но, к великому огорчению, это была преждевременная радость. Освобождение пришло позже, через пять с половиной месяцев после описываемых событий. Тогда, осенью 1943 года, немцам удалось, подтянув мощные людские резервы и технику, не дать нашим войскам, имевшим на вооружении только то, что в силах перенести человек на себе через морской залив с очень илистым дном, идя по грудь в холодной воде, прорваться вглубь полуострова».

**Штурм Перекопа войсками 2-й Гвардейской армии 4-го Украинского фронта.
8 апреля 1944 г.**

Все, чему Лев Петрович стал косвенным свидетелем в его военном детстве, взволновало его настолько, что он стал в итоге главным зна-током истории северного Крыма.

Несмотря на явное превосходство в живой силе и технике, гитлеровцам не удалось вытеснить советских воинов с крымской земли за Сиваш. Наши бойцы сумели, окопавшись, занять оборону и в жестоких сражениях удержать плацдарм глубиной в 18 километров. Это были первые 18 километров освобожденной от фашистов от крымской земли.

Однако вернемся немного назад. Для успешного форсирования Сиваша нужен был проводник, хорошо знающий местные броды. В селе Строгановка тогда еще жил Иван Оленчук, который провел в 1920 году через Гнилое море войска Михаила Фрунзе. Но ему уже было семьдесят лет, да и Строгановка находилась в 16 километрах от места намеченного форсирования.

«В конце концов нашли двадцатилетнего парня из села Камрат-Казеут (ныне Дружелюбовка) Василия Заулочного, — говорит Кружко.

В семидесятых годах Василий подробно рассказывал краеведу, как это было: «На побережье Сиваша у мыса Кугаран я познакомился с тремя разведчиками, с которыми мне предстояло идти через залив. Это были гвардии сержанты Дмитрий Михайлов и Степан Кудымов и гвардии рядовой Николай Кармышин. День 1 ноября выдался прохладным, но тихим. Мы шли друг за другом, впереди — я. Воды было по грудь, а местами больше. Когда было уже пройдено больше половины пути, мы заметили, что к самому берегу Сиваша на крымской стороне подъехала легковая машина, из нее вышел немецкий офицер и быстро направился к водной кромке. Однако не успел он поднести бинокль к

44 раза немецкая авиация разрушала переправу через Сиваш, и 44 раза наши саперы ее восстанавливали

глазам, как был остановлен взрывом снаряда, упавшего чуть дальше автомобиля. Это, прикрывая нас, стреляли с мыса Кугаран. Офицер, как человек военный, понимал, что следующий снаряд попадет в цель. Поэтому он быстро развернулся, сел в машину и уехал».

Наши разведчики благополучно дошли до крымского берега и, как и было условлено, разложили сигнальный костер из сухой степной травы. «В ряду героев нашего народа имена четырех богатырей Сиваша займут особое место. Они стали проводниками тысяч бойцов. Их подвиг осветил дорогу к победе и вдохновил», — написала через несколько дней газета 51-й армии.

Форсирование Сиваша нашими войсками началось сразу после того, как разведчики зажгли сигнальный костер. Сотни бойцов, медленно передвигаясь по груди в холодной ноябрьской воде, шли в Крым. «Когда я вспоминаю, как мы переходили Сиваш, то у меня

Переправа советских войск через Сиваш.
Апрель 1944 г.

еще и сейчас мурашки по спине пробегают — замерзли, аж зубы стучат. Посмотрю на своих товарищей, а у них лица синие, глаза выпученные, а некоторые идут с глухим стоном», — писал один из участников тех событий Михаил Андреевич Заиченко.

Ученик школы №6 города Джанкоя Данил Заруцкий записал воспоминания своей прабабушки Надежды Константиновны Романенко (в девичестве Шокуленко), которая форсировала Сиваш в составе санитарного батальона. Вот небольшой фрагмент из этих воспоминаний:

«Мы подходили к Сивашу. Дул холодный, пронизывающий ветер, под ногами хрустел лед... Прозвучала команда: «Раздевайтесь! Одежду связать!» Эта команда сначала не дошла до нашего сознания. Потом последовала следующая команда: «Вперед!». Мы ступили в воды Сиваша. С первых шагов ноги обжигал ледяной холод, а тело — ледяной ветер. Ноги засасывал упругий ил, судороги сводили мышцы. Бывало, что кто-нибудь выбивался из сил и буквально выползал на берег, а затем падал и умирал от переохлаждения».

Шли почти два часа, по колено, по пояс, иногда по грудь в воде. На шее — узелок с одеждой, за спиной — вещмешок с продовольствием и патронами, в руке автомат. Кроме того, тащили оружие, боеприпасы, ящики с провизией. Шансов выжить у тех, кто перешел Гнилое море в обнаженном виде, а на берегу надел сухое, было больше, чем у бойцов в мокрой одежде, которая мгновенно покрывалась льдом...

Артиллерийские орудия переправляли на плотках, которые тащили сразу по 60 — 70 бойцов. Саперы сутками не выходили из соленой воды, разъедавшей тело до язв. Некоторые из них прошли в ледяной воде в общей сложности по 150 — 160 километров...

Артиллеристы 51-й армии переправляются через Сиваш на крымский берег. Ноябрь 1943 г.

75
ПОБЕДА!
1945-2020

Бои на окраине г. Керчи. 1943 — 1944 гг.

**КРЫМ:
ВОЙНА,
ПОБЕДА,
ПАМЯТЬ**

От Толстого до Толстова

Красная армия атаковала немцев не только на севере, но и на востоке. Под Керчью, в районе Эльтигена, в ночь на 1 ноября 1943 года началась десантная операция войск Северо-Кавказского фронта. Наши десантники высадились на плацдарме у рыбацкого поселка Эльтиген, навсегда вошедшем в историю Великой Отечественной под именем Огненной земли — куда более неприступной, чем та, что была когда-то открыта Магелланом на другом конце мира. Именно отсюда, с крымской Огненной земли началось освобождение полуострова от фашистов.

Командиру десанта полковнику Василию Гладкову была поставлена задача «вцепиться в крымский берег». Высадка проходила под ураганным артиллерийским огнем противника. «Десантные суда шли на пламя пожаров, как на маяк. С ходу открыли огонь скорострельные пушки и пулеметы на катерах. Донеслась трескотня автоматов, винтовочные выстрелы, приглушенные расстоянием крики «У-р-р-ра!», — вспоминал участник тех событий Владимир Трофимов — военный хирург, кавалер трех орденов Красной Звезды и трех орденов Красного Знамени. Его документальная повесть «Огни Эльтигена» была впервые опубликована в 2017 году в серии «Керчь и Керченский полуостров в Великой Отечественной войне», изданной Восточно-Крымским историко-культурным музеем-заповедником.

До берега приходилось добираться вплавь. И это в полной боевой амуниции, с оружием в руках. Но все-таки советским войскам удалось закрепиться на этом пятачке крымской земли. К исходу дня наши бойцы захватили плацдарм глубиной около полутора километров.

На следующий день после высадки на место событий прибыл командующий немецкими войсками в Крыму генерал Эрвин Йенеке и приказал во что бы то ни стало уничтожить десантников. Гитлеровцы сумели блокировать плацдарм с моря.

Не хватало медикаментов, теплой одежды, продовольствия, питьевой воды. Десантники получали в сутки по 100–200 граммов сухарей и по полбанки консервов, но больше всего жаловались не на голод, а на нехватку боеприпасов, ибо приходилось беречь каждый снаряд, каждый патрон, в то время как противник вел огонь из всех видов оружия.

Со всех сторон на небольшой клочок земли рвались смерть и разрушение, и не было ни одного укромного уголка, ни одной не простреливаемой противником точки. Количество снарядов и мин, выпущенных немцами, число бомб, сброшенных самолетами, — не поддавались учету.

«В ночь на 4 ноября противник организовал радиопередачу для нашего десанта, — писал в своей книге «Десант на Эльтиген» командир десантников Василий Гладков. — Немцы вынесли в окопы переднего края мощную установку. Гитлеровский пропагандист орал на весь Эльтиген: «Солдаты Новороссийской дивизии и морской пехоты! Вас бросили... никакой помощи вам не дадут... вы обречены на гибель... сдавайтесь». Три дня долбили, а теперь начали уговаривать! — усмехнулся один из солдат. — Люди отбили девятнадцать атак, а им кричат «сдавайтесь!». Тьфу!..»

Не раз вражеские танки с пехотой на броне прорывались к самому берегу, но их уничтожали. Одним из героев Эльтигена стал младший сержант Толстов. Тут сразу невольно вспоминается его «тезка без одной буквы» — Лев Николаевич Толстой, оборонявший Севастополь в годы Крымской войны 1853–1856 годов. От Толстого до Толстова — история русской военной доблести.

Прямо во время боев в честь Василия Толстова на Эльтигене назвали одну из ключевых безымянных высоток. Наш солдат-бронбойщик жег с нее фашистские танки, мстя за убитых отца, брата, друзей-однополчан. За участие в десанте младшему сержанту Толстову было присвоено звание Героя Советского Союза. В дальнейшем он принимал участие в освобождении Крыма, Украи-

Керченско-Эльтигенская десантная операция, северо-восточное направление. г. Керчь, 1943 г.

ны, Румынии, Болгарии, после войны демобилизовался и много лет жил в городе Дубна под Москвой.

36 дней и ночей фашисты тщетно пытались сбросить наших солдат в море, утопить, уничтожить, втоптать в пропитанную кровью каменистую крымскую землю.

Поздним вечером 6 декабря десантники во главе со своим командиром пошли на прорыв. «План таков: с наступлением темноты, когда противник, как обычно, начнет производить некоторые перегруппировки, сядет ужинать и тому подобное, в этот момент неожиданно, без выстрелов, ринуться в атаку, прорвать на правом фланге оборону и, двигаясь по немецким тылам, занять гору Митридат. Оттуда уже прорываться к своим...» — вспоминал Василий Гладков.

Около двух тысяч бойцов неожиданной стремительной атакой смяли противника, вырвались из окружения и пошли по вражеским тылам.

«В ночное небо взвились три красные ракеты — сигнал к началу атаки. И сразу же раздалась трескотня автоматов, винтовочных выстрелов. Несколько раз тяжело ухнули разрывы противотанковых гранат. Где-то впереди послышались крики «ура». Чей-то зычный голос кричал: «Вперед, братва!» Это наши штурмовые группы прорвали заслон у переднего края обороны. Атака была столь неожиданной и стремительной, что румынский пулеметный батальон не успел даже занять позиции. Кого короткой очередью из автомата, кого ударом остро отточенного ножа штурмовики убрали с пути. Две роты противника, стоявшие перед фронтом прорыва, были уничтожены в скоротечном бою.

Послышалась команда: «Десантники, вперед!» И разом все бросились к крутому, обрывистому берегу. Бежали штурмовики, обвешанные оружием, солдаты с вещевыми мешками, наполненными боепри-

пасами, а за ними бежала толпа безоружных раненых, не захотевших оставаться в Эльтигене», — писал Владимир Трофимов.

Десант покидал Огненную землю победителем. Немцы оказались менее решительными, чем наши люди, у них не хватило духу, анализировал исход операции Василий Гладков. «В книжке «Утерянные победы» Манштейн расхвалил действия немецких солдат в Крыму, будто бы проявивших «чудеса храбрости», «несравненный наступательный порыв» и прочее. Бывший гитлеровский фельдмаршал более заботился о рекламе, нежели об истории. Я привожу факты. В Эльтигене мы не раз наблюдали, что противник мог нанести нам поражение, но не нанес именно потому, что у него не хватало ни подлинного наступательного порыва, ни гибкости в тактике. Враг ничего не смог сделать, хотя подавлял нас числом и техникой», — объяснил командир.

После 20-километрового ночного броска усталые, изнуренные боями, наши солдаты атаковали и захватили гору Митридат. «Бой на вершине был скоротечен. Противник метался, не зная, откуда мы появились, не представляя, кто его бьет и куда ему бежать. К семи часам утра десант занял Митридат, предместье Керчи и пристань Угольную. На горе было захвачено все артиллерийское управление противника. Расположенные в городе резервы в беспорядке отошли на север», — читаем в книге «Десант на Эльтиген».

«Обманули фрицев. Ушли у них из-под носа. Прорвали фронт севернее Эльтигена. Прошли по ранее намеченному маршруту. К 7.00 захватили Митридат и пристань. Срочно поддержите нас огнем и живой силой», — телеграфировал Гладков командованию.

Десантники держали в руках ключ от Керчи, но воспользоваться им не смогли — противник перебросил к городу свежие части. В ночь на 10 декабря моряки под артиллерийским и минометным огнем противника сняли с берега 1080 десантников. В следующую ночь эвакуа-

ция продолжалась в еще более трудных условиях. Посадка на катера шла с боем, многие добирались на суда вплавь на бревнах и других подручных средствах. Тем не менее, Эльтигенский десант выполнил поставленную задачу: привлек к себе силы врага и способствовал тем самым высадке главных сил фронта северо-восточнее Керчи. Немецкая армия еще больше увязла в «крымском мешке», оказавшись под угрозой ударов как с севера, так и с востока. Несколькими месяцами позже, весной 1944 года, фашистов вышвырнули из Крыма. 11 апреля на вершине Митридата вновь взметнулся в небо советский флаг.

«76 лет прошло со дня освобождения Керчи, а книга военной истории города пишется до сих пор, — говорит научный сотрудник Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника Наталья Непомнящая. — Потомки участников боев за Керчь приезжают в город-герой, чтобы побывать на земле, где их отцы и деды проливали кровь. Встречи с ними врезаются в память».

Разрушенное здание Керченского археологического музея на горе Митридат

Оганес Адиян приехал в Керчь из Анапы с женой и маленькой дочкой, чтобы отыскать место гибели своего деда Оганеса Хареновича Адияна, уроженца Кировобада (Азербайджан). Он был призван на фронт в январе 1942 года. В наградном листе на представление Оганеса Адияна к ордену Отечественной войны I степени посмертно сказано: «... в боях с немецкими захватчиками отличился смелостью, отвагой и высокой дисциплинированностью. При выполнении боевого задания десанта на Керченский полуостров в районе высоты 115,5 (мыс Тархан), форсируя пролив во время сильного шторма 10 января 1944 года, утонул...».

«Согласно отчету командира 166-го полка 55-й Иркутской гвардейской стрелковой дивизии, в составе которой воевал Адиян, потери в подразделении составили 58 убитых, 133 утонувших, 22 пропавших без вести, 164 раненых, — рассказывает Наталья Непомнящая. — Тактический десант Отдельной Приморской армии 10–11 января 1944 года в районе мыса Тархан — еще одна трагедия в истории Великой Отечественной войны».

А вот другая история, связанная с героическим десантом — на сей раз это история не только мужества, отваги и воинской доблести, но и большой — на всю жизнь — любви.

«В музее истории Керченско-Эльтигенского десанта есть наградной лист и приказ о награждении санинструктора 90-й отдельной армейской штрафной роты (ОАШР) рядовой Анны Степановны Паськовой, 1922 года рождения, — продолжает рассказ Наталья Непомнящая. — Какой была эта юная медсестра, как попала в штрафники, какова ее дальнейшая судьба? Ответы на эти вопросы нам удалось получить благодаря содействию Краснодарской краевой общественной организации «Кавказ» из города Крымска. Мы познакомились с Еленой Мироновой — внучкой комвзвода 90-й ОАШР Ивана Павловича Лукьянченко. Анна Паськова служила в подразделении, которым командовал Лукьянченко, и впоследствии стала его женой».

Оказалось, что в 1942 году санитарный эшелон, в котором находилась Аня, разбомбила немецкая авиация, а те, кто выжил после бомбежки, попали в окружение. Три девчонки-медсестры под руководством политрука стали пробиваться к своим. Но после выхода из окружения их направили в штрафбат.

Уроженка Воронежской области Анна Паськова участвовала в битве за Кавказ, в боях за станицу Крымскую и Тамань, в Керченско-Эльтигенской десантной операции, освобождала Керченский полуостров и Крым.

«На фронте с июня 1941 года, имеет ранение, — сказано в наградном листе, ныне хранящемся в музее. — В боях за Родину проявила себя как смелый воин Красной Армии, оказывая на поле боя медицинскую помощь раненым бойцам и офицерам. В боях за Керчь 5-го апреля 1944 года под ураганным огнем противника оказывала медицинскую помощь и вынесла с поля боя 18 бойцов и офицеров с их оружием. Личная дисциплина хорошая, пользуется среди личного состава заслуженным авторитетом».

«Анна была награждена орденом Славы III степени, — говорит Наталья Непомнящая. — По словам внучки, она не любила говорить о войне, о штрафной роте вообще никогда не упоминала. А лейтенант Лукьянченко был довоенным знакомым ее брата. Встретившись с Аней в штрафной роте, Иван решил, что его долг — «взять ее под свое крыло». Так они и воевали вместе, пройдя с 90-й ОАШР путь от Кавказа до Севастополя».

А вот цитата из наградного листа Ивана Павловича Лукьянченко: «Представлен к ордену Отечественной войны II степени. Был контужен. В бою 10 января 1944 года за освобождение Керченского полуострова от немецко-фашистских захватчиков правильно организовал и подготовил весь личный состав к наступлению, поставленную задачу хорошо усвоил сам и довел до каждого бойца. После подачи сигнала

взвод во главе с лейтенантом Лукьянченко поднялся и пошел в атаку на высоту 133,3, которая была взята также под руководством лейтенанта Лукьянченко, на высоту был водружен красный флаг... Несмотря на сильный артиллерийский, минометный и пулеметный огонь, а также обстрел танками типа «Тигр», товарищ Лукьянченко высоту 133,3 удержал до подхода подкрепления».

Лейтенант Иван Лукьянченко был удостоен еще нескольких боевых наград, числе которых — ордена Красной Звезды и Отечественной войны I степени, медали «За оборону Кавказа», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина».

«Иван и Анна поженились в июне 1944 года в Крыму, — говорит Наталья Непомнящая. — Анна после демобилизации работала в Красногвардейской районной больнице. Через год она поехала в Германию, где служил муж — к тому времени уже гвардии капитан. В 1947 году они вернулись в Крым. Здесь в поселке Советском, в старой полуразрушенной школе жили родители Анны — их дом в Новороссийске был уничтожен. Через некоторое время молодожены решили перебраться на родину Анны, в Воронежскую область. Построили там дом, растили детей (сына Владимира и дочь Галину). Иван возглавлял ревизионную районную комиссию, работал лесником. Анна работала медицинской сестрой в районной больнице. Иван Павлович умер в 1985 году, Анна Степановна пережила мужа на 26 лет. Говорят, что до конца своих дней она оставалась удивительно доброй и отзывчивой — настоящей фронтовой Сестрой Милосердия».

Триста двадцать дней и ночей Керчь была фронтовым городом. Дважды советские воины ценою многих жизней освобождали город. За два года хозяйничанья в Керчи захватчики, по официальным сведениям, уничтожили около 15 тысяч мирных граждан и примерно столько же угнали в немецкое рабство. Кроме того, фа-

шисты уничтожили в городе около 15 тысяч военнопленных, взорвали и полностью разрушили все заводы и фабрики, 85 процентов жилых домов, вывели из строя электростанцию, телеграф, железнодорожные линии, водопровод. Злодеяния фашистов в Керчи были настолько чудовищными, что материалы о них фигурировали на Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками фашистской Германии.

146 солдат и офицеров, принимавших участие в обороне и освобождении Керчи, были отмечены званием Героя Советского Союза. 61 из них получил эту награду за участие в Эльтигенском десанте, а сам поселок, где все это происходило, обрел в 1945 году новое гордое имя — «Героевское». 14 сентября 1973 года Керчь, в состав которой уже входил и поселок со столь знаковым названием, была отмечена высшей степенью отличия — званием «Город-герой».

«Героизм был массовым. Героями были все, начиная с командира десанта до солдата. Героизм проявляли моряки, прорывавшиеся

через заслон бронebarж противника в проливе; девушки-летчицы, доставлявшие нам на своих тихоходных «кукурузниках» боеприпасы и продовольствие; раненые, не покидавшие своего места в строю, не сдавшие своей жизни; медицинские работники, разделившие со всеми десантниками все опасности, выполнявшие свой воинский долг», — писал Владимир Трофимов.

«Вы, товарищ Трофимов, наверное, сумеете многое добавить к учебнику полевой хирургии? — однажды спросил у него командир десанта Василий Гладков. «Ах, товарищ полковник, разве наши профессора поверят, что так могло быть!» — ответил врач-орденоносец.

После войны он защитил диссертацию по материалам эльтигенского плацдарма.

Бои на окраине г. Керчи. 1943 — 1944 гг.

На разрушенных улицах г. Керчи, 1944 г.

В апреле 1944-го

Фашисты возвели на Перекопе и под Керчью мощные эшелонированные линии обороны. Однако ничто уже не могло остановить наступательный порыв советских войск. Главный удар Ставка решила нанести оттуда, откуда гитлеровцы ждали его меньше всего — с плацдарма на южном берегу Сиваша.

«Исходили мы из того, что именно здесь главный удар со стороны Сиваша, в случае его удачи, выводил наши войска в тыл укреплениям врага на Перекопе, а, следовательно, позволял нам гораздо быстрее вырваться на просторы Крыма», — объяснял в своей книге «Дело всей жизни» один из маршалов Победы Александр Василевский.

К весне 1944 года инженерные войска 51-й армии построили через Гнилое море мост на рамных опорах длиной около двух километров и возвели две земляные дамбы, соединенные между собой понтонами. «Это строительство — одна из самых ярких и героических страниц летописи наших инженерных войск в годы Великой Отечественной войны», — писал командующий 51-й армией Яков Крейзер. Оно шло под артиллерийским огнем и бомбежками врага, каждый погонный метр стоил невероятного напряжения моральных и физических сил и, увы, многих и многих человеческих жизней.

За 135 дней существования переправ, подсчитал крымский краевед Лев Кружко, немецкая авиация сбросила на них свыше 11 тысяч бомб. 44 раза разрушалась переправа и 44 раза наши саперы ее восстанавливали. До начала Крымской операции по переправам проследовали 1844 орудия, 259 танков, 953 трактора, 36744 автомашины, 114231 солдат и офицеров.

Высадка морского десанта под Керчью.
Начало ноября 1943 г.

Крымская операция началась утром 8 апреля 1944 года с мощнейшей трехчасовой артиллерийской подготовки. Сокрушительный огненный удар советских войск в буквальном смысле оглушил фашистов. Советские войска перешли в наступление.

Главный удар с плацдарма на южном берегу Сиваша наносила 51-я армия. Одновременно начался штурм вражеских укреплений и на Перекопском перешейке — там атаковали войска 2-й гвардейской армии. Через два дня, 10 апреля, оборона противника на севере Крыма была прорвана.

Наступление велось не только с севера, но и с востока, с плацдарма на северо-восточной окраине Керчи, который нашим удалось захватить в ходе Керченско-Эльтигенской операции в конце 1943 года.

Стремительное продвижение с севера 19-го танкового корпуса поставило керченскую группировку противника под угрозу окружения и вынудило немецкое командование начать поспешный отход на за-

пад. В ночь на 11 апреля Отдельная Приморская армия перешла в наступление и при поддержке авиации 4-й воздушной армии и Черноморского флота к утру освободила будущий город-герой Керчь.

Огромную помощь регулярной армии оказали лесные мстители. Партизаны Восточного соединения разгромили фашистский гарнизон в Старом Крыму и соединились с регулярными частями Красной армии. Наступление шло развернутым фронтом: 2-я гвардейская армия двигалась западным берегом полуострова, на Евпаторию; 51-я армия — через степи прямо на Симферополь; Приморская армия — через Феодосию южным берегом Крыма. Черноморский флот и морская авиация наносили удары по коммуникациям противника и скоплениям его войск и кораблей в Судаке, Алуште и Балаклаве. 13 апреля в Москве трижды гремел салют в честь освободителей Крыма — наши войска очистили от фашистов Евпаторию, Феодосию и Симферополь. Под натиском советской армии немецкие и румынские войска, практически без боя, откатывались на юг и стремились укрыться в Севастополе.

14 апреля был освобожден Судак. На следующий день советские войска при поддержке партизан выбили фашистов из Алушты и двинулись к Ялте, которую гитлеровцы, спасаясь бегством, попросту бросили. Но перед этим заминировали всё, что возможно. Только благодаря усилиям партизан и подпольщиков удалось предотвратить разрушение знаменитых винных подвалов Массандры, исторических зданий, всемирно известных южнобережных дворцов. 16 апреля, когда наши войска вошли в Ялту, была Пасха, и горожане, несмотря на годы безбожной пропаганды, встречали освободителей словами: «Христос воскрес!»

Семь дней потребовалось советским войскам, чтобы освободить почти весь Крым. Достигшие Севастополя дивизии 17-й армии генерала Йенеке были в плачевном состоянии. Румынские соединения, по существу, распались, а немецкие дивизии превратились в усиленные полки. Однако сдаваться враг не собирался. Впереди была битва за главную черноморскую твердыню — Севастополь.

К середине апреля 1944 года советские войска заперли фашистов в Севастополе, но загнанный в юго-западный угол Крыма враг собирал-

Встреча советских танкистов жителями освобожденной Феодосии

Бойцы Отдельной Приморской армии проходят маршем по набережной освобожденной Ялты

Митинг трудящихся в честь освобождения Симферополя от немецко-фашистских оккупантов

ся биться до последнего. Гитлеровцы называли легендарный город самой мощной крепостью в мире и хвастались, что могут оборонять ее не восемь месяцев, как Красная армия в 1941-42 годах, а восемь лет!

15 апреля Красная армия вышла на подступы к Севастополю и попыталась с ходу взять город, но фашисты отбили первые удары советских войск.

«Мы вступили в соприкосновение с противником 15 апреля, — рассказывал нам легендарный разведчик, севастополец Иван Иванович Патук, увы, ушедший из жизни 17 марта 2020 года. — А главные силы подошли только через три дня, восемнадцатого числа. Наша роль была — не штурмовать, не освободить территорию, не оборонять территорию, а разведка, разведка и еще раз разведка. Если мы соврали, дали неверные данные, значит, считай, что мы погубили своих братьев. Поэтому нашей задачей было взять языков и заставить их говорить, чтобы узнать, где расположены опорные точки немецкой обороны».

Для Гитлера потеря Севастополя была почти равнозначна капитуляции в войне. 24 апреля фюрер заявил: «Учитывая общую обстановку, потеря Севастополя может стать последней каплей, достаточной, чтобы переполнить чашу, Турция уже резко отрицательно реагировала на от-

ход из Крыма. В случае сдачи Севастополя она может перейти в лагерь противника. Это окажет сильное влияние на Балканские страны и может также повлиять на позицию остальных нейтральных государств».

Немецкие пропагандисты старались поднять дух своих войск, уверяя, что у русских плохая пехота, которая не страшна немецким гренадерам в их мощных укрытиях. Однако к тому времени советские солдаты уже выучили «уроки немецкого», преподанные им в 1941-42 годах.

«Я шел в разведку или в атаку не с трехлинейкой и не с револьвером. У меня были ППШ, немецкий «шмайсер», гранаты, фактически я был хорошо вооруженной подвижной огневой точкой с богатым боевым опытом», — рассказывал Иван Патук.

Многие знающие реальную ситуацию на фронте немецкие военачальники не разделяли маниакальной веры их вождя в неприступность Севастополя. Эрвин Йенеке, желая спасти хотя бы остатки своих войск, неоднократно обращался к Гитлеру с просьбой об эвакуации, но фюрер оставался непреклонным. Больше того, 1 мая он, недовольный позицией Йенеке, отправил командующего 17-й армией в отставку, а на его место назначил генерала Карла Альмендингера.

«Для немецкого командования было совершенно очевидно, что сопротивляться такая группировка, как 17 армия, на территории Крыма не может, и большого смысла в этом не было, — говорит генеральный директор Центрального музея Тавриды Андрей Мальгин. — Но Гитлер настаивал на удержании Крыма, потому что для него это имело принципиальное политическое значение».

Новый командующий 17-й армией в своем обращении к войскам 3 мая писал: «Я получил приказ защищать каждую пядь Севастопольского плацдарма. Его значение вы понимаете. Ни одно имя в России не произносится с большим благоговением, чем Севастополь. Здесь стоят памятники прошедших войн... В связи с тем, что Севастополь имеет такое историческое значение, Сталин хочет вернуть себе этот

город и порт. Поэтому нам предоставляется возможность обескровить на этом фронте превосходящие силы красных. Я требую, чтобы все оборонялись в полном смысле этого слова, чтобы никто не отходил, удерживал бы каждую траншею, каждую воронку, каждый окоп».

Однако ни Эрвину Йенеке, ни Карлу Альмендингеру, ни самому Эриху фон Манштейну, завоевавшему полуостров в 1941-42 годах, к тому времени уже было не под силу удержать Крым. Фельдмаршал Манштейн еще в феврале 1944 года был уверен в том, что крымский «Готенланд» можно считать потерянным. Но трезвые военачальники больше не были нужны бесноватому фюреру.

Тем временем Красная армия перегруппировывала силы, изучала оборонительную систему и расположение войск противника и готовилась к решающему штурму.

Решающее наступление советских войск началось 5 мая с удара 2-й Гвардейской армии в районе Мекензиевых гор, задача которого заключалась в том, чтобы обмануть противника. «Двое суток там шли бои для того, чтобы немцы, решив, что основной удар Красная армия наносит на севере, начали переброску войск с Южной стороны на Северную через бухту», — объясняет историк Юрий Падалка.

Гитлер не зря называл Севастополь самой мощной крепостью в мире. На 5 мая под командованием генерала Альмендингера находилось свыше 70 тысяч солдат и офицеров, почти две тысячи орудий и минометов, около сотни самолетов и около 50 танков и штурмовых орудий. Общая длина внешнего обвода обороны доходила до 35 километров, при этом на каждый километр фронта приходилось свыше 2000 человек личного состава, 67 пулеметов и свыше 50 орудий и минометов.

Гвардейцам удалось заставить гитлеровцев поверить, что советские войска наносят главный удар в районе Мекензиевых гор — там же, где это сделал при взятии Севастополя в июне 1942 года Эрих фон Манштейн. На самом же деле генеральный штурм города был

Солдаты немецкой армии сдаются в плен в Севастополе

запланирован на 7 мая в районе Сахарной головки и Сапун-горы, где сосредоточивались наши главные силы.

Сапун-гора — это ключевая высота на южных подступах к Севастополю. Кто владел ею, тот владел городом. Именно отсюда лежал самый короткий путь на Севастополь, а также к бухтам Камышовая и Казачья и мысу Херсонес — местам предполагаемой эвакуации вражеских войск.

«Севастополь отделен от Крымского полуострова бухтами Балаклавской и Большой Севастопольской. Между ними протянулся гребень Сапун-горы. Длина его 8 километров, высота до 240 метров над уровнем моря. Для того, чтобы проникнуть на Гераклеийский полуостров, нужно преодолеть этот горный хребет», — говорит Юрий Падалка.

Артподготовка длилась около полутора часов. Советское руководство — командующий 4-м Украинским фронтом генерал Толбухин и представитель Ставки маршал Василевский — сосредоточили на этом участке обороны противника более 200 артиллерийских и минометных стволов на километр фронта. Кроме того, наступление поддерживали летчики 8-й воздушной армии, совершившие за день более двух тысяч боевых вылетов. Артиллерийский и авиационный удары оглушили врага.

Наконец, начался штурм. Однако быстрого продвижения не получалось. В облаках пыли и гари от взрывов снарядов и мин наши бойцы и неприятель то и дело сходились врукопашную. Траншеи переходили из рук в руки.

Плотность артиллерийского огня была такой же, как потом при освобождении Берлина. Поднимаясь на 250-метровую высоту Сапун-горы, наши войска шли в 40 метрах от огненного вала, который выжигал фашистские позиции. «Сплошной огонь, разрывы снарядов, бомб, такое трудно выдержать, особенно, когда дают залп «Катюши», немцы там просто с ума сходили. Я попадал под «Катюши», так что знаю, что это такое», — вспоминал Иван Патук.

Советские войска несли большие потери, но шли и шли вперед. Сотни наших солдат погибли в этой страшной мясорубке, освобождая «город, достойный поклонения». По мнению многих историков, штурм Сапун-горы стал самой грандиозной рукопашной схваткой в истории не только Второй мировой, но и вообще всех войн человечества.

Девять часов рукопашного боя понадобилось советским войскам, чтобы сломить сопротивление фашистов. Красный флаг на вершине был водружен 7 мая в половине восьмого вечера. На протяжении двух следующих дней — 8 и 9 числа — в Севастополе еще продолжались бои, но падение Сапун-горы уже предрешило судьбу битвы.

Со штурмом Сапун-горы 7 мая 1944 года связана удивительная история Ивана Карповича Яцуненко — пожалуй, одного из самых известных знаменосцев Великой Отечественной. Это его фигура является одной из центральных на знаменитой диораме. А его история вполне может стать основой сюжета захватывающего боевика.

Иван Яцуненко — уроженец Днепропетровской обла-

сти Украины. В Крым он приехал вместе с родителями в 1936 году, в 13-летнем возрасте. Сначала жил в Джанкойском районе, перед войной переехал в Севастополь. Воевал Яцуненко с августа сорок первого. Оборонял Перекоп, попал в плен, бежал, чудом спасшись от расстрела. Во время штурма Сапун-горы водрузил на ее вершине красное знамя, но в этот момент рядом разорвалась одна мина, затем другая... Иван Карпович потерял сознание. Многие однополчане, которые это видели, решили, что он погиб. Вынули из кармана жетон с фамилией и адресом... Так Яцуненко попал в списки погибших. Его имя было даже высечено на обелиске, установленном на вершине горы после освобождения города.

Однако отважный знаменосец выжил. Более того: придя в себя, он еще сражался на улицах Севастополя, но снова был ранен в боях на мысе Херсонес. Попал в госпиталь, где встретился с отцом, тоже участвовавшим в освобождении города русской славы.

После выписки из госпиталя отец и сын освобождали Европу, а после войны вернулись в Крым. Иван Карпович жил в нынешнем селе Просторном Джанкойского района, где работал шофером и механизатором.

И вот однажды местные пионеры, побывавшие на экскурсии в Севастополе, прибежали к нему домой и рассказали, что видели его имя на памятнике погибшим воинам. А потом Иван Карпович прочитал о своем подвиге в брошюре об освобождении Крыма. И о том, что он пал в том бою смертью храбрых.

«Известие, что доблестный воин не погиб, разнеслось быстро, — пишет в своем сборнике «Аллея героев Джанкоя», изданном в 2016 году, местный краевед Виктор Турчин. — А способствовал этому курьезный случай. У села Просторного находился авиационный полигон Джан-

коя». — А способствовал этому курьезный случай. У села Просторного находился авиационный полигон Джан-

койского аэродрома. Летчики и обслуживающий персонал аэродрома часто бывали в сельском клубе. Однажды шел документальный фильм о штурме Сапун-горы, в конце которого говорилось, что знаменосец погиб. Иван Карпович с места за-

кричал: «Это неправда — жив я!». Рядом оказался кто-то из политработников... Так через десять лет после легендарного штурма указом Президиума Верховного Совета СССР Ивану Карповичу Яцуненко было присвоено высокое звание Героя Советского Союза с вручением Золотой Звезды и ордена Ленина». В 1963 году Яцуненко переехал жить в Севастополь, работал лектором общества «Знание», проводил экскурсии на Сапун-горе. Умер герой в 1983 году.

Но вернемся в крымскую весну 1944-го.

К исходу 9 мая город был освобожден. В своем приказе Иосиф Сталин подчеркнул огромное значение освобождения Севастополя: «Войска 4-го Украинского фронта при поддержке массированных ударов авиации и артиллерии в результате трехдневных наступательных боев прорвали сильно укрепленную оборону немцев, состоящую из трех полос железобетонных оборонительных сооружений, и несколько часов тому назад штурмом овладели крепостью и важнейшей военно-морской базой на Черном море — городом Севастополь».

Но освобождением Севастополя бои в Крыму не закончились. Остатки фашистского гарнизона отошли на мыс Херсонес — туда

же, где чуть меньше двух лет назад похожая участь постигла советских солдат, оборонявших город. Гитлеровцы стянули туда все, что осталось от крымской группировки. Плотность артиллерии местами доходила до 100 орудий на километр фронта, а запасы снарядов и патронов были практически неограниченными.

Пытаясь спасти остатки разгромленной армии, гитлеровцы прикрывались мирными жителями города. В трюмы кораблей грузились солдаты и техника, а на палубы — женщины, которых предупреждали, чтобы они при появлении советских самолетов выбрасывали белые простыни и поднимали вверх плачущих детей.

Однако все эти ухищрения были напрасны. Максимум, что удалось гитлеровцам — эвакуировать командование 17-й армии. Простые солдаты были обречены на смерть или плен. Чтобы помешать эвакуации противника, генерал Толбухин принял решение начать ночной штурм. После короткого налета, в котором участвовало до тысячи орудий и минометов, советские войска прорвали оборону врага. К полудню 12 мая все было кончено.

Крымский круг ада Великой войны замкнулся. Замкнулся здесь, на древней Херсонесской земле, которая стала в те теплые майские дни 1944 года гигантским кладбищем людей, идей и военной техники.

«С высоты птичьего полета Херсонес походил на гигантское кладбище техники, словно перемолотой в каких-то чудовищных жерновах огромной мельницы. Казалось, со всех полей великой войны свалили сюда искореженные танки и орудия, разбитые автомашины, трупы солдат и офицеров в мундирах мышинного цвета», — писал в своих воспоминаниях участник тех событий, летчик, герой Советского Союза Михаил Авдеев.

И лишь несколько крыс, бросив на произвол судьбы десятки тысяч солдат и офицеров, сбежали с тонущего гитлеровского корабля, чтобы совсем скоро предстать перед судом истории.

75

ПОБЕДА!
1945-2020

КРЫМ:
ВОЙНА,
ПОБЕДА,
ПАМЯТЬ

Сделано в Ялте: восемь дней, которые мир никогда не забудет

Накануне Крымской конференции Рузвельт сказал Черчиллю, что им не следует оставаться в Ялте более пяти-шести дней. Британский премьер возразил: «Я не думаю, что осуществление наших надежд о создании всемирной организации возможно в течение пяти-шести дней. Даже Всевышнему понадобилось семь». В итоге конференция продлилась восемь дней. На один день дольше, чем потребовалось когда-то Господу Богу для того, чтобы создать этот мир. И то, что было сделано здесь, в Ялте, до сих пор не утратило своего значения.

«Всё, что осталось сегодня от мировой стабильности, несёт на себе маркировку: «Сделано в Ялте». Прежде всего, это касается единственной универсальной международной организации — ООН», — размышляет председатель Государственного Совета Республики Крым Владимир Константинов.

Сталин не раз говорил, что Россия умеет выигрывать войны, но не умеет пользоваться плодами побед. Мы великолепно воюем, но не умеем заключать мир, нас обходят, не добавляют, — полагал он.

В феврале 1945 года, в Ялте, глава Советского государства намеревался исправить эту вековую несправедливость. В те дни к Крыму было приковано внимание всего мира. Здесь собрались самые могущественные люди на планете — лидеры трех стран-победительниц во Второй мировой войне. На несколько дней наш полуостров стал главным центром мировой политики.

Западные лидеры прилетели в Крым за... золотым руном. Сэр Уинстону Леонарду Спенсеру Черчиллю — единственному из вели-

ких политиков — не случайно вручили в 1953 году Нобелевскую премию по... литературе. Британский премьер был большим мастером не только политики, но и слова. Именно ему принадлежала идея дать Крымской конференции кодовое название «Операция «Аргонавт». 31 декабря 1944 года Черчилль телеграфировал Рузвельту: «Придумали ли Вы, как назвать эту операцию? Если нет, я предлагаю «Аргонавт». Рузвельт ответил: «Ваше предложение относительно «Аргонавта» принято. Ведь мы с Вами — прямые потомки».

Прибыв на Южный берег Крыма «дальние гости» — так в шифровках называли американцев — расположились в Ливадии. Воронцовский дворец был предназначен для «ближних гостей» — англичан. Основной состав советской делегации разместился в Юсуповском дворце в Кореизе, как бы символически раскалывая англосаксонскую ось пополам.

Ялтинская конференция открылась 4 февраля 1945 года заседанием в Большом зале Ливадийского дворца. К этому моменту Красная армия стояла на Одере — всего в 60 километрах от Берлина, а американские войска еще не дошли до Рейна. По одной из версий, наши

Встреча президента США Франклина Рузвельта на Саксом аэродроме

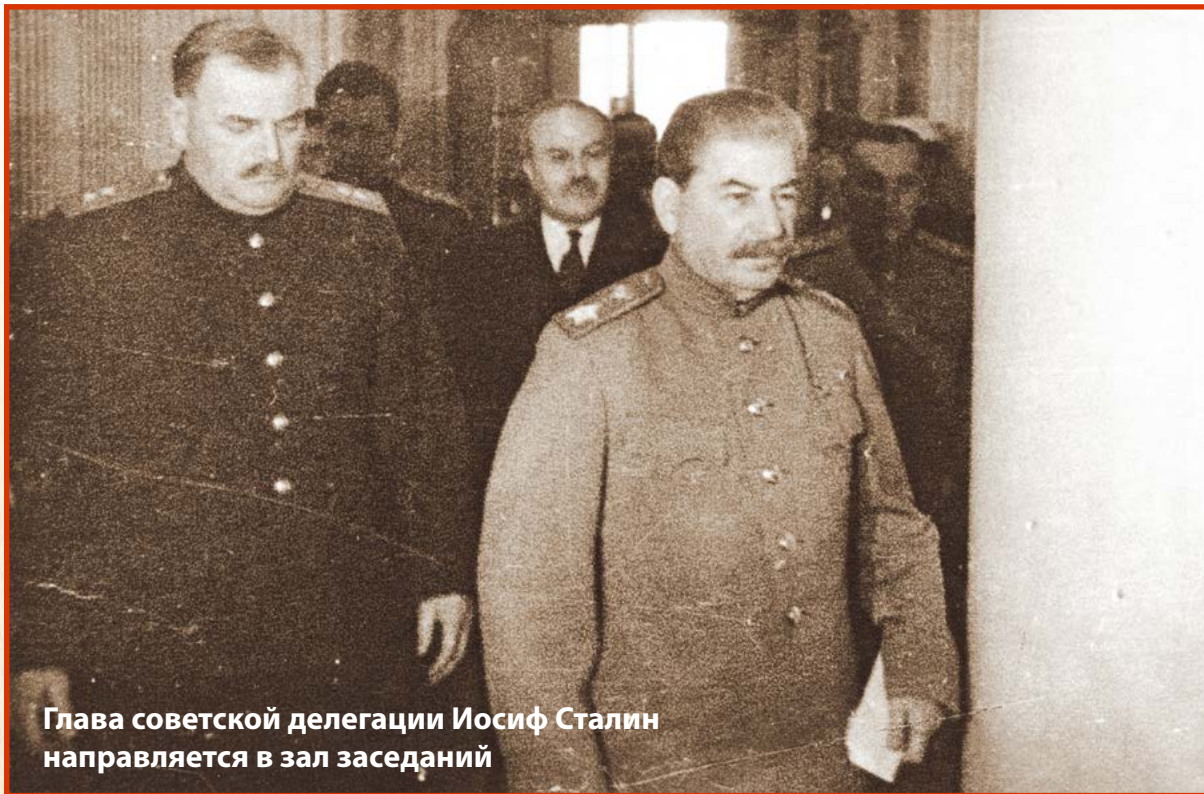
Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль и сопровождающие его лица в Балаклаве

Министры иностранных дел стран-победительниц подписывают документы Ялтинской конференции

В перерыве между заседаниями Ялтинской конференции

Глава советской делегации Иосиф Сталин направляется в зал заседаний

могли взять столицу Германии уже в феврале, однако Сталин отсрочил начало штурма для того, чтобы западные армии тоже смогли принять участие в разгроме Германии. Советский лидер демонстрировал готовность к сотрудничеству при условии признания союзниками интересов его страны.

Переговоры шли трудно.

Не зря люди сложили анекдот. Сталин говорит с Черчиллем по телефону:

- Нет! Нет! Нет! Нет! Нет! Да! Нет! Нет! Нет!

Вождь кладет трубку. Кто-то из тех, кто присутствовал при разговоре, не удерживается и спрашивает:

- Товарищ Сталин, а почему вы один раз все-таки сказали Черчиллю «да»?

- Он спросил, хорошо ли его слышно.

Каждый из лидеров мировых держав преследовал свои цели. И, тем не менее, несмотря на все идеологические и геополитические разногласия, в Ялте удалось достичь беспрецедентных результатов.

«Нацистская Германия обречена. Германский народ, пытаясь продолжать свое безнадежное сопротивление, лишь делает для себя тяжелее цену своего поражения», — заявили Сталин, Рузвельт и Черчилль. Они приняли решение разоружить и распустить все германские вооружённые силы, изъять или уничтожить всё германское военное оборудование, ликвидировать или взять под контроль всю германскую промышленность, которая могла бы быть использована для военного производства; подвергнуть всех военных преступников справедливому и быстрому наказанию, стереть с лица земли нацистскую партию, нацистские законы, организации и учреждения.

Именно здесь, в Крыму, союзники окончательно договорились о создании Организации Объединенных Наций и принципах работы Совета безопасности, в который вошли СССР, США, Великобритания, Франция и Китай. Право вето, которым по ялтинским договоренностям обладает каждая из этих стран, не раз спасало затем мир от кровопролитных войн.

Тем смешнее выглядят сегодня те резолюции об «аннексии и оккупации Крыма Россией», которые принимает Генеральная ассамблея ООН под диктовку США и их сателлитов.

В Ялте было решено, что в число государств-учредителей самой влиятельной международной организации вошел не только Советский Союз, но и две союзные республики — Украина и Белоруссия. Именно в Ялте были установлены западные границы современной Украины. Советский лидер вернул украинцам их этнические земли на западе и по сути подарил... Львов. Еще в 1943 году в Тегеране Черчилль попробовал было поставить под сомнение включение Львова в пределы советских границ, заявив, что этот город никогда не был русским. «А

Варшава — была», — невозмутимо парировал Сталин, поставив таким образом жирную точку в этой геополитической дискуссии.

Польский вопрос был одним из ключевых на Ялтинской конференции. Сталин хотел создать вокруг СССР пояс дружественных государств, США и Великобритания пытались этому помешать. Тогда победа оказалась на нашей стороне, Черчиллю и Рузвельту пришлось смириться с тем, что власть в Польше окажется у просоветского правительства.

Насколько был прав Сталин, выяснилось вскоре после распада СССР, когда наши бывшие союзники принялись теснить Россию на Восток, последовательно включив в состав НАТО практически все бывшие страны Варшавского договора, а затем и фактически спровоцировав гражданскую войну на Украине.

Наконец, в Ялте Сталин в обмен на обещание вступить в войну с Японией добился включения в состав СССР потерянного по итогам войны 1905 года Южного Сахалина, а также Курильских островов.

Договоренности, достигнутые между Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем, обеспечили самый долгий в XX веке — полувековой мир в Европе. Новые войны вновь вспыхнули только после распада СССР, то есть тогда, когда начался демонтаж Ялтинской системы безопасности.

Миру нужна «новая Ялта» — неважно, в какой точке она пройдет; важна готовность к плодотворному сотрудничеству. Для новой большой встречи в верхах предлагались и предлагаются разные конфигурации. Точное отражение Ялты: Путин — Трамп — Джонсон. Вариант, обусловленный снижением веса Великобритании и увеличением веса Китая: Путин — Трамп — Си Цзиньпинь. Расширение до формата четверки: Путин — Трамп — Си Цзиньпинь — премьер-министр Индии Нарендра Моди. Наконец, предложенный 23 января 2020 года президентом России формат «Большой пятерки» — лидеры стран — постоянных членов Совета безопасности ООН — России, США, Великобритании, Франции и Китая.

По мнению Владимира Путина, такой саммит может стать основой для решения многих глобальных проблем человечества. «Разобщенность перед лицом угроз может обернуться страшными последствиями, — предупреждает президент России. — У нас должно быть мужество не только прямо сказать об этом, но и сделать все, чтобы защитить и отстоять мир. Пример, на мой взгляд, могут и должны подать страны — основательницы Организации Объединенных

Наций. Пять держав, которые несут особую ответственность за сохранение цивилизации. Мы обсуждали с некоторыми коллегами, и насколько я понимаю, в целом увидели положительную реакцию, провести встречу глав государств постоянных членов Совета Безопасности ООН России, Китая, США, Франции и Великобритании в любой стране, в любой точке мира, где это будет удобно коллегам».

75-летие Ялтинской конференции, которое мы отметили в феврале 2020-го, стало прологом к 75-летию Великой Победы. К юбилею в Ливадийском дворце состоялась организованная Советом Федерации Федерального Собрания РФ, Государственным Советом Республики Крым и Фондом изучения исторической перспективы международная научная конференция «Ялта-1945: уроки истории», в которой приняли участие политики, общественные деятели и ученые из России, США, Великобритании, Франции, Китая, Австрии, Сербии, Словакии, Турции и других стран.

В обращении к опыту Крымской конференции слышится тоска по результативности международных саммитов. В последние годы их проходит много, однако чаще всего за ними не следует никаких заметных решений и дел. Думается, Сталин, Рузвельт и Черчилль пришли бы в недоумение от уровня эффективности переговоров, например, в так называемом нормандском формате.

Еще один ялтинский урок, актуальный для современной России: с ней будут считаться только тогда, когда она будет сильной. Наш грандиозный дипломатический и политический успех в Ялте основывался прежде всего на подвиге русского солдата. Как уже говорилось, к моменту начала конференции наши войска стояли в шестидесяти километрах от Берлина, и это делало американцев и британцев сговорчивее.

Ну и, конечно, главный урок Ялтинской конференции для современных политиков заключается в том, что противоречия между мировыми державами неизбежны, но при этом их лидеры должны уметь

договариваться — так, как это делали Сталин, Рузвельт и Черчилль в 1945 году.

«Крымская встреча на высшем уровне 1945 года — это бесценное мировое наследие, опыт истинного союзничества, который может и должен служить ориентиром для современных государственных деятелей», — отметила в приветствии участникам конференции «Ялта-1945: уроки истории» председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко. Несмотря на кардинальные различия во взглядах и позициях Сталин, Рузвельт и Черчилль смогли прийти к общему знаменателю в ключевых вопросах международной повестки дня и сформировать жизнеспособную систему межгосударственных отношений на долгие годы вперед, подчеркнула Матвиенко.

«Где, как не в Ливадии, думать о будущем человечества, искать пути к достижению мира во всём мире? — говорит председатель Государственного Совета Крыма Владимир Константинов. — Уверен, каждый посетитель ощущает ауру этих залов, силу этого места.

Сегодня мир как, пожалуй, никогда за последние 75 лет, нуждается в государственной мудрости, доброй воле, умении находить правильные пути решения самых сложных проблем — во всём том, что было блестяще продемонстрировано в ходе Ялтинской конференции «Большой тройки». Но какими бы великими ни были политические деятели, заложившие основы Ялтинской системы миропорядка, ни одна политическая конструкция не может существовать вечно. Всё более настоятельно ощущается необходимость перезагрузки послевоенного мироустройства, но при этом обязательно должно быть соблюдено одно условие: не допустить ревизии итогов Второй мировой. Этого мы не позволим никому!

Именно так я расшифровываю для себя инициативу президента нашей страны по проведению встречи представителей пяти держав — постоянных членов Совета Безопасности ООН. Все эти страны

— победительницы во Второй мировой войне, основная ударная сила антигитлеровской коалиции. После победы именно они взяли на себя основное бремя ответственности за послевоенный мир, за глобальную безопасность. Именно им, ядерным державам, наиболее мощным и авторитетным государствам начала XXI столетия, по силам вернуть мировой политике предсказуемость, а глобальным процессам — управляемость. Нашим партнёрам пора бы понять, насколько опасно и недальновидно выстраивать миропорядок, игнорируя при этом Россию. Два первых десятилетия нашего века наглядно продемонстрировали, что без России вместо мирового порядка получается мировой БЕСпорядок».

«Мы в Крыму твёрдо убеждены в том, что наш полуостров не случайно оказался местом, где были выработаны основы послевоенного мира, — продолжает Константинов. — Кстати, выбор места встречи «Большой тройки» принадлежит Франклину Делано Рузвельту, что ещё раз доказывает мудрость этого политического деятеля. Но дело не только в этом. Среди крымчан бытует поговорка, что в Крыму войны не начинаются, в Крыму они заканчиваются. Так было и в середине XIX века, когда именно здесь стихли залпы Восточной (Крымской) войны, и сто лет назад, когда Крым стал ареной последних сражений войны Гражданской.

Так что Ялтинская конференция — не первая черта, отделяющая кровопролитие от мирного времени, которая была проведена в Крыму. Но и не последняя. Шесть лет назад крымчане, опираясь на поддержку руководства Российской Федерации, всего российского народа, сумели остановить на своём пороге ещё одну гражданскую войну — развязанную политическими авантюристами на территории Украины. Полностью предотвратить её мы, к сожалению, не смогли, но в Крым войну мы не пустили! Уверен, что и в прекращении современной холодной войны, которую усиленно навязывают России, Крым сыграет важную и заметную роль. Маловероятно, чтобы предложенная нашим президентом встреча «большой пятёрки» состоялась на нашей земле. Хотя, согласитесь, это было бы символично и сделало бы её успех неизбежным. Но не все ещё готовы признать политическую реальность, смириться с историческим выбором крымчан. Над этим нам ещё предстоит немало поработать. Но уже сейчас Крым может и должен стать площадкой активного научного поиска основ и принципов более справедливого и устойчивого мироустройства, местом, где свято хранится и приумножается память о нашем славном прошлом, о наших победах, как ратных, так и дипломатических, которых мы никому не позволим забыть или исказить».

Улетая из Крыма, премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль в своем выступлении на аэродроме в Саках признал, что в авангарде борьбы против фашизма шли именно советские армии, которые покрыли себя неувядаемой славой. «Я благодарю всех вас и покидая землю России, воскресший Крым, очищенный от гуннов благодаря русской доблести, покидая советскую территорию, я выражаю всем вам и вашим руководителям и особенно вашему великому вождю, Верховному главнокомандующему маршалу Сталину, благодарность и восхищение доблестным русским народом и его армией, испытываемое британской расой, разбросанной по всему миру, по

Международная конференция «Ялта-1945: уроки истории». 2020 г.

всем океанам и всем частям земного шара. Мы молимся, чтобы никогда русский народ больше не подвергался тяжелым испытаниям, из которых он вышел с такой славой», — сказал тогда Черчилль.

В свою очередь президент США Франклин Рузвельт, выступая перед Конгрессом с докладом о Ялтинской конференции, отмечал, что, по его мнению, она стала поворотным пунктом мировой истории. «Крымская конференция призвана положить конец односторонним действиям, особым союзам, сферам влияния, балансу мощи и разным прочим средствам, которые испытывались на протяжении столетий и всегда приводили к провалу. Мы предлагаем вместо этого всеобщую организацию, в которую в конечном итоге смогут войти все миролюбивые народы. Мир, который мы строим, не может быть американским, британским, русским, французским или китайским. Он не может быть миром больших или малых стран. Он должен стать миром, основанным на общих усилиях всех стран», — говорил Рузвельт.

Та речь в Конгрессе стала последним публичным выступлением великого американского президента. Он умер 12 апреля 1945 года. В Москве по этому поводу были приспущены государственные флаги, сообщения о смерти Рузвельта с его портретами были на первых полосах центральных газет, а на улицах многие люди в ответ на обращения американских корреспондентов, готовивших свои материалы, не скрывали слез. Это была искренняя реакция рядовых граждан, которые надеялись, что после победоносной войны США станут нашими союзниками.

Сегодня в Ялте есть улица Рузвельта и установлен памятник американскому президенту. В Америке ни улицы, ни памятника Сталину нет. Наоборот, там советского Верховного главнокомандующего, а вместе с ним и всю историческую Россию представляют как абсолютное зло.

Черчилль давал высочайшие оценки подвигу советского народа. Рузвельт высказывал откровенные симпатии Сталину, не опасаясь, что кто-нибудь в США обвинит его в предательстве и будет требо-

вать импичмента. Увы, в последующие годы этот дух взаимопонимания был утрачен, на Западе принялись переписывать историю Второй мировой войны, и это привело к тому, к чему и должно было привести — возрождению в некоторых странах фашистских идей. Самый печальный пример здесь — конечно, соседняя Украина, где в 2014 году в результате государственного переворота пришли к власти идеологические наследники идей Степана Бандеры.

Поднимая тост на банкете, данном Сталиным в Ялте 8 февраля 1945 года, Черчилль заговорил о будущем. Все мы стоим на вершине холма, с которого открывается блестящий вид будущих возможностей, сказал он. В современном мире функция руководства заключается в том, чтобы вести людей на просторные, солнечные равнины мира и счастья. Сейчас это доступнее, чем когда-либо в истории, и произойдет великая трагедия, если мы из-за инерции или беспечности позволим ей выскользнуть из рук...

75

ПОБЕДА!
1945-2020

КРЫМ:
ВОЙНА,
ПОБЕДА,
ПАМЯТЬ

ГЛАВА 13

Николай Головин: Красное знамя, Слава и Крест

В свои без малого 95 лет Николай Дмитриевич Головин держится молодцом. Бодрый, веселый, энергичный. Ноги, говорит, только стали подводить: болят, ходить трудно. Ну, ничего, прорвемся. Как прорывались в сорок третьем под Тернополем. В сорок четвертом под Львовом. В сорок пятом под Прагой...

Да, тогда столица Чехословакии встречала своих освободителей ликованием и цветами. А к наградам танкиста Головина — орденам Боевого Красного Знамени, Славы, Отечественной войны, «За мужество», к нескольким медалям — прибавился чешский орден Военного креста.

Кто мог тогда представить, что через 75 лет в Праге будут требовать сноса памятника маршалу Ивану Коневу, который был воздвигнут в память о спасении города от разрушения нацистами?

Кто знал, что через 75 лет после своего освобождения чехи будут вслух, не стыдясь, говорить об установке памятника антигерою — предателю Власову?

Радость Победы на много лет затмила все — в том числе, тот бесспорный и позорный факт, что на протяжении всех военных лет Чехословакия оставалась крупнейшей «оружейной мастерской» вермахта. Что заводы, производившие оружие и боеприпасы, с помощью которых убивали наших солдат, прилежно работали до самого мая 1945-го...

Пришло время напомнить европейцам горькую правду.

В Праге Николай Головин закончил войну.

«Все радовались Победе, но на нашем участке бои продолжались, — вспоминает он. — 9 мая погиб один из моих однополчан».

Официальной датой завершения Пражской операции считается 11 мая. Хотя, к примеру, тот же генерал Власов был захвачен советскими войсками уже 12 мая.

Спрашиваем Головина: вы часом в захвате не участвовали?

«Нет, не довелось, у нас другие задачи были, — улыбается Николай Дмитриевич. — Мы ж танкисты».

Старческая рука бережно листает семейный альбом. На одной из первых страниц — боевой путь 10-го гвардейского Уральско-Львовского Краснознаменного орденов Суворова и Кутузова добровольческого танкового корпуса, в составе которого воевал Головин. А вот и он сам — бравый красавец, грудь в орденах... Удивительный свет исходит от этих старых черно-белых фотографий. От этих людей, которые пережили столько горя, столько боли и потерь, столько раз смотрели в пустые глазницы смерти, черные и рваные, как воронки от снарядов. Как будто они знают то, что мы сегодняшние утратили в бесконечной погоне за призраками богатства, комфорта, мнимой свободы.

«Родился я в городе Керчи, — рассказывает Николай Дмитриевич. — Окончил семь классов местной школы, поступил в ремесленное училище, учился на слесаря-прокатчика. Потом началась война. В сорок первом наше училище эвакуировали в город Серов Свердловской области. Там я продолжал учебу до 1943 года».

После окончания училища Колю вместе с другими выпускниками направили работать в сортопрокатный цех завода, который выпускал оружие для фронта. На заводе он вступил в комсомол — для него, как и для миллионов его сверстников, это была не формальность, а патриотический долг, знак готовности сражаться и умереть за Родину. Между прочим, и танк, на котором впоследствии воевал Головин, носил имя «Комсомолец». «Все мы мечтали не только делать оружие, но и применять его в боях с фашистами, — говорит Николай Дмитриевич. — Но, во-первых, мне еще не исполнилось восемнадцати

лет, потому что я родился 25 декабря 1925 года, а во-вторых, была «бронь» на профессию, что лишало меня шанса попасть на фронт».

Вскоре молодой человек получил трагические известия о своих родных. Отец погиб в боях на Перекопе, мама — под бомбежкой в Керчи. Младшая сестра попала в детский дом. Погиб и дядя Илья, который был танкистом.

«Я снова пошел проситься на фронт, — вспоминает Головин. — Сказал, что мой долг — отомстить фашистам. Весной 1943 года подал в горком комсомола заявление с просьбой зачислить меня в создаваемый Уральский добровольческий танковый корпус. Просьбу удовлетворили со второй попытки. Меня направили в запасной танковый полк учиться на командира орудия. Позже назначили командиром танка».

Свой первый бой под населенным пунктом Подволочиск Тернопольской области Николай Дмитриевич запомнил на всю оставшуюся жизнь. Надо сказать, что бои за Тернополь, который Гитлер называл «воротами в Рейх», были одними из самых напряженных в истории войны.

«Мы подбили немецкий танк, но второй выстрелил и попал в нас, — рассказывает Головин. — Меня контузило, я потерял сознание. Когда очнулся, увидел, что все члены экипажа, кроме меня — а это три чело-

века — мертвы. Выбрался из машины и отполз в какой-то окоп. Почти сразу после этого танк взорвался. Следом за мной в окоп спрыгнул наш автоматчик и бросился на меня, приняв за немца. Так вцепился в горло, что я чуть Богу душу не отдал. Едва хватило сил прохрипеть, что я свой. Он меня отпустил. Извини, говорит, браток, ошибся...»

Летом 1944 года Николай Дмитриевич участвовал в Львовско-Сандомирской операции, освобождал Львов. В ходе ожесточенных боев его танк был подбит. «Я тогда получил ранение в голову и потерял сознание, — продолжает свой рассказ ветеран. — Но все равно можно сказать, что повезло. Во-первых, танк не загорелся, и меня вытащили. Перевязали голову, нахлобучили шлем и на танке отвезли в полевой госпиталь. Очнулся я уже после операции. Медсестры говорили, что мне повезло во второй раз, потому что в этот день в госпиталь из Москвы приехал с проверкой хирург. А меня положили в коридоре, где я ждал очереди на операцию. Хирург проходил мимо и увидел на моем комбинезоне два ордена Отечественной войны второй степени, орден Славы третьей степени, значок «Отличный танкист» и знак «Гвардия». Доктор тут же приказал подготовить меня к операции, которую сам и сделал. Все прошло успешно».

После госпиталя Головин вернулся в строй и получил свой четвертый по счету танк. Вместе с корпусом он с боями прошел Польшу и вступил на территорию Германии.

«Всего за время войны у меня было шесть танков, — говорит он. — Шестой наш экипаж получил в феврале сорок пятого от челябинских комсомольцев. Мы подбили на нем 11 танков противника плюс бронетранспортеры, которые не считали. После окончания войны я еще продолжал служить в Германии. В 1949 году в звании гвардии старшины был комиссован и вернулся в родную Керчь».

До 1970 года Николай Дмитриевич работал на Керченской швейной фабрике механиком-наладчиком, потом 25 лет трудился в производственном объединении «Керчьрыбпром». К боевым наградам добавились медаль «За доблестный труд», звание «Ветеран труда» и звание полковника запаса. «Моя супруга Тамара Михайловна в годы войны ухаживала за ранеными в госпиталях, — рассказывает Головин. — Познакомились мы уже после войны. Прожили вместе 69 лет, вырастили и воспитали двоих детей, помогли растить троих внуков и четверых правнуков».

В 2014 году Николай Дмитриевич, как и подавляющее большинство крымчан, всем сердцем поддержал воссоединение Крыма с Россией. «За Победу мы заплатили дорогую цену, — говорит Головин. — На фронте я потерял многих друзей, многие умерли после войны. С каждым годом ветеранов все меньше. Но те, кто жив, остаются в строю до конца».

75
ПОБЕДА!
1945-2020

**КРЫМ:
ВОЙНА,
ПОБЕДА,
ПАМЯТЬ**

Моряки-черноморцы внесли огромный вклад в победу над фашизмом

Иван Юрьев с «Беспощадного»: без пощады к фашистам

«Когда я услышал по радио слова Вячеслава Михайловича Молотова «Товарищи, сегодня в четыре часа утра фашистская Германия вероломно, без объявления войны, нарушив государственную границу СССР, напала на нашу Родину», у меня как будто на мгновение остановилось сердце, — вспоминает симферополец Иван Андреевич Юрьев. — Нет, страха не было, было предчувствие того, что победа потребует от нас огромных жертв».

Войну восемнадцатилетний выходец из бедной крестьянской семьи встретил на родине, в Ставропольском крае, в селе Круглолесском. Через несколько дней военкомат направил парня в школу фабрично-заводского обучения в городке Георгиевске. Знаменитое выступление Сталина по радио 3 июля, начавшееся словами «Товарищи! Граждане! Братья и сестры!..», Иван слушал уже там, не сомневаясь, что Гитлер повторит судьбу Наполеона и других захватчиков. Давно известно: «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет».

После окончания школы ФЗО Иван получил специальность токаря третьего разряда и был направлен на работу на Севастопольский морской завод имени Серго Орджоникидзе. К тому времени немцы как раз подошли к городу — началась вторая героическая оборона.

«Фашисты бомбили и обстреливали днем и ночью, ежедневно нам на голову сыпались тысячи снарядов, — вспоминает Юрьев. — Работать стало совершенно невозможно, и командование Черноморского флота приняло решение эвакуировать завод в Туапсе».

Нужно было сначала демонтировать под бомбежкой более двадцати крупных цехов, а потом собрать и запустить их на новом месте. В конце октября теплоход «Грузия», груженный людьми и оборудованием, взял курс на Кавказ. В Туапсе завод работал круглосуточно — в две смены по двенадцать часов каждая, ремонтировал корабли Черноморского флота.

В июле 1942 года, после падения Севастополя, фашисты устремились на Северный Кавказ, заняли Ростов, Краснодар, Ставрополь, Армавир, подошли к Туапсе. В этих условиях командование флота решило эвакуировать стратегически важный завод, обеспечивавший боеспособность кораблей, еще дальше — в Поти и Батуми.

Однако Иван и его друзья, имея бронь, все равно рвались на фронт, туда, где решалась судьба страны. Батумский военкомат направил добровольцев в Учебный отряд Черноморского флота, который находился в небольшом городке Махарадзе. После его окончания Юрьев получил специальность машиниста и вместе с другими выпускниками — Виктором Ажниным, Виктором Рыбкиным, Николаем Макушенко — был направлен служить на эсминец «Беспощадный».

Там ему суждено было принять участие в одном из самых трагических боев советских кораблей в годы Великой Отечественной войны, в котором погибли лидер «Харьков» и эсминцы «Беспощадный» и «Способный». В ночь с 5 на 6 октября 1943 года наши корабли вышли из Туапсе для нанесения ударов по Феодосии и Ялте. Однако эсминцы были обнаружены самолётами-разведчиками противника и вынуждены были попытаться вернуться в базу. «Харьков» ограничился обстрелом Ялты и также лег на обратный курс. Увы, в результате мас-

сированных налетов фашистских бомбардировщиков все три корабля были потоплены. Погибли 780 моряков.

«Я встретил на «Беспощадном» своего односельчанина Ивана Бешкорева. Он попал на корабль годом раньше. Защищал Новороссийск, был ранен, вернулся в строй, — вспоминает Юрьев. — Когда прилетели «юнкеры», Ваня сказал: «Кто останется жив, пусть сообщит родителям». Я ответил: «Не надо об этом думать». «Хорошо», — откликнулся Бешкорев и пошел в котельную. Через несколько минут туда попала бомба».

«Мы были молоды и, конечно, хотели жить, любить, хотели дожить до Дня Победы, но в то же время каждый из нас готов был погибнуть за Родину», — говорит Юрьев.

Когда «Беспощадный» пошел ко дну, Иван прыгнул в воду и стал отплывать в сторону. Корабль скрылся под водой, на его месте образовалась воронка, которая засасывала плавающих матросов. Неожиданно кто-то запел песню: «Раскинулось море широко, и волны бушуют вдали...»

«Наступила ночь, я никуда не плыл, держался на воде, лег на спину, на живот, — продолжает свой рассказ Иван Андреевич. — Надежда была только на то, что на помощь придет какой-то корабль или катер. Начала всходить луна, огромный шар вышел из-за горизонта, на поверхности воды появилась усеянная красивыми блестками лунная дорожка. Я думал о родине, о маме — знала бы она, где я тогда находился».

В конце концов Иван увидел пробковый матрас, на котором держались четыре матроса с «Беспощадного». Присоединился к ним. Спустя какое-то время двое не выдержали, утонули.

«Я провел в воде уже много часов и боялся, что могу потерять сознание от усталости, — говорит Юрьев. — И тут вдруг Николай Макушенко крикнул: «Катер!» Мы тоже начали кричать, махать руками. Номер этого катера — «СК-235» остался в моей памяти на всю жизнь.

Иван Юрьев стоит второй слева.

Матросы подали мне багор, я в него вцепился и... потерял сознание. Очнулся через несколько часов в машинном отделении».

Закончилась война. Прошли годы. В Севастополе на Приморском бульваре установили мемориал защитникам города-героя, кораблям Черноморского флота, воинским частям, отличившимся в боях за Севастополь. Среди имен кораблей и частей в граните на мраморной плите есть и имя эскадренного краснознаменного эсминца «Беспощадный».

«Я горжусь, что мне выпало счастье принимать участие в боевых походах эскадренного эсминца «Беспощадный», — говорит Иван Андреевич. — Он совершил более 120 боевых выходов и одним из первых на Черноморском флоте был награжден орденом Боевого Красного Знамени».

В 1952 году Николаевский судостроительный завод построил новый эсминец «Беспощадный», который вошел в состав Черноморского флота. А в 1980 году к Юрьеву в Симферополь приехал офицер с этого корабля и пригласил в День Военно-морского флота выступить перед личным составом. С тех пор Иван Андреевич иногда приезжал на корабль, пока тот наконец не был списан по возрасту и порезан на металлолом в Севастополе.

Однако вернемся пока назад, в героический 1943-й год. После спасения с затонувшего «Беспощадного» приказом командующего флотом адмирала Филиппа Октябрьского Юрьеву предоставили двухнедельный отпуск. «От радости меня бросило в жар, — вспоминает он. — Приехал на станцию Курсовка, кругом все разрушено, следы немецкой оккупации. Прошагал сорок километров пешком до родного села Круглолесское, зашел в свой крестьянский домик. Мама, увидев меня, села, потом, подбежав, обняла, плачет, целует, и у меня тоже выступили слезы».

После короткой побывки дома Иван продолжил службу на сторожевом корабле «Шторм». Во время войны «Шторм» совершил 270 бо-

евых выходов, сопровождал 164 судна, произвел 23 обстрела позиций противника. 11 мая 1944 года, в день, когда советские воины добивали под Севастополем последних фашистов на крымской земле, в результате взрыва на «Шторме» оторвало корму. «Как будто ножом отрезало, — говорит Иван Андреевич. — Погибли все, кто там находился. В том числе юнга, для которого это был первый и последний выход в море».

Точная причина катастрофы так и осталась неизвестной. По одной из версий, корабль настигла немецкая акустическая торпеда, по другой, он подорвался на якорной mine. Буквально за несколько минут до взрыва Юрьев, который отдыхал на корме после ужина, попросили подменить в машинном отделении матроса Вячеслава Чедаева. Это спасло ему жизнь.

После гибели «Шторма» Иван попал на эсминец «Бойкий». Память ветерана сохранила еще одно событие — возвращение эскадры Черноморского флота в Севастополь. «Третьего ноября 1944 года корабли Черноморского флота вышли из Батуми и Потти и взяли курс на Севастополь, — вспоминает Юрьев. — Вымпел командующего, адмирала Филиппа Октябрьского, находился на линкоре «Севастополь». Пятого ноября корабли вошли в створ Инкерманского маяка. Первым в город зашел гвардейский крейсер «Красный Крым», затем другие корабли и среди них наш эсминец «Бойкий». Корабли были еще далеко в море, а севастопольцы уже заполнили Графскую пристань и Приморский бульвар, чтобы встретить возвращавшихся моряков. Играла музыка, и, кажется, не было предела счастью».

Вскоре после этого Юрьева отправили учиться на младшего командира. День Победы он встретил в Севастополе в учебном отряде. «Дневальный разбудил нас, курсантов, 9 мая в четыре часа утра, сразу после того, как по радио передали сообщение о капитуляции фашистской Германии. Все выскочили на улицу. Со всех кораблей, со всех батарей береговой обороны высоко в воздух взлетели ракеты,

люди обнимали друг друга, в воздух летели бескозырки», — рассказывает Иван Андреевич.

После победы он продолжал служить на флоте. Стал старшиной первой статьи, командиром машинной группы на тральщике ТЩ-917. Тралить оставшиеся после войны минные поля приходилось днем и ночью — в районе Севастополя, под Одессой, у мыса Тарханкут, у берегов Болгарии и Румынии. «Месяцами не заходили в порт, — вспоминает Иван Андреевич. — Трaлили день, а если ночи были лунными, то и ночь, чтобы наши кораб-

ли могли свободно ходить по Черному морю».

Наконец, наступил долгожданный день демобилизации. Восемь лет, более трех тысяч дней срочной службы остались позади. Юрьев решил остаться в Севастополе, чтобы восстанавливать город. «Сердце начинает биться, когда вспоминаю послевоенный город. Ни одного целого здания. Одни руины, и посреди них живут люди, — говорит он. — Оглядываясь назад, диву даешься тем объемам работы, которая была выполнена, чтобы поднять Крым из руин после Великой Отечественной войны. Просто представьте себе. К апрелю 1944 года население Крыма катастрофически сократилось, 85 тысяч крымчан

были вывезены в Германию, более 90 тысяч человек — расстреляны. Лежали в руинах 127 населенных пунктов. Более 300 крупных предприятий, более 17 тысяч административных зданий, 22917 жилых домов, разграблено 15 музеев, 590 клубов, 347 больниц, 315 школ и детских садов. Ущерб, нанесенный фашистами Крыму, исчислялся десятками миллиардов рублей в ценах 1940 года».

«Никогда не забуду трудности военных лет, нечеловеческое напряжение и массовый героизм нашего поколения, радость одержанных побед, — говорит ветеран. — Сколько лет живем без войны, а все эти годы помним о ней. Каждый ее день, от первого до последнего, от Бреста до Берлина. Помним каждого, кто отдал самое дорогое, что у него было, — жизнь. Весь мир был изумлен подвигом советских солдат. Даже Черчилль, который не отличался большой симпатией к России, писал Сталину: «Будущие поколения будут считать себя в долгу перед Красной армией столь же безоговорочно, как и мы, которым довелось быть свидетелями великолепных подвигов». Увы, сегодня грустно видеть, как в некоторых странах идут постыдные, унижительные кампании по переписыванию истории, по оправданию предателей и военных преступников всех мастей, уничтожаются памятники советским воинам-освободителям, переименовываются улицы, площади и города. Уверен, у этих стран нет будущего, потому что они плюют в свое прошлое».

**КРЫМ:
ВОЙНА,
ПОБЕДА,
ПАМЯТЬ**

9-й гвардейский истребительный
авиационный полк, Сталинград

Хана немцам от Амет-Хана Султана!

Однажды Амет-хан Султан нашел на аэродроме глянцевую фашистскую листовку с фотографиями увешанных орденами самодевольных гитлеровских асов. Под портретом каждого немецкого летчика указывалось, сколько советских самолетов он сбил.

«Надо же! Большинство — графы да бароны, — усмехнулся, увидев это изделие фашистского агитпропа, командир 9-го гвардейского авиационного полка Анатолий Морозов. — Если их листовка — это вызов на воздушную дуэль, придется нам тебя, Амет, на это дело уполномочить».

«Почему меня?» — не понял командира Амет-Хан.

«Так ведь больше никому! — продолжал, уже смеясь, Морозов. — В полку у нас все больше Иваны да Степаны. А против фондов да баронов надо выставить летчика знатного происхождения. Вот тут-то ты и подходишь! С одной стороны, хан, можем сказать немцам: потомок

крымского хана. А с другой, ты к тому же еще и Султан. Так что ты, Амет, аристократическим происхождением их даже перекрыл!»

«Ну, хана тогда фашистским асам! — под общий смех ответил Амет-хан. — Согласен с вашим предложением, товарищ командир полка! Принимаю их вызов на воздушную дуэль!»

За годы войны Амет-Хан Султан самостоятельно сбил 30 вражеских самолетов и еще 19 — в группе. Секрет мастерства от летчика выглядел «просто»: «Ищи гитлеровца везде. Нашел — бей его и лети дальше».

«Никогда не робел Амет-Хан перед неприятелем, даже если он в несколько раз превосходил численностью отряд его самолетов. Он побеждал врага изобретательностью, хитростью, бесстрашием», — характеризовал своего боевого товарища дважды герой Советского Союза Владимир Лавринков.

Амет-Хан Султан родился 25 октября 1920 года в Алушке. Его отец — лакец, родом из горного дагестанского аула Цовкра, осел в Крыму еще до революции, мать — крымская татарка.

«Был у меня знаменитый друг, дважды герой Советского Союза Амет-Хан Султан. Отец у него дагестанец, а мать татарка. Жил он в Москве. Дагестанцы его считают своим героем, а татары — своим. — Чей же ты? — спросил я его однажды. — Я герой не татарский и не лакский, — ответил Амет-Хан. — Я — герой Советского Союза. А чей сын? Отца с матерью. Разве можно их отделить друг от друга? Я — человек», — описал свою встречу с летчиком Расул Гамзатов.

Память о герое бережно хранят у него на родине, в маленькой субтропической Алушке, в музее Амет-Хана Султана. У входа — макет самолета «Ла-5», одного из основных советских истребителей периода Великой Отечественной войны, на котором летал Амет-Хан. Макси-

мальная скорость — 648 км/ час. Дальность полета — 765 км. Практический потолок — 11 км. Стрелковое вооружение — две 20-миллиметровые автоматические пушки, из которых и громил фашистов Султан.

Тефиде Усеиновна Мухтерем начала работать над созданием музея в 1992 году. 26 февраля 1993 года в городском Доме культуры состоялось открытие первой собранной ее руками постоянно действующей экспозиции об Амет-Хане. Позже, в 1999 году, музеем передано здание-памятник XIX века, в котором он сегодня и располагается. Тефиде Усеиновна рассказывает о детстве и юности летчика. Вот фотографии дома, в котором рос Султан. Собственно, его можно увидеть не только на фото, но и воочию. Отчий дом летчика по-прежнему стоит на улице Кузериных, 4 (раньше — Харабаирский переулок, 6).

После окончания семи классов Амет-Хан уехал в Симфе-

рополь учиться в железнодорожном фабрично-заводском училище, но его призванием стали не поезда, а самолеты. Первые уроки летного мастерства Султану преподавал инструктор Симферопольского аэроклуба Петр Мефодьевич Большаков. Ну а потом была прославленная Качинская Краснознаменная военная авиационная школа, где наш герой учился на одном курсе с Василием Сталиным.

«Они хорошо знали друг друга», — говорит Мухтерем, показывая выставку на первом этаже музея, которая так и называется: «Качинцы — соратники Амет-Хана Султана. Они сражались за родину». Экспозиция рассказывает об истории Качинской школы, среди выпускников которой 369 героев, тринадцать дважды героев и один трижды герой Советского Союза — Александр Покрышкин.

Свой первый Орден Красного Знамени Амет-Хан получил тяжелой осенью 1941-го, еще не сбив ни одного фашистского самолета — за разведывательные полеты. Потом он будет награжден еще четырнадцатью боевыми наградами, среди которых две Золотые звезды Героя Советского Союза, три ордена Ленина, орден Александра Невского, два ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны I степени, четыре медали.

«Первый вражеский самолет Амет-Хан сбил 31 мая 1942 года в небе над Ярославлем», — рассказывает Тефиде Усеиновна. Расстреляв в суматохе весь боекомплект, совсем еще юный, горячий, как крымское солнце, летчик протаранил фашистский «юнкерс», готовившийся сбросить бомбы на мирный советский город, а сам чудом успел катапультироваться.

Тефиде Усеиновна Мухтерем начала работать над созданием музея в 1992 г.

Спустя несколько дней Амет-Хана пригласили в Ярославль и привезли на центральную площадь, где на всеобщее обозрение были выставлены останки протараненного «юнкерса». В 2015 году в деревне Дымокурцы, над которой летчик совершил свой подвиг, был установлен памятный знак.

Среди экспонатов музея в Алушке есть фотография знаменитого французского летчика из эскадрильи «Нормандия-Неман» Франсуа де Жоффра. «Знаете ли вы, что такое таран? Это наивысшая форма самопожертвования русского летчика, который, израсходовав полностью боеприпасы, устремляется на вражеский самолет и ударяет его своей машиной, — объяснял де Жоффр изумленным мужеством наших летчиков европейцам. — В девяноста случаях из ста — это неминуемая гибель. Амет-Хану повезло, и он остался жив...»

Открыв тараном свой лицевой счет, Амет-Хан принялся щелкать фашистские самолеты уже из пушек. За три следующих месяца он сбил шесть самолетов противника и был зачислен в легендарный 9-й гвардейский истребительный авиационный полк, из которого вышли 28 героев и четыре дважды героя Советского Союза — Амет-Хан Султан, Павел Головачев, Алексей Алелюхин и Владимир Лавриненков.

На боевой машине Амет-Хана, кроме многочисленных звезд за сбитые фашистские самолеты, красовался еще и горный орел — разрешение на это ему дал командующий 8-й воздушной армией генерал Тимофей Тимофеевич Хрюкин.

«Настоящий истребитель! Бьет фашистов, как орел!» — охарактеризовал как-то Амет-Хана его комполка Лев Шестаков.

«Ничего удивительного, — пошутил в ответ комиссар Николай Верховен. — Амет-то наш родился в Крыму, у подножия горы Ай-Петри. Так что горных орлов видел с детства».

Вновь увидел родные места Амет-Хан весной 1944 года, в дни освобождения полуострова от фашистов. 8 апреля войска 4-го Украинского фронта начали штурм вражеских укреплений в Крыму со стороны Сиваша и Перекопа. С воздуха их действия поддерживали части 8-й воздушной армии, в рядах которой сражался и Амет-Хан.

После Сталинграда он не помнил таких ожесточенных воздушных боев, какие развернулись над Севастополем. Гитлеровцы защищали свой последний бастион в Крыму, не считаясь ни с какими потерями. В небе над городом русской славы Амет-хан сбил «фоккер» и, опьяненный радостью победы, слетал взглянуть на уже освобожденную Алушку.

После изгнания фашистов из Севастополя комэску Амет-Хану Султану и его орлам дали несколько дней отдыха, и он с товарищами отправился в гости к родителям. К несчастью, радость свидания оказалась омрачена трагедией. Вместе с другом-однополчанином Павлом Головачевым Амет-Хан стал свидетелем депортации крымских татар 18 мая 1944 года. Родителей героя, к счастью, в результате заступничества Хрюкина не тронули. Больше того, Тимофей Тимофеевич приютил их у себя на родине — в Краснодарском крае, в станице Приволжской, а вскоре после войны отец и мать Амет-Хана вернулись домой, в Крым. Крымско-татарскому народу возвращения на родину, увы, пришлось ждать еще долгих 45 лет, пока 14 ноября 1989 года Верховный Совет СССР не принял Декларацию, в которой признал незаконными и преступными акты насильственного переселения народов.

Устроив родителей на Кубани, Амет-Хан продолжил бить фашистов. Свой последний гитлеровский самолет он сбил в небе над Берлином 29

апреля 1945 года. Командир 9-го гвардейского истребительного авиационного полка, дважды Герой Советского Союза Владимир Лавриненков написал в наградном листе Амет-Хана: «Товарищ Амет-Хан Султан отличный летчик-истребитель, полностью овладевший мастерством ведения воздушного боя, по праву считается одним из лучших асов полка. Виртуозно владея самолетом, умело используя высокие летно-тактические данные истребителя, хорошо изучив слабые стороны гитлеровских летчиков, зная уязвимые места техники противника, Амет-Хан Султан одержал над врагом 30 воздушных побед. За проявленную храбрость и героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, за успешное проведение 603 боевых вылетов, за лично сбитые 30 самолетов противника разных типов, за 19 самолетов врага, сбитых в групповых воздушных боях, товарищ Амет-Хан Султан достоин присвоения звания дважды Герой Советского Союза».

Вторую Золотую звезду Амет-Хан получил в августе 1945 года. После войны летчик поступил в Военно-воздушную академию в Монино, но вскоре отчислился по собственному желанию. Благодаря боевым друзьям Амет-Хан стал летчиком-испытателем Летно-исследовательского института в Жуковском. Это была его стихия. За 24 года работы в институте Амет-Хан испытал более ста летательных аппаратов.

Пожалуй, самая яркая страница этого этапа его биографии — испытания в 1951-1953 году в Крыму, в Багерово, пилотируемого аналога самолета-снаряда КС («Комета»). За проведение этих испытаний Амет-Хану Султану в 1953 году была присуждена Сталинская премия. Самолет-снаряд КС-1 «Комета» также установлен у входа в музей в Алушке.

25 октября 1970 года Амет-Хану Султану исполнилось 50 лет. За праздничным столом его старый фронтовой друг Павел Головачев наполовину в шутку, наполовину всерьез заметил: «Амет, в 25 лет ты стал дважды героем Советского Союза. После войны еще 25 летаешь испы-

тателем. Посмотри на своих однополчан — многие из нас уже отлетались. Нашлась для нас работа и на земле. Не пора ли и тебе опуститься, так сказать, на грешную землю?»

«Знаешь, Папа, еще в детстве я слышал от отца одну горскую притчу. Когда старый орел предчувствует приближение смерти, он из последних сил рвется ввысь, поднимается как можно выше. А потом складывает крылья и летит камнем на землю. Поэтому горные орлы умирают в небе — на землю они падают уже мертвые...» — ответил Амет-Хан.

Он погиб несколько месяцев спустя, 1 февраля 1971 года, при выполнении испытательного полета на летающей лаборатории Ту-16. Навсегда улетел из жизни, как сказал о летчиках другой отважный пилот Антуан де Сент-Экзюпери. Улетел, сжимая в руках штурвал самолета, чтобы навсегда остаться в истории авиации. «Пустыми стали небеса», — написал после гибели Амет-Хана поэт Сеит-Умер Эмин.

В октябре нынешнего года в Крыму будут торжественно отмечать сто лет со дня рождения Амет-Хана Султана. Тефиде Усеиновна Мухтерем надеется, что эти торжества сможет посетить живущая в Москве единственная внучка героя Вероника Амет-Хан и его маленький правнук Архип Амет-Хан. Как знать, может быть, став взрослым, он пойдет по стопам своего легендарного прадеда.

75

ПОБЕДА!
1945-2020

КРЫМ:
ВОЙНА,
ПОБЕДА,
ПАМЯТЬ

Экипаж знакомится
с боевым заданием

«Боевая подруга»: любовь, месть и вечность

Ее жизнь похожа на остросюжетный боевик. В этой жизни есть все, что необходимо для «звездного» сценария, обеспечивающего оглушительный успех картины. Трогательная история любви. Трагическая история гибели любимого человека. История мести за любимого. Наконец, история фантастической женщины, преодолевающей немислимые препятствия, невзгоды и трудности. И, конечно, есть захватывающий, героический военный «экшн», который оглушает грохотом взрывов, обжигает и ослепляет пламенем горящего металла, невыносимой боли и неудержимой, праведной ярости.

Вот только «хэппи энда», по крайней мере, в его голливудском понимании, здесь нет. Нет никаких слащавых сцен с объятиями и всеобщим ликованием на фоне финальных титров. Зато есть бессмертие. Именно туда, в недостижимую для смертных вечность, ушла главная героиня. Ее, как и весь наш народ, вел через огонь страшной войны своими непостижимыми путями главный «сценарист» и «режиссер» истории человечества — Бог. И только там, в вечности, за пределами этого мира, раскроется конечный замысел Его грандиозного «сценария».

Имя нашей «главной героини» — Мария Васильевна Октябрьская,

в девичестве Гарагуля. Герой Советского Союза. Уроженка Крыма — небольшого села Кият Перекопского уезда Таврической губернии (ныне село Ближнее Красногвардейского района).

В пособиях для начинающих сценаристов сказано, что краткое содержание качественного сценария должно укладываться в «прокрустово ложе» нескольких слов. Так, чтобы условная тетя Лида на лавочке у подъезда могла легко и быстро пересказать сюжет фильма условной тете Кате. Если это не получается, значит, сценарий либо еще «сырой» и над ним надо работать, либо плохой, и его надо выбросить в корзину.

В нашем случае все подходит идеально. Простая девушка Мария вышла замуж за военного, а когда фашисты убили любимого, она решила за него отомстить. Продала все, что у нее было, и на эти деньги построили танк, который девушка назвала «Боевой подругой». Выучившись на танкиста, она громила врагов и погибла в бою смертью храбрых.

Очень красивая и очень трагическая история, которая не может оставить равнодушным никого.

«Для нас это живая семейная история, которую мы знаем с детства, — рассказывает Анна Кондратьева, правнучка двоюродного брата Марии Октябрьской Ивана Елисеевича Гарагули. — Дедушка очень гордился сестрой, говорил, что у нее была нелегкая судьба, ведь Мария Васильевна выросла в большой семье, и жили они очень бедно. А еще, по словам дедушки, она была большая модница, хозяйюшка и рукодельница».

Сын Анны Дмитрий не только знает историю семьи, но и изучает историю Второй мировой войны. Каждый год он принимает участие в шествии Бессмертного полка, мечтает стать историком.

Дима учится в 11 классе джанкойской школы №7, которой в 2019 году присвоено имя Марии Октябрьской. Во дворе школы установлен бюст прославленной землячки, изготовленный в рамках проекта «Аллея российской славы». Есть уголок памяти, посвященный Марии Васильевне, в котором хранится летопись ее жизни и подвига.

«Инициатива присвоить школе имя Октябрьской принадлежит нашему директору Лилии Сергеевне Добренькой, — рассказывает педагог-организатор Ольга Горецкая. — В советские времена в нашей школе была пионерская дружина, которая носила ее имя. Мы и сегодня ведем большую работу по патриотическому воспитанию, стараемся, чтобы она была живой и неформальной. В зоне нашего внимания находятся ветераны Великой Отечественной войны, одинокие престарелые жители микрорайона, которым ребята оказывают посильную помощь. Кто в огороде помогает прибрать, кто просто добрым словом и вниманием поддерживает, что пожилым людям тоже очень необходимо. Поздравляем наших ветеранов не только 9 мая, но и на новый год, 23 февраля, 8 марта, в День пожилого человека».

Для восьмиклассницы Ксении Старчеус тема войны тоже имеет семейное измерение. «Мой дедушка, Иван Степанович Богданов, ушел на фронт в 16 лет, приписав себе два года, был ранен, — рассказывает она. — К сожалению, он умер в прошлом году. Дедушка всегда был очень позитивный, несмотря даже на то, что сильно болел в последние годы».

Ксения пишет работу о Марии Октябрьской на краеведческий конкурс «Крым — наш общий дом». К сбору материалов девушка подошла фундаментально: проконсультировалась с историками и краеведами, направила запросы не только в крымские архивы, но и в гимназию в Томске, которая тоже носит имя Октябрьской. Ведь именно в этот город была эвакуирована наша героиня вместе с семьями других красных командиров на следующий день после начала войны.

Вот полученная Ксенией справка из Государственного архива Республики Крым, в которой содержится выписка из метрической книги церкви поселка Таганаш Перекопского уезда за 1902 год. В этом документе — даты рождения и крещения Марии: 21 и 28 июля 1902 года. Она была, по разным данным, то ли старшим, то ли вторым ребенком из десяти детей в бедной крестьянской семье.

Глинобитная мазанка, вечная нехватка пресной воды, испокон веков характерная для Северного Крыма... Правда, родители смогли дать дочери образование — шесть классов школы. Потом были революция, Гражданская война, смерть матери от тифа, работа в Симферополе на консервном заводе, потом — телефонисткой. Одним словом, классический архетип «Золушки», кочующий в разных видах по сотням и тысячам сценариев. И неизбежно вызывающий сочувствие и симпатию зрителя. И, конечно, по законам жанра, крымская «Золушка» нашла своего принца на белом коне. Им стал комиссар кавалерийского полка Илья Федотович Рядненко, уроженец Полтавской губернии, направленный на учебу в Крым, как говорят, с подачи самого Котовского.

Влюбленные оформили свой брак в конце 1925 года. Объединенные не только любовью, но и идеями строительства нового сияющего мира, супруги взяли новую фамилию: Октябрьские.

Мария была верной и преданной женой, настоящей боевой подругой красного командира. Она научилась водить машину и скакать на лошади, метко стрелять и оказывать первую медицинскую помощь, метала ядро и диск, овладела профессией телеграфиста. Участвовала в художественной самодеятельности, занималась вышиванием и отличалась отменным вкусом.

Вот только Господь не дал молодым супругам детей. И Мария отдавала нерастрченную материнскую любовь своему племяннику, сыну младшей сестры Юрику.

В 1940 году Октябрьские переехали в Кишинев, куда перевели Илью Федотовича. В январе 1941-го он уехал на курсы политсостава в Москву. Так супругов и застала война — его в Москве, ее — в Кишиневе...

Марию эвакуировали в Томск. Она ждала вестей от мужа, но их не было. О том, что Илья был убит еще в августе 1941-го и похоронен в Киеве, наша героиня узнала только год спустя — на излете лета 1942-го. В похоронном извещении было сказано, что муж погиб, «проявив мужество и героизм»...

В школьной летописи подвига Марии Октябрьской — вырезки из старых газет, цитаты из архивных документов, книг и писем, записанные старательным детским почерком.... Так и видишь, как это читает юная девушка или молодой человек: трое суток Мария пролежала лицом к стене, скошенная, как пулеметной очередью, страшным известием. Потом пошла в военкомат проситься на фронт. Ей отказывали, она шла снова и снова...

«Ты, как я вижу, собираешься на фронт, — писал брат, не разделявший ее рвения. — Дело благородное и далеко не легкое. Для этого надо здоровье, а с твоими болячками мой совет — сидеть и нянчить Юрика. Я понимаю, что тебе тяжело перенести эту утрату, но и ты пойми, что ты много беды этим гадам не сделаешь». Но она уже все для себя решила. Решила, что соберет деньги на постройку танка и будет на нем бить врага. После работы ночами занималась рукоделием, а вырученные от продажи работ деньги откладывала. Все, что еще можно было продать, отнесла на базар.

Вот строки из письма сестре: «Дуся! Я прошу денег: 5000 рублей. Продай мой крепдешин, черное креп-жоржетовое платье, плюшевую дорожку, одеяло, костюм Илюши. Мне нужны деньги до зарезу». В итоге удалось собрать 50 тысяч рублей, которые Мария отнесла в банк, а квитанцию отправила в Москву вместе с телеграммой на имя Сталина.

Текст телеграммы был приведен в газете «Красная звезда» от 5 марта 1943 года: «В боях за Родину погиб мой муж — полковой комиссар Октябрьский Илья Федотович. За его смерть, за смерть всех советских людей, замученных фашистскими варварами, хочу отомстить фашистским собакам, для чего внесла в госбанк на построение танка все свои личные сбережения — 50 000 рублей. Танк прошу назвать «Боевая подруга» и направить меня на фронт в качестве водителя этого танка. Имею специальность шофёра, отлично владею пулемётом, являюсь Ворошиловским стрелком. Шлю Вам горячий привет и желаю здравствовать долгие, долгие годы на страх врагам и на славу нашей Родины».

И Верховный главнокомандующий ответил — по-сталински лаконично: «Благодарю Вас, Мария Васильевна, за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии. Ваше желание будет исполнено. Примите мой привет».

В мае 1943 года Марию Васильевну зачислили в Омское танковое училище, где она училась на механика-водителя боевой машины. Опасаясь, что могут не принять из-за возраста, она «омолодила» себя на три года — написала в документах, что ей 38. А спустя пять месяцев успешно сдала экзамены и получила звание сержанта.

В экипаж боевой машины, вместе с Октябрьской вошли молодые выпускники того же училища, которых она называла сынами. Это командир танка, младший лейтенант Петр Чеботько, башенный стрелок Геннадий Ясько, стрелок-радист Михаил Галкин.

В октябре 1943-го «Боевая подруга» вместе со своим экипажем отправилась под Витебск. Свой первый бой Мария и ее товарищи приняли

под Новым Селом, которое представляло собой отлично укрепленный немцами оборонительный рубеж. Его предстояло взять штурмом.

В этом первом бою экипаж уничтожил три противотанковых орудия и около 30 солдат противника. Однако танк был подбит и потерял ход, а Мария Васильевна получила осколочное ранение. Тем не менее, экипаж на протяжении трех суток, под обстрелом врага, продолжал прикрывать огнем нашу пехоту. В итоге поставленная командованием задача была выполнена.

На странице школьной летописи — строки из письма Марии сестре: «Можете за меня радоваться. Получила боевое крещение. Бью гадов так, что от злости не вижу света. Немец проклятый население сжигает. Особенно дети мне всю душу выматывают. Царит смерть. А наш танк был подбит в бою. Трое суток стояли под шквалом огня. Простилась с Юрой. Шансов на встречу очень мало, просто их нет. Но если будем живы, встретимся где-нибудь в Сочи. На курорте. Это я ребятам говорю в самые тяжелые минуты. Миша и Гена — настоящие львы. Как я им обязана! Я их усыновлю после войны, если живы будем. Больно до слез — враг разбил такую жизнь!»

За свой первый бой Октябрьская получила орден Отечественной войны I степени. Награду отважной женщине вручали в госпитале.

В середине января 1944 года «Боевая подруга» в составе танкового батальона участвовала в операции в районе железнодорожной станции Крынки в Витебской области. В ходе боя в танк попал вражеский снаряд, повредив гусеницу. Экипаж пытался починить машину, но немцы после короткого затишья снова открыли по огню по потерявшей ход машине. Осколок снаряда попал Марии в голову...

«17 января 1944 года в районе совхоза «Крынки» тов. Октябрьская участвовала в атаке, — гласят сухие строки наградного листа. — Гусеницами своего танка раздавила два противотанковых орудия с прислугой. В бою танк был выведен из строя огнем противника.

Экипаж
«Боевой подруги»

Тов. Октябрьская, проявляя героизм, под сильным артиллерийским огнем противника восстановила танк, но была тяжело ранена».

Женщина, которая чинит гусеницу танка среди разрывов мин и снарядов. Почему она, если рядом трое мужиков? Потому что у каждого в бою своя задача, которую надо выполнять, чтобы у всего экипажа был шанс на выживание, а у подразделения — на победу. Стрелок должен стрелять по врагу, а механик-водитель — обеспечивать подвижность машины. Если есть возможность, то, конечно, помогут, но только если она есть. Безжалостная правда войны без сантиментов...

Врачи, несмотря на все усилия, не смогли спасти жизнь Марии Октябрьской. Она скончалась 15 марта 1944 года во фронтовом госпитале в Смоленске и была похоронена в городском Сквере памяти героев с воинскими почестями. Звание Героя Советского Союза ей присвоили посмертно. А «Боевая подруга» — точнее, четвертый по счету танк с таким именем — дошла до Кенигсберга.

Финальные титры.

75
ПОБЕДА!
1945-2020

**КРЫМ:
ВОЙНА,
ПОБЕДА,
ПАМЯТЬ**

Наследники Победы

Темнота и черные повязки на глазах. Символы мира без солнца, в котором жили слепые герои этой потрясающей по своему драматизму и эмоциональному воздействию истории. И только свет ручных фонариков в руках детей — как свет звезд в ночном небе.

Даже удивительно, насколько точно не профессиональные режиссеры и актеры, а обычные крымские школьники, ученики евпаторийской гимназии имени Сельвинского выбрали средства для того, чтобы донести до зрителя уникальную историю «слепых слухачей» блокадного Ленинграда. Эти слепые воины блокады благодаря своему обостренному, как у многих незрячих людей, слуху, распознавали с помощью специальных звукоулавливателей гул приближающихся фашистских бомбардировщиков за десятки километров и подавали сигнал тревоги. Радаров тогда еще не было, поэтому «слухачи» спасли жизнь тысячам ленинградцев.

Впрочем, описывать словами номер, который во многом построен на визуальном восприятии — дело заведомо проигрышное. Это тот случай, когда лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать или прочитать. Отметим только, что постановка «Слушая небо», подготовленная евпаторийскими школьниками, в 2019 году заняла первое место на республиканском творческом конкурсе «Мы — наследники Победы».

Посмотреть ее, равно, как и другие номера, можно на страничке конкурса в социальной сети «ВКонтакте». Кстати, этот проект, как недавно отметила уполномоченный по правам ребенка при президенте России Анна Кузнецова, известен далеко за пределами Крыма.

«Надо, чтобы наши дети не просто знали историю своей страны, но и чувствовали живую, неразрывную связь с этой историей, — го-

ворит создатель проекта «Мы — наследники Победы», руководитель Межрегиональной общественной организации «Русское Единство» Елена Аксёнова. — Если мы в детстве не создадим этот внутренний стержень, не вложим в умы и сердца подрастающего поколения уверенность в исторической правоте нашего народа, то таких молодых людей можно будет легко отправить в Бундестаг произносить речи, написанные теми, для кого вся русская история — сплошной ужас и недоразумение. Кто пытается убедить молодежь в том, что надо было сдать все и вся, чтобы «пить баварское».

Главный секрет успеха проекта «Мы — наследники Победы!», через который за шесть неполных лет прошло уже около ста тысяч детей разных возрастов — искренность, уверена Елена Александровна.

Например, литературно-хореографическая композиция, представленная школьниками младших классов из Бахчисарая, рассказала крымчанам о подвиге юного Нури Абибуллаева, который был связным в партизанском отряде. В конце номера из зала под аплодисмен-

Семейная история Елены Аксёновой, как и у большинства крымчан, связана с историей Великой Отечественной.

«Мой дедушка Степан Андреевич Добрыня был призван в 1944 году из Витебской области, — рассказывает она. — Он дошел до Кенигсберга, был контужен. Награжден медалью «За отвагу», орденом Красной Звезды, орденом Славы третьей степени».

ты поднялся сам 92-летний герой композиции, который в годы войны был ровесником нынешних школьников.

Вот она — живая связь поколений.

А вот еще один номер, на сей раз посвященный связи крымской топонимики с отечественной историей. Школьники из Судака показали номер, посвященный Андрею Хвостову, именем которого названа одна из улиц города. Майор Хвостов в ходе боев за Судак в апреле 1944 года повторил подвиг Гастелло, направив горящий самолет в колонну немецкой техники.

Эта героическая история имеет продолжение: 14 апреля 1966 года, когда город отмечал 22-ю годовщину освобождения, во время перезахоронения останков погибших воинов в одной из братских могил был обнаружен обгоревший орден Красной Звезды. По номеру определили, что этим орденом был награжден Андрей Хвостов. Юные следопыты нашли его родственников в городе Горьком (ныне Нижний Новгород) и завязали с ними переписку. И вот теперь внуки ребят из шестидесятых продолжили эстафету поколений, рассказав о событиях тех лет со сцены.

«Когда дети все это узнают, они персонифицируют историю, связывают ее со своей жизнью, с жизнью своего города, — уверена Елена Аксёнова. — Для них это уже не что-то далекое вроде Куликовской битвы. Они ставят себя на место своих дедов и прадедов, они думают, как бы поступили на их месте, начинают лучше понимать старших».

Каждый год темы конкурса разные. Например, в рамках темы «Мой вклад в Победу» ребята рассказывали о тех, кто трудился в тылу. И одна из девочек пришла с 95-летней бабушкой, которая в годы войны вместе с такими же молодыми девушками вязала для фронта специальные варежки с тремя «пальцами», чтобы бойцам было удобно нажимать на курок. Мастерицы вкладывали в эти варежки записки для солдат с пожеланиями вернуться домой живым, с победой и другими добрыми словами.

«И вот эта бабушка рассказала, что встретила бойца, который получил варежки с ее запиской, — вспоминает Елена Александровна. — Это был очень трогательный момент».

По ее словам, немало обид возникало из-за того, что на конкурс не допускались лауреаты различных песенных и танцевальных конкурсов, в том числе, очень престижных.

«Понятно, что такой маленький профессионал может выйти и спеть «Катюшу» лучше всех остальных, но точно так же он выйдет и споет про весну, про солнышко, про что угодно, — объясняет Елена Аксёнова. — А нам нужно не это, у нас не проект по поиску талантов, для таких детей есть другие конкурсы. У нас просветительский проект, в котором необходима именно история, пропущенная через себя, профессиональное мастерство здесь не играет решающей роли. Это не значит, что лауреаты не могут участвовать в нашем проекте, конечно, могут, но только в составе команды своего класса, своей школы. И, конечно, здесь очень многое зависит от учителей. Формальный подход абсолютно недопустим, любая фальшь сразу чув-

ствуется. Я очень благодарна нашим педагогам, родителям, руководителям образования за такой живой, заинтересованный подход».

Елена Аксёнова признается, что идея проекта навеяна детскими воспоминаниями. «Хорошо помню, как мы стояли на посту номер один у Вечного огня, помню свои чувства. Это важнейший момент, — говорит она. — В Крыму в украинский период очень мало уделялось внимания истории Великой Отечественной войны, в школьной программе все было очень поверхностно, формально и бегом. Я видела это по своим детям. Потому мы решили создать проект, основанный на личных историях. Он стартовал в 2015 году, в канун 70-летия Великой Победы. В первый год участникам конкурса просто нужно было подготовить номер, посвященный конкретному герою войны. Призами стали туристические поездки по Золотому кольцу России, и это тоже не случайно. Нам надо было показать детям нашу огромную страну, Родину, которую они обрели в марте 2014 года».

Сегодня конкурс превратился в мощное патриотическое движение. Дети, учителя, родители стремятся участвовать в нем, от заявок нет отбоя. За один тур Елене Аксёновой приходится просматривать до 700 материалов.

Бывает, что участие в проекте в корне меняет жизнь целых семей.

«Одна из девочек-участниц выиграла поездку в Санкт-Петербург и поехала туда в составе туристической группы, — рассказывает Елена Александровна. — И решила поступать там в университет. Сегодня в Питер уже переехала вся семья. Они говорят: ваш конкурс поменял нашу жизнь. Я им отвечаю — это не мы, а вы ее поменяли».

Аксёнова вспоминает случай, который произошел во время одного из отборочных туров. «Ко мне подошла журналистка и спросила, как мы заставляем детей участвовать в проекте? Я ответила: мы никого не заставляем, можете сами спросить».

И вот она подходит к мальчику лет семи-восьми и спрашивает: а почему ты пришел на конкурс? И этот ребенок отвечает: потому что я Родину люблю!

Я, честно говоря, такого не ожидала. И подумала, что если даже у нас был бы всего один такой мальчик, то все, что мы делаем, уже было бы не зря».

Вечная память
участникам
Великой Отечественной войны.

В память о наших
земляках, погибших в годы
Великой Отечественной войны.
1941-1945гг

**КРЫМ:
ВОЙНА,
ПОБЕДА,
ПАМЯТЬ**

Новый памятный знак
«Участникам Великой
Отечественной войны
1941-1945 годов»
в поселке Научном
Бахчисарайского района

ГЛАВА 18

Живая память

В Крыму около 900 памятников, посвященных событиям Великой Отечественной войны. Все они требуют заботы и постоянного внимания, а многие – реставрации, обустройства прилежащих территорий.

Говорят, что уважительное отношение к памятникам, связанным с историей страны, свидетельствует о нравственном здоровье общества. Крым никогда – даже в самые дремучие украинские годы не забывал своих героев. И это помогло нам выстоять, победить и вернуться домой, в Россию.

Пока на Украине оскверняли и разрушали памятники советским солдатам, спикер крымского парламента Владимир Константинов и его соратники по депутатскому корпусу восстанавливали и ремонтировали их за собственные деньги. Все началось в теперь уже далеком 2011 году, когда Владимир Андреевич увидел в селе Медведево Джанкойского района разрушенный памятник советскому солдату-освободителю, от которого остались только ноги, и предложил своим коллегам восстановить его за свой счет. С тех пор это стало традицией. «Сегодня

Братская могила советских воинов
в с. Перевальном Симферопольского района

таких восстановленных депутатами памятников периода Великой Отечественной войны 16», – говорит первый заместитель главы крымского парламента Ефим Фикс, курирующий эту работу.

Памятник воинам-односельчанам в селе Медведево Джанкойского района, у трассы Симферополь-Москва. Установлен в 1973 году. На фронтах войны сражался 21 житель села. 12 воинов пали смертью храбрых на полях сражений, 7 человек награждены орденами и медалями.

Братская могила советских воинов и партизан в селе Новопавловка Бахчисарайского района. В апреле 1944 года здесь погибли со-

Памятник воинам-односельчанам
в с. Медведево
Джанкойского района

На братской могиле советских воинов
и партизан в с. Новопавловка
Бахчисарайского района. 2012 г.

Здесь
похоронены партизаны
Гражданской войны 1918 г.
в с. Новопавловка
Бахчисарайского района

**Памятник в честь воинов-односельчан
в с. Митяево Сакского района.**

ветские солдаты. Их похоронили в братской могиле красноармейцев, павших на Альминских высотах, в январе 1918 года. В 1958 году на могиле был установлен памятник — «железный солдат».

Памятник в честь воинов-односельчан в селе Митяево Сакского района. Установлен в 1966 году. 37 жителей села отважно сражались с врагом. Все они были награждены орденами и медалями за проявленное мужество и героизм. 9 человек погибли.

Братская могила партизан в Симферопольском районе, на территории Крымского природного заповедника. Здесь захоронены партизаны 4-й бригады Южного соединения, погибшие в Бешуйском бою в феврале 1944 года. Этот бой стал одной из наиболее крупных операций крымских партизан. Наши бойцы уничтожили 480 гитлеровцев, еще 30 взяли в плен. В 1962 году на братской могиле установлен памятник. В 1984 году установлен памятный знак на месте боя.

Братская могила жертв фашистского террора в селе Курортном Белогорского района. Осенью 1943 года фашисты сожгли 21 населенный пункт, среди которых было и село Фриденталь (ныне Курортное). Вместе с домами были сожжены 36 жителей села, партизаны и члены их семей. Остальные угнаны в Германию.

Памятный знак в честь односельчан, павших на фронтах Великой Отечественной в селе Донском Симферопольского района. Установлен в 1982 году. С немецко-фашистскими захватчиками сражались 150 жителей села. 48 из них погибли. 91 награжден орденами и медалями.

Братская могила советских воинов и партизан в районе села Перевального на 20 километре трассы Симферополь-Алушта. В 1961

**Салют в честь воинов,
павших в Бешуйском бою**

году здесь установлен памятник. Это напоминание о событиях 1943 и 1944 года. В ночь на 7 ноября 1943-го 17-й партизанский отряд под командованием О.А. Козина уничтожил в этом районе 70 солдат и офицеров противника, склад боеприпасов, захватил много оружия.

22 ноября того же года три отряда шестой партизанской бригады Южного соединения под командованием старшего лейтенанта Г.Ф.Свиридова совершили в этих местах налет на гарнизон врага.

В братской могиле погребены партизаны, погибшие в боях 7 и 22 ноября, а также два советских воина, павших при освобождении Крыма. Это капитан А.Н.Белоусов (номер воинской части не установлен) и Н.Г.Верецагин из 134-го артиллерийского полка.

Братская могила советских воинов в селе Перевальном Симферопольского района на 22 километре трассы Симферополь — Алушта. В 1960 году здесь установлен памятник — фигура солдата в пилотке и плащ-накидке с автоматом из бронзированного бетона.

В могиле захоронены советские воины, павшие в боях с гитлеровцами осенью 1941 года и в апреле 1944 года — всего более 40 человек. Имена большинства из них неизвестны.

Братские могилы советских воинов в селе Новопавловка Красноперекопского района. В общей сложности здесь захоронено 80 человек. Это бойцы, погибшие в октябре 1941 года в ожесточенных оборонительных боях у сел Новопавловка, Долинка, Привольное и при освобождении Крыма.

Братская могила советских воинов в селе Орловском Красноперекопского района. Здесь лежат наши воины, погибшие осенью 1941 года и весной 1944-го.

Братская могила советских воинов в с. Орловском Красноперекопского района

Братские могилы советских воинов в с. Новопавловка Красноперекопского района

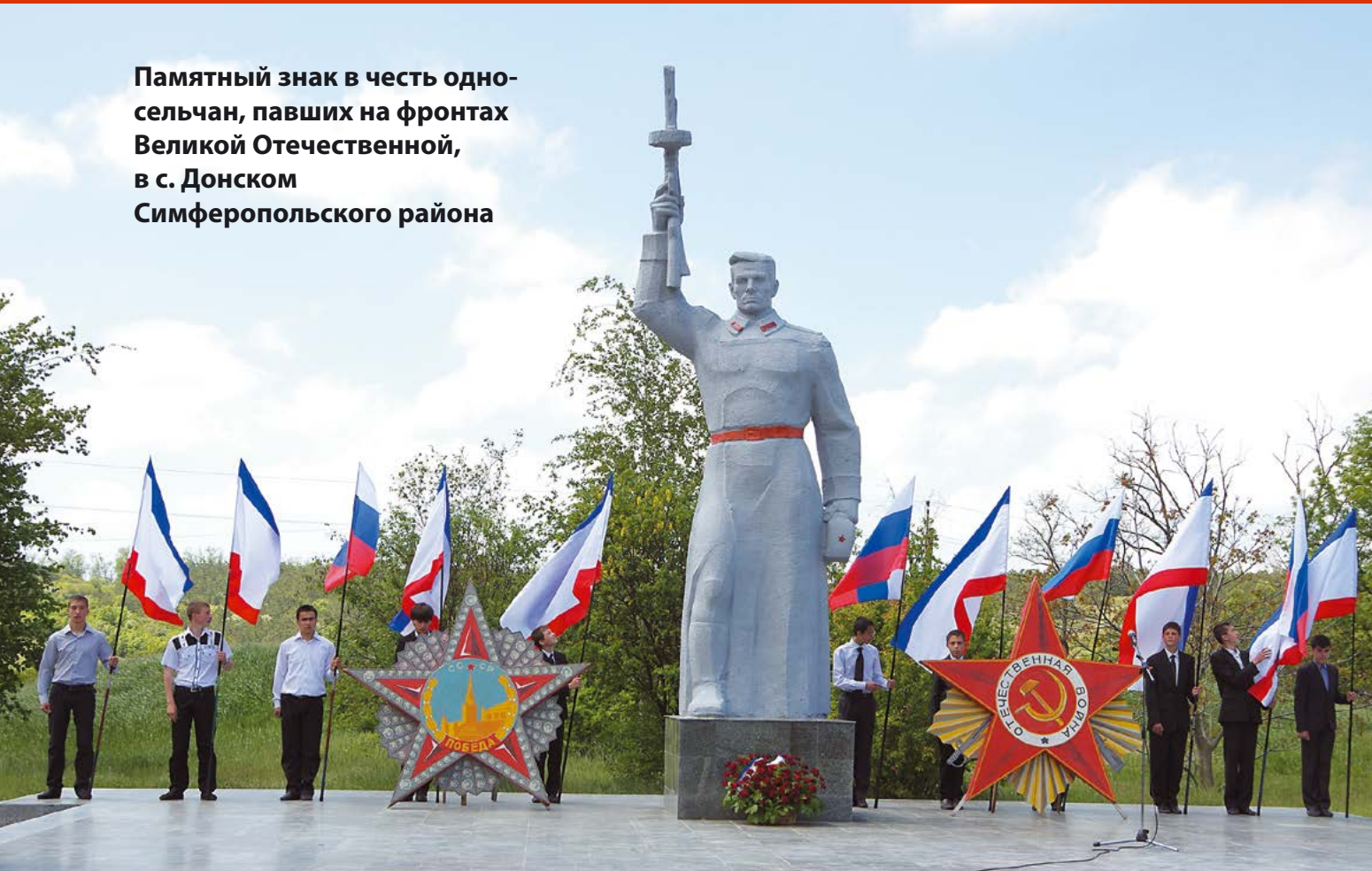
Новый памятник участникам Великой Отечественной войны 1941-1945 годов в поселке Научном Бахчисарайского района открыт 21 мая 2019 года

Братская могила жертв фашистского террора в селе Курортном Белогорского района

Памятник «Братская могила советских воинов и партизан» в селе Перевальном Симферопольского района

Памятный знак в честь односельчан, павших на фронтах Великой Отечественной, в с. Донском Симферопольского района

21 мая 2019 год открыт **новый памятный знак «Участникам Великой Отечественной войны 1941-1945 годов»** в поселке Научном Бахчисарайского района.

6 мая 2019 года в селе Урожайном Советского района открыт после реконструкции **памятный знак Воинам-односельчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны.**

В мае 2020 года к 75-летию Великой Победы в городе Бахчисарае **отреставрирован памятный знак в честь партизан, погибших в годы Великой Отечественной войны.**

В мае 2020 года в селе Ишунь Красноперекоевского района совместно с работниками АО «Крымский содовый завод» **восстановлена брат-**

ская могила воинов, погибших в боях 1920 года, 1941-1942 годов. В ней захоронено более 2,5 тысячи бойцов и командиров.

28 апреля 2020 года в селе Просторном Джанкойского района **восстановлен памятник воинам-односельчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны.**

30 апреля 2020 года открыт **восстановленный памятный знак на месте базирования и боев Бахчисарайского партизанского отряда, 1943 – 1944 гг. в поселке Научном Бахчисарайского района («Плаксина поляна»).**

Памятники героям — это не холодные и мертвые камни, а живая память. За каждым из этих камней, под каждым поросшим травой холмиком, под каждой могильной плитой — судьбы людей. Они любили и ненавидели, радовались и страдали. Они уходили на фронт, прощались с родными и обещали вернуться. Они сражались за Родину до последнего патрона, до последнего вздоха. И в какой-то момент, который никто из смертных не может знать заранее, шагнули в бессмертие.

Чем больше мы знаем об этих людях, чем дольше мы их помним, тем крепче связь поколений, объединяющая прошлое и будущее. Это основа преемственности истории, без которой невозможно существование и развитие народа и государства.

Памятник воинам-односельчанам в селе Просторном Джанкойского района

75
ПОБЕДА!
1945-2020

**КРЫМ:
ВОЙНА,
ПОБЕДА,
ПАМЯТЬ**

Миллионы фронтовиков всё ещё не вернулись с войны

Третьего декабря в России отмечают День неизвестного солдата. Таких солдат у нас, увы, миллионы. И наверное, именно они — главные герои той страшной войны. Им не досталось ни славы, ни почестей. У них не осталось даже имён. Они просто сложили свои головы за Родину. Но без них точно не было бы Победы. Мы должны им до сих пор. Должны, потому что, как говорил Александр Васильевич Суворов, война не закончена, пока не похоронен последний солдат.

По разным оценкам, в России до сих пор числятся пропавшими без вести от двух с половиной до четырёх миллионов солдат Великой Отечественной. При этом ежегодно удаётся обнаруживать около 20 тысяч останков советских солдат и определять около одной тысячи имён погибших. Как легко подсчитать, с такими темпами работы у отечественных поисковиков впереди даже не на годы, а на десятилетия.

«Движемся к переправе в Керчи. Сильно бомбят». Это строки из последнего письма домой, отправленного уроженцем Ставропольского края Николаем Шайдуровым, который на протяжении 70 лет числился пропавшим без вести.

Судьба Николая Семеновича прояснилась только в 2012 году, когда члены полевой экспедиции военно-поискового клуба «Патриот» из крымского райцентра Нижнегорский совместно с сотрудниками Керченского историко-культурного заповедника, поисковиками и

любителями военной истории обнаружили в балке неподалеку от Еникальского маяка останки 22 советских солдат. Поисковикам повезло: они нашли в захоронении остатки амуниции, несколько именных ложек и восемь медальонов-смертников. Лучшее всего сохранился вкладыш в медальоне младшего командира Шайдурова.

«Это была одна из первых моих полевых экспедиций, — рассказывает член клуба «Патриот», историк, краевед и журналист Оксана Шеремет. — Николай Шайдуров погиб во время катастрофы Крымского фронта в мае 1942 года. Отступающие войска Красной армии переправлялись через Керченский пролив на таманский берег под шквальным огнем противника. Когда бои утихли, вся прибрежная полоса была сплошь усеяна телами наших солдат. Убирать их заставили местных жителей. Многочисленные воронки от бомб и снарядов стали безымянными братскими могилами, никак и ничем не отмеченными. На официальном языке это называется санитарными захоронениями».

Благодаря найденному медальону поисковикам удалось разыскать родственников Николая Шайдурова и узнать его биографию.

«Николай Семенович был потомственным казаком из станицы Григорополисской Новоалександровского района Ставропольского края, — продолжает рассказ Оксана Шерemet. — Это старинная станица, основанная в 1794 году на берегу реки Кубань. Он родился в 1910 году. Судя по довоенным фотографиям, служил срочную службу в кавалерии. Перед войной заведовал молочно-товарной фермой в местном колхозе. Ушел на фронт, оставив дома жену и двоих детей».

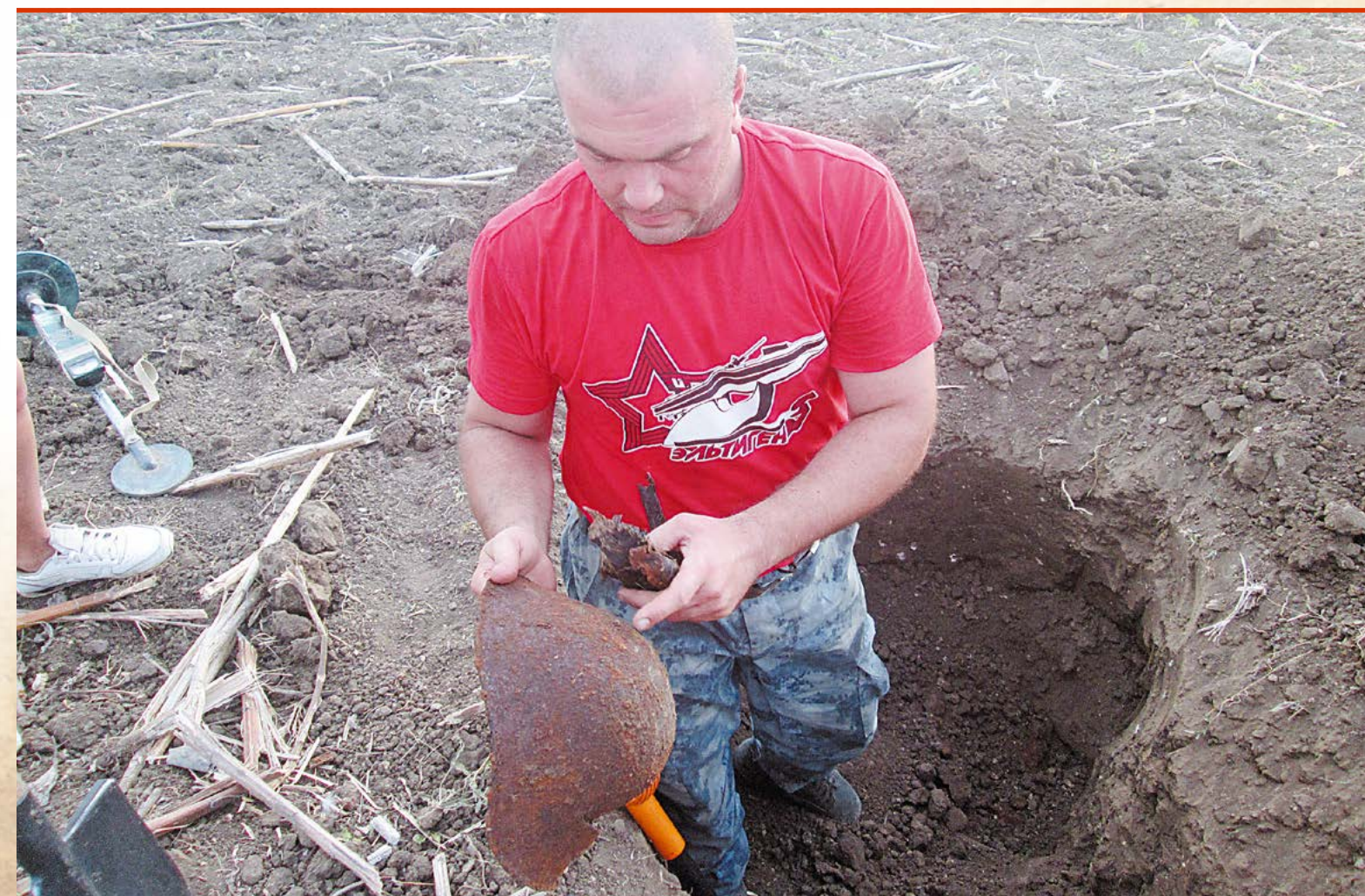
По словам Оксаны Николаевны, прах Николая Шайдурова торжественно проводили на родину в апреле 2012 года. На церемонии прощания присутствовали внуки погибшего героя.

Кстати, сама Оксана — внучка брянских партизан, переехавших в Крым в шестидесятых годах прошлого века, и защитника Москвы. Ее дед Иван Миронович Мазурин был помощником начальника штаба партизанского отряда имени Чкалова, который действовал в Брянских лесах. Там же воевала и бабушка Мария Фроловна — боец отряда «Советские патриоты» Комаричской партизанской бригады. Еще один дед — Александр Фролович — был тяжело ранен при обороне Москвы. Он умер в госпитале в декабре 1941 года и похоронен на Ваганьковском кладбище.

Сегодня клуб «Патриот» вместе с другими поисковыми организациями входит в Крымскую республиканскую поисково-патриотическую ассоциацию общественных организаций «Отчизна», созданную по инициативе руководителя нижегородского клуба Сергея Самбурского. Это поисковые отряды «Тафрос» и «Сивашский плацдарм» из Армянска и Красноперекоска, «Союз наследников традиций» из райцентра Красногвардейского, «Центр военного поиска «Крым-фронт — Эльтиген» (Керчь-Ялта), «Ак-Монай» из Феодосии, группа «Память» из поселка Кировского.

Дважды в год — в апреле и сентябре — крымские поисковики проводят Вахты Памяти, они помогли установить судьбы тысяч про-

павших без вести воинов. Только на счету заместителя председателя ассоциации «Отчизна» Натальи Дзюбы, которая занимается поисковой работой более 10 лет — несколько тысяч установленных судеб. Еще больше родственников узнали о местах захоронения, обстоятельствах гибели погибших, пропавших без вести солдат. Наталья Юрьевна по собственной инициативе и на личные средства создала сайт «Книга памяти Керченского полуострова» и постоянно наполняет его информацией.

«Вспоминается удивительная история, которая произошла в 2016 году, в ходе поисковой экспедиции «Ак-Монай-2016», — рассказывает Оксана Шерemet. — На территории Кировского района, под селом Владиславовка были обнаружены останки 92 бойцов, которые предположительно участвовали в наступлении Крымского фронта весной 1942 года. Поисковики нашли останки амуниции, блокнота, печать одного из батальонов 12-й бригады морской пехоты. При одном из бойцов была записка: «Туркменская ССР, Чарджоуский район, райздравотдел. Получатель Рахия Багаутдинова. Вместе с Натальей Юрьевной Дзюбой мы начали поиски».

Обращение в архив Минобороны, по словам Оксаны, результатов не принесло. А вот поиск через соцсети оказался успешным. Сначала откликнулась женщина, которая сообщила, что у нее была учительница с такой фамилией.

«Оказалось, что дочь этой учительницы живет в Подмоскowie, — продолжает Оксана Николаевна. — Она написала, что это действительно

их семья. А погибший — Нехматжанов Абдрахман Хасанович 1923 года рождения, уроженец города Астрахань. Был призван в армию в 1941 году, окончил Грозненское военно-пехотное училище, пропал без вести в 1942-м. Больше знала о Нехматжанове его двоюродная сестра Сафия Багаутдинова, которая жила в Астрахани. На тот момент ей было уже за 80 лет. Она прислала нам письмо, в котором рассказал о своем брате».

Как следовало из письма, семья жила в Дейнауском районе Чарджоуской области Туркмении. Абдрахмана забрали в армию после окончания десятого класса. Его мама действительно работала в местной амбулатории, она умерла в 1944 году. У Сафии сохранилось письмо двоюродного брата.

«Мы решили провести экспертизу и сравнить почерк в письме и в записке, которая была найдена поисковиками при погибшем солдате, — говорит Оксана. — Однако обычно это дорогостоящее мероприятие. Но эксперт из Симферополя Иван Яровиков согласился провести внесудебную почерковедческую экспертизу бесплатно. В результате он уста-

Выставка, организованная поисковиками для школьников

новил, что оба документа выполнены одним лицом. А значит, в Кировском районе Крыма был обнаружен именно Абдрахман Нехматжанов. Сафия Багаутдинова и ее племянница Зулейха Хаидова приезжали во Владиславовку, на перезахоронение останков своего родственника. Я до сих пор веду переписку с родными Нехматжанова через «Одноклассники». Так часто бывает: поднятые бойцы становятся нам родными, а поисковики — близкими их родственников».

А вот другая история. В 2018 году, как раз накануне Дня неизвестного солдата, Севастополь посетили родственники киргизского бойца Сагынбека Темиралиева, погибшего в последние дни обороны города-героя, летом 1942 года.

«Останки героя были обнаружены на мысе Херсонес нашими поисковиками еще в 1995 году. Тогда же по фрагментам вкладыша солдатского медальона удалось установить имя бойца. Им оказался Са-

гынбек Темиралиев, уроженец Чуйского района Киргизской ССР. В октябре того же года он был захоронен в братской могиле у памятного места 928-й зенитно-артиллерийской батареи. По архивным данным удалось установить, что младший лейтенант Темиралиев служил в 24 отдельной погранкомендатуре и погиб в последние дни Героической обороны Севастополя», — рассказывает председатель Севастопольского объединения поисковых отрядов «Долг» Марина Гавриленко.

Связаться с семьей погибшего героя удалось только через 23 года. И вот в конце ноября 2018 года в Севастополь из далёкого Бишкека прилетели внучатые племянники Сагынбека Темиралиева. У подножия памятника Чинар Омурзакова, Тилекбек и Туратбек Тукеевы установили фотографию своего дяди, возложили цветы, присыпали могилу привезённой с Родины землёй и помолились за всех советских солдат, погибших в Великой Отечественной войне.

Директор «Музея Героической обороны и освобождения Севастополя» Николай Мусиенко вручил гостям «Книгу Памяти», на страницах которой увековечено имя младшего лейтенанта Сагынбека Темиралиева.

В том же 2018 году в Севастополе удалось опознать еще нескольких погибших защитников города. Особенно удивительна история бойца Батала Гаджиева из Дагестана, которую также рассказала Марина Гавриленко. Отец Гаджиева не верил в то, что сын пропал без вести, и установил в родном селе Кунды памятник с его фотографией. И вот семьдесят с лишним лет спустя Батал действительно нашёлся. За его прахом в Севастополь весной 2018 года приезжал внук Абдул Гаджиев, и теперь останки солдата покоятся под тем самым памятником в селе Кунды.

Тогда же, накануне 73-го Дня Победы, перезахоронить своего деда, летчика, командира экипажа Ил-2 Корнея Ефременко из Москвы в Севастополь приезжали его внучка Наталья Черенкова и правнучка

Елена. «Как удар молнии» — так описала Наталья момент, когда ей рассказали о том, что найдены останки её деда.

Среди других пропавших без вести, чьи останки удалось идентифицировать, — стрелок того самого Ил-2 старший сержант Пётр Токток, ещё один старший сержант Константин Палаусов, краснофлотец Павел Коваленко.

26 октября 2018 года на Мемориальном воинском кладбище в посёлке Дергачи в Севастополе были перезахоронены останки ещё семи бойцов Красной армии, погибших в боях за город в мае 1944 года. Родственники одного из них — уроженца села Афанасьевка Курской области Ивана Иевлева — побывали на этой церемонии. Внучатая племянница бойца Наталья Асеева рассказала, что Иван был единственным членом семьи, который числился пропавшим без вести, хотя воевали многие. Благодаря севастопольским поисковикам Иван Иевлев вернулся в большую семью. У него четыре племянницы, девять внуков, 17 правнуков и пять праправнуков.

А вот совсем свежие факты. В декабре 2019 года экипаж спасательного судна «Эпрон» поднял со дна Черного моря, с глубины в 80 метров, советский бомбардировщик Пе-2. Удалось установить имя погибшего летчика — им был капитан Владимир Клюев, призванный на войну из Тверской области. Сейчас поисковики ищут там его возможных родственников.

Наконец, в феврале 2020 года, при проведении земляных работ на площади адмирала Ушакова в Севастополе поисковики «Долга» обнаружили братское захоронение пяти красноармейцев. В могиле нашли Орден Красной звезды, по номеру которого удалось определить имя одного из героев. Им оказался Николай Гаврилович Чеховский.

Читаем на сайте «Подвиг народа». Год рождения: 1916. Звание: старшина, в Рабоче-крестьянской Красной армии с 1937 года. Место призыва: Украинская ССР, Чемеровецкий район Каменец-Подоль-

ской области. Место службы: вторая танковая бригада. Дата подвига: 07.11.1942 года. Должность: командир башни танка Т-34. Краткое конкретное изложение личного боевого подвига: «В боях против немецкого фашизма неоднократно проявлял мужество и отвагу. В бою 2-11 ноября 1942 года в районе Н.Саниба — Гизель (Северная Осетия) в составе экипажа уничтожил: два орудия и до 15 автоматчиков противника, а когда танк был подбит, вывел весь экипаж, члены которого были ранены».

Что-то теперь думают о подвиге Николая там, в Чемеровецком районе современной Хмельницкой области, где сегодня хозяйничают потомки Бандеры и Шухевича?

Судя по датам, Николай Чеховский и его товарищи погибли во время освобождения Севастополя весной 1944 года. Торжественное перезахоронение останков героев планируется провести на Мемориальном братском кладбище Великой Отечественной войны накануне 75-летия Великой Победы.

Имена всех праведников записаны у Бога на небесах, в Книге жизни, говорит Библия. А тот, кто «положил жизнь за други своя», кто погиб на поле боя, защищая свою Родину, свой народ, свою семью, безусловно относится к числу праведников. Вот эти небесные имена и возвращают поисковики нам, живущим на земле. Их дело — не только нужное, но и святое. И в этом нет даже толики пафоса.

75

ПОБЕДА!
1945-2020

КРЫМ:
ВОЙНА,
ПОБЕДА,
ПАМЯТЬ

ГЛАВА 20

«Отечество» Владимира Волынка

Константиновка — село километрах в пятнадцати к юго-востоку от Симферополя. Во дворе у дома на самой окраине деревни стоят две... пушки.

Зис-3 — 76-миллиметровая дивизионная пушка образца 1942 года, самое массовое советское артиллерийское орудие эпохи Великой Отечественной. На фронте ЗиС-3 расшифровывали как «Залп имени Сталина». Другой, «ласковый вариант» — «Зося». В первый раз «Зося» обрушила свои залпы на фашистов на Курской дуге, в последний — в Берлине. 37-миллиметровая автоматическая зенитная пушка образца 1939 года — гроза «мессершмитов», «юнкерсов», «хейнкелей» и всяких прочих «фоккевульфов».

Оба орудия Владимир Николаевич Волынка восстановил из состояния металлолома. Было это еще в «украинские времена». Да, вот так, одни сдают историю Отечества на металлолом, а другие ее восстанавливают. Сейчас пушки составляют «главную огневую мощь» военно-исторического клуба «Отечество», основателем и руководителем которого является Волынка.

Владимир служил срочную службу в Киеве, в 290-м отдельном мострелковом полку МВД СССР. Уволился в запас в 1982 году в звании сержанта. Вернулся на родину, в Крым, в родное село.

«Всю жизнь мечтал об армии и вот, в конце концов, набрал свою собственную», — шутит Волынка. В 2008 году он увидел по телевизору реконструкцию штурма Сапун-горы советскими войсками и загорелся идеей создать свой военно-исторический клуб. Мечта сбылась 2 ноября 2009 года, когда бойцы «Отечества» провели свою первую реконструкцию — это был бой между отступавшими через

Константиновку к Севастополю красноармейцами и фашистами, который случился ровно 68 лет назад, 2 ноября 1941 года. Атмосферности добавляло то, что «сражались» «защитники Отечества» в настоящих окопах периода Великой Отечественной, которые так до конца и не затянулись за минувшие после ее окончания десятилетия.

«Из наших константиновских никто не хотел немецкую форму одевать, пришлось просить ребят из Алушты», — вспоминает Владимир.

Военно-историческая реконструкция — не самое дешевое удовольствие. Нужны деньги на обмундирование, амуницию, собственно проведение «спектаклей». Каждый член клуба экипируется за свой счет.

Мы разговариваем у него на кухне. К холодильнику прислонен легендарный пулемет Дегтярева — с треногой и дисковым магазином. Я прошу разрешения подержать его в руках. Из такого мой дед бил фашистов под Сталинградом.

«День Победы, как он был от нас далёк, как в костре потухшем таял уголёк...» — звонит у Волынко старый кнопочный мобильный телефон. Просто мелодия, но память тут же подсказывает слова, известные каждому крымчанину, каждому россиянину: «Здравствуй, мама, возвратились мы не все... Босиком бы пробежаться по росе! Пол-Европы прошагали, пол-Земли, — этот день мы приближали, как могли».

Осенью минувшего года «Отечество» отметило свой десятилетний юбилей. Эти годы вместили в себя много ярких событий. Самыми памятными Владимир называет реконструкции партизанских боев

в урочище Нижний Кокасан и у кордона Красный камень, а также знаменитого Бешуйского боя.

В урочище Нижний Кокасан партизаны из Ичкинского отряда под командованием Михаила Чуба нанесли 3 ноября 1941 года первый удар по оккупантам, уничтожив сразу 123 гитлеровца. Бой у Красного камня произошел несколько дней спустя — 19 ноября 1941 года. В нем с фашистами сражались бойцы Ялгинского партизанского отряда под командованием Василия Кулиничча, лично застрелившего гитлеровского офицера Биттера, который приходился родственником самому Кальтенбруннеру.

Ну а Бешуйский бой, самый крупный и результативный в истории крымского партизанского движения, и вовсе случился рядом с родным селом Волынко. Буквально в пяти километрах от Константиновки находится село Партизанское, которое получило это славное имя в 1945 году в честь всех крымских партизан, проведен-

ших 252 боя с фашистами, устроивших сотни диверсий, засад и уничтоживших в общей сложности почти тридцать тысяч гитлеровцев.

Неподалёку, на кордоне Сосновый, установлен обелиск «Партизанам и партизанкам, павшим смертью храбрых в боях против фашистских оккупантов». Семнадцать фамилий: Мемет Апазов, Николай Бондаренко, Пётр Гвалия, Василий Кочкарёв, Герман Тайшин, Николай Спаи, Иван Гнатенко, Василий Гнатенко, Филипп Мельников, Борислав Ницецкий, Евгений Тарнович, Яков Чёрный, Яков Лагутин, В. Долуденко, А. Зонов, Т. Тюрина, А. Петриченко. Партизаны Южного соединения, участники знаменитого Бешуйского боя, в котором 8 февраля 1944 года было уничтожено 480 фашистов.

Отдельная страница истории «Отечества» — реконструкция освобождения советскими войсками узников фашистского концлагеря в Красном, где сегодня расположен мемориал памяти жертв фашистской оккупации.

«Зверства гитлеровцев не укладываются в голове нормального человека, — говорит Волынка. — В ходе реконструкции мы инсценировали в том числе расстрел фашистами узников концлагеря». Страшно было не только зрителям, но и участникам «спектакля», однако для этого в конце концов и проводятся такие акции — чтобы люди не просто прочитали, услышали, а почувствовали, что такое война и что такое фашизм.

В феврале 2014 года, когда к власти в Киеве, где когда-то служил Владимир, прорвались неонацисты, он не колебался ни минуты — дежурил у здания Государственного Совета Крыма со своими бойцами-реконструкторами: Зелезниченко, Лохматовым, Шульгой, Клайником, Казарьяном, Ливанцовым, Бородатым, потом обеспечивал безопасность во время организации и проведения референдума о воссоединении с Россией.

«Сдаваться бандеровцам мы не собирались. В случае чего, детей и внуков отправили бы на материк, а сами взяли в руки не реконструкторское, а боевое оружие», — говорит Волынко, показывая награды, полученные из рук главы Республики Крым Сергея Аксёнова — медаль «За защиту Республики Крым» и памятную медаль «75 лет освобождения Крыма от фашистских захватчиков».

«Этот День Победы порохом пропах, это праздник с сединою на висках», — снова играет телефон. Седина уже давно тронула виски Владимира Николаевича. Все-таки под шестьдесят. Военно-историческая реконструкция у Волынко — семейное увлечение. Вместе с ним за Отечество «воюют» жена Наталья, трое сыновей — старший Виталий, средний Иван и младший Дмитрий, а также внук Сергей.

Причем Виталий сейчас еще и служит по контракту в российской армии. В военно-историческом клубе он — командир отделения, в реальной армии — водитель в танковом батальоне в Перевальном. Спрашиваю: пригодилось ли ему на службе участие в реконструкторском движении? Конечно, отвечает. Приучает к дисциплине, дает важные походные и тактические навыки.

Другое увлечение Виталия Волынко — ...театр. Хотя, с другой стороны, что здесь удивительного? Военно-историческая реконструкция среди прочего требует и таких способностей. Виталий — режиссер и актер самодеятельного театра в местном клубе. Недавно поставил спектакль «Свадьба в Константиновке» — по мотивам знаменитого советского фильма «Свадьба в Малиновке».

«Главная сила реконструкторского движения — конечно, те, кто вырос в СССР, — рассказывает Волынко-старший, — но и молодежь

тоже понемногу подтягивается». Сегодня в «Отечестве» около сорока членов, однако Владимир Николаевич мечтает довести численность своей «армии» хотя бы до сотни «сабель».

Вот так, а не дежурными официальными мероприятиями, которые часто не вызывают ничего, кроме скуки, и воспитывают настоящих патриотов, которые в случае чего не драпанут и не предадут.

Напоследок Волынко показывает мне свою «Ленинскую комнату». На стене висит большой портрет вождя мирового пролетариата, в шкафах — обмундирование: гимнастерки, кители, фуражки, ремни, портупеи. Можно легко экипировать небольшое воинское подразделение.

На улице в гараже стоит еще один раритет — старый советский полноприводный «джип» ГАЗ-67, в годы Великой Отечественной использовавшийся как штабной и разведывательный автомобиль, перевозчик пехоты и раненых, а также как легкий артиллерийский тягач — в том числе для таких пушек, как те, о которых я рассказал в самом начале этого очерка.

Всё готово к защите Отечества!

75
ПОБЕДА!
1945-2020

**КРЫМ:
ВОЙНА,
ПОБЕДА,
ПАМЯТЬ**

Шествие «Бессмертного полка»
в Симферополе, 2019 г.

Бессмертная армия Победы

(послесловие Александра Машенко)

Девятого мая по всему миру пройдут победным парадным строем миллионы солдат Бессмертного полка — ни за что не возьму эти слова в кавычки.

Хотя на самом деле это не полк, не бригада, не дивизия, не корпус и даже не фронт.

Это Бессмертная армия Победы.

В ней плечом к плечу — поколения: прадеды, деды, отцы, дети, внуки, правнуки.

У нас хотели украсть Победу. Это самый точный глагол — именно украсть. Знали, что в открытом, честном бою шансов нет. Принялись потихоньку, предательски переписывать учебники истории, демонтировать памятники советским солдатам, «примирять» ветеранов Красной армии с эсэсовцами и «рядовыми бойцами вермахта, всего лишь выполнявшими приказы» и, наконец, поставили знак равенства между гитлеровской Германией и Советским Союзом.

Когда терпеть это стало невозможно, и родилось 9 мая 2012 года в далеком сибирском Томске удивительное народное движение Бессмертного полка. Миллионы потомков победителей достали фотографии своих прадедов, дедов, отцов и вышли с ними на улицы

Томска, Москвы, Санкт-Петербурга, Смоленска, Тулы, Севастополя, Симферополя, Керчи, тысяч других городов и сел, в том числе и далеко за пределами современной России — сегодня движение охватывает более восьмидесяти стран мира.

Их никто не заставлял, не спускал разнарядок из Кремля и местных администраций, не призывал через военкоматы и телевизоры. Они... записались добровольцами — так же, как записывались их прадеды, деды, отцы в сорок первом.

И стало ясно, что мы по-прежнему непобедимы. Ясно — всем, в том числе и ворам. Впрочем, ворам стало еще и страшно. Их злоба, ложь, клевета, подлость, предательство оказались бессильны перед подвигом народа, в роду у которого Александр Невский, Александр Суворов, Михаил Кутузов, Георгий Жуков, Иосиф Сталин.

— Иосиф Сталин? — завопят дурными голосами либералы.

— Иосиф Сталин, — отвечаю я им.

Именно его профиль изображен на медали «За победу над Германией», которой награждены мои дедушка и бабушка, а вместе с ними еще около пятнадцати миллионов

победителей. В их числе — дедушка (по линии матери) моего друга и коллеги Олега Маркелова — Гайк Агабеков.

На фото
дядя и дядя А.
память
успехе от
в Украине
В память моей восьмой
сестры на Западной Украине в
г. Стрый, по освобождению Чернышев
слав, единокровных братьев от польских
помещиков и капиталистов,
Близи и Могилы, в честь деда
Умираю в г. Стрый
1939 г.
Твой Александр
На сестры, наставитав с
дядей и дядей.

келова — Гайк Агабеков.

Надпись на медали гласит: «Наше дело правое. Мы победили» и подводит итог войны, которая для большинства советских людей началась в полдень 22 июня 1941 года с речи по радио заместителя председателя Совета Народных Комиссаров СССР Вячеслава Молотова, пообещавшего: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами».

Фальсификация истории является своеобразной интеллектуальной «артподготовкой» перед тем, как захватить ресурсы и территорию страны, уничтожить её суверенитет, не прибегая к боевым дей-

ствиям. Так было, например, на Украине. Я помню, как начиналась Крымская весна 2014-го. Там было много разных событий — как глобальных, так и личных. О глобальных все хорошо знают и без меня, а я расскажу об одном личном, которое сделало невозможным жить в стране, где к власти пришли наследники Бандеры и Гитлера.

22 февраля 2014 года бандеровцы снесли памятник советскому солдату в небольшом западноукраинском городке Стрый. С одной стороны, экая невидаль в последние годы. С другой — для меня это был особенный памятник. Мои дедушка и бабушка, украинцы по национальности, дважды освобождали этот самый Стрый. Дедушка, старший лейтенант Красной армии Алексей Крятов, в 1939-м, бабушка, старший сержант Красной армии София Крятова, в 1944-м.

В семейном архиве сохранились их фотографии в Стрые. На одной, сделанной в ноябре 1939-го, дед с однополчанами. Подпись на обороте гласит: «В память моей военной службы на Западной Украине по освобождению украинцев, своих единокровных братьев, от польских помещиков и капиталистов». На другой, датированной 7 сентября 1944-го, бабушка — тоже с однополчанами. Надпись на обороте — менее политизированная, более женская: «Память родным от вашей дочери Сони».

Я пытаюсь помнить.

Тогда, 22 февраля 2014 года, бандеровцы фактически снесли в Стрые памятник моим дедушке и бабушке, в буквальном смысле выбросили на свалку. Не истории — туда, пока я жив, выбросить не получится. На городскую свалку. Их, прошедших всю войну. Дед — с 1939-го по 1944-й. От Западной Украины до Сталинграда и потом назад до Польши, где был тяжело ранен и демобилизован. Бабушка ушла на фронт в 1941-м, когда фашисты стали приближаться к её и моему родному селу Гряниковка в Харьковской области. Её, жену офицера Красной армии, в оккупации ждали бы расстрел или висе-

лица. Она потом тоже защищала Сталинград, а День Победы встретила в Праге.

Бандеровцы выбросили памятник советским солдатам на городскую свалку, а потом принялись рассказывать о европейских ценностях, демократии и толерантности. Вот только нет никаких причин терпимо относиться к ним.

Почему это стало возможным? Да как раз потому, что там, на Западе Украины, удалось успешно фальсифицировать историю Второй мировой. Кстати, Стрый — городок, в котором Степан Бандера учился в гимназии.

При этом, увы, когда мы говорим о фальсификации истории, надо помнить, что все эти фальшивые идеи много лет провозглашались и у нас в стране — причем с самых высоких трибун. На этом выросло как минимум одно поколение. То самое поколение, которое как раз и стало главной ударной силой, основным пушечным мясом киевского майдана и последовавшей за ним гражданской войны в Донбассе.

В Крыму промыть мозги критическому количеству людей, к счастью, не удалось. Аккурат на следующий день, 23-го февраля 2014 года, в Симферополе началась запись в Народное ополчение. Прямой связи между сносом памятника в Стрые и этим фактом нет, а духовная — не сомневайтесь, есть.

Следующие шесть лет подтвердили: оставаться в составе бандеровской Украины Крым не мог. Там продолжают крушить памятники и мемориальные доски — Ватутину, Кузнецову, Жукову, многим другим героям Великой Отечественной. Там продолжают маршировать во славу Бандеры. Там на государственном уровне больше не отмечают День Победы, придумав некий День памяти и примирения. Там уравнивали советских ветеранов с ветеранами УПА (запрещенная в России организация). Там считают главным врагом Россию.

В Европе фальшивые идеи о войне провозглашают и вовсе на протяжении десятилетий. Результаты этой кампании приводит извест-

Тысячи крымчан, наследников Победы, записались 23 февраля 2014 года в Народное ополчение

ный крымский историк Андрей Ишин: «Как свидетельствуют социологические исследования, 67 процентов граждан в европейских странах убеждены в том, что решающий вклад в победу во Второй мировой войне внесли США, и только 13 процентов знают, что это сделал Советский Союз. Хотя и Рузвельт, и Черчилль, и де Голль говорили о решающем вкладе именно Красной армии».

Концепция изменилась в годы холодной войны. По мнению учёного, речь идёт о системных, спланированных, хорошо оплаченных фальсификациях.

«В европейских странах была сформирована такая информационная ситуация, что думать иначе, чем эти 67 процентов, немодно, а иногда и невозможно, потому что доступа к другой информации нет», — считает учёный.

Совсем недавно, в разгар эпидемии коронавируса, канцлер современной, негитлеровской Германии Ангела Меркель обратилась к своему народу: «Со времен Второй мировой войны не было большего вызова нашей стране, при котором так много зависело бы от наших совместных солидарных действий».

Интересно, что Меркель имела ввиду?

Какой вызов стоял перед ее страной во время Второй мировой? Взятие Москвы? Сталинграда?

И о каких совместных солидарных действиях она говорила?

Может быть, о защите просвещенного культурного Берлина от наступающих сталинских орд?

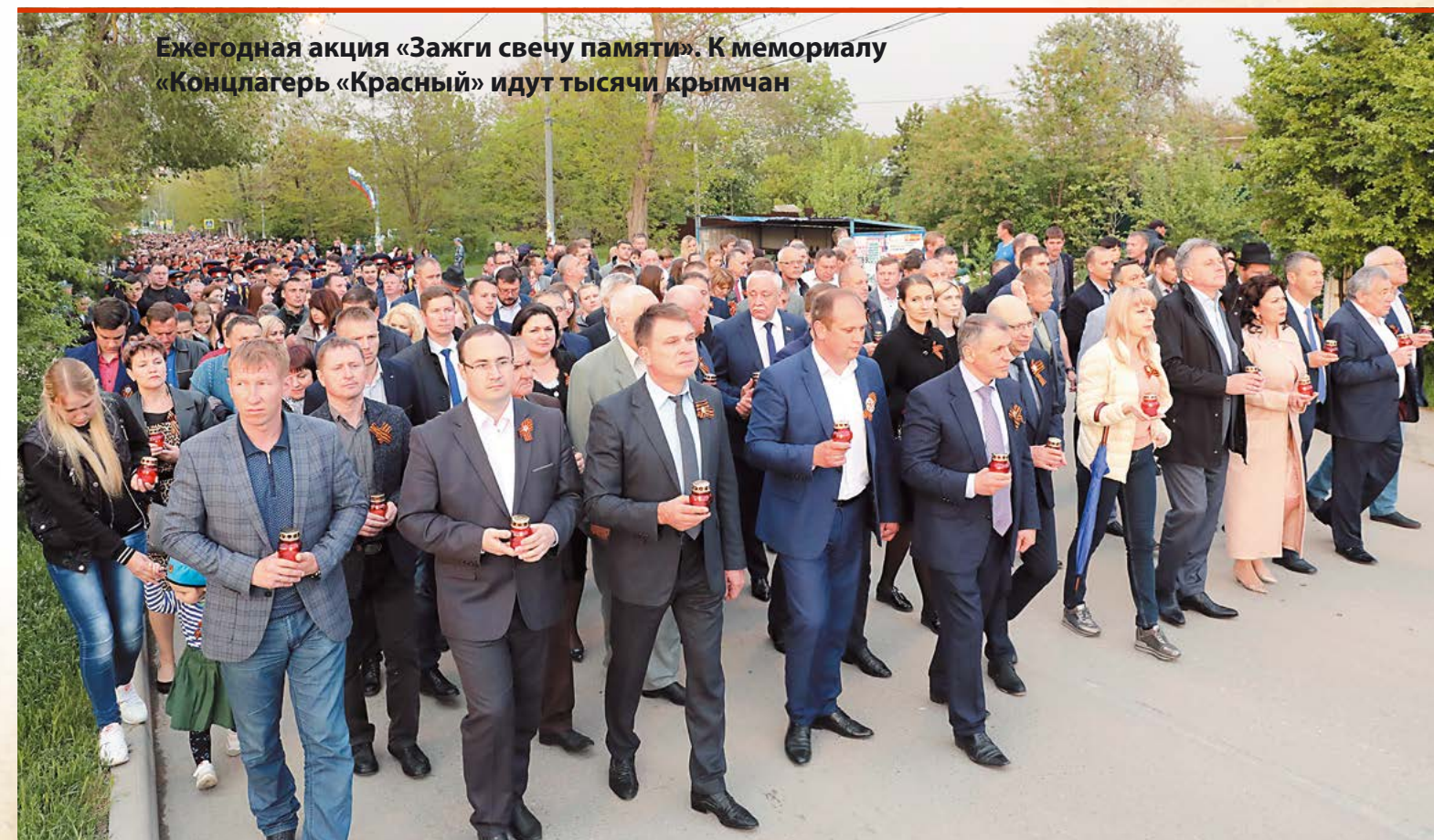
Если я ничего не путаю, Вторая Мировая война закончилась для Германии падением Рейхстага и безоговорочной капитуляцией. Хотя... Не удивлюсь, если в новейших немецких учебниках изложена другая версия.

Сегодня против России идет новая, как ее часто называют — гибридная война. Линия фронта в ней, увы, проходит по территории бывшего СССР. Чаще всего эта война — холодная, информационно-пропагандистская, хотя в Донбассе она уже унесла тысячи человеческих жизней. Когда-то народы Советского Союза в едином строю сражались с фашизмом, а сегодня в городах-героях Киеве и Одессе, в Харькове, в Днепрпетровске, в Запорожье, в моём (и моих дедушки и бабушки) родном селе у власти находятся те, чьими официальными героями являются пособники Гитлера.

Но мы-то с вами знаем: наше дело правое.

Враг будет разбит.

Победа будет за нами!

КРЫМ: ВОЙНА, ПОБЕДА, ПАМЯТЬ

© Олег Владимирович Маркелов, Александр Петрович Мащенко, 2020

Авторы выражают особую благодарность за помощь в подготовке материалов для книги генеральному директору Центрального музея Тавриды Андрею Мальгину, директору Севастопольского военно-исторического музея-заповедника Николаю Мусиенко, генеральному директору Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника Татьяне Умрихиной, директору Евпаторийского краеведческого музея Татьяне Придневой, директору Ливадийского дворца-музея Ларисе Декушевой, руководителю Джанкойского районного историко-краеведческого музея Людмиле Тувышевой.

В книге использованы фотографии из фондов упомянутых выше музеев, фотографии пресс-службы Государственного Совета Республики Крым, пресс-службы Главы Республики Крым, а также из личных архивов Сергея Аксёнова, Владимира Константинова, Владимира Бобкова, Ольги Сульниковой, Оксаны Шеремет, Владимира Волынка, Татьяны Малой, Дарьи Чуб, Николая Головина, Ивана Юрьева, Ирины Монастыренко, а также материалы, представленные героями публикаций и их родственниками.

Фотография на обложке: автор Е.А. Халдей, предоставлена Восточно-Крымским историко-культурным музеем-заповедником.
Верстка: Татьяна Малая

Подписано в печать 30.04.20. Формат 64x90 1/16
Бумага мелованная, матовая. Печать офсетная.
Физич. печ. л. 18,25. Усл. печ. л. 19,35.
Гарнитура «Book antiqua». Заказ №... Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Фирма «САЛТА» ЛТД»
Симферополь, ул. Коммунальная, 24/3
тел.: (3652) 547-341, 248-472; e-mail: salta@saltaprint.com

